

Ольга Демина
Александр Нарышкин

ПАРИЖСКИЙ ВЕРНИСАЖ

Действие романа «Парижский вернисаж» происходит в наше время. Главная героиня — журналист Ольга Дашкова влюблена в молодого художника Сергея Смирнова, но измена и предательство любимого человека повергают ее в депрессию и меланхолию. Она ищет спасения от дурного настроения в прогулке по осеннему парку. У городского пруда она встречает красивого незнакомца. Им оказывается граф Мишель Строганов, приехавший в Россию в командировку из Франции. Мишель влюбляется в Ольгу Дашкову и предлагает ей руку и сердце. Брак Ольги с Мишелем возможен, но для этого ей придется покинуть родину и уехать жить в Биарриц, родной город Мишеля...

Мастерская художника

Глава 1

Молодой художник Сергей Смирнов был талантливым, но не признанным столичной богемой. Его несколько удачных работ (в основном — портреты прекрасных дам) украшали частные собрания отечественных и зарубежных коллекционеров. Но до всеобщего признания было еще далеко.

Сергей приехал из провинции покорять столицу. Он был выходцем из простой рабочей семьи, потому едва сводил концы с концами. И тут на его пути повстречалась Она. Ее звали Марина, она была женой банкира, женщиной богатой и очень влиятельной. Марина невыносимо скучала, поэтому встретив красивого молодого юношу, она с головой окунулась в любовную авантюру. Она была старше Сергея на двадцать лет, но это их не смущало. Марина помогла любовнику стать знаменитым художником, Сергей был нежен с ней в постели. Они расстались так же легко, как и сошлись. На прощание Сергей подарил Марине ее портрет, она же от избытка чувств подарила молодому любовнику новый автомобиль и укатила с очередным любовником на модный курорт.

Марина не была его Галатеей, поэтому Сергей очень быстро бы забыл свою страсть, если бы Марина не решила покончить жизнь самоубийством. Разразился скандал, муж кинулся искать виновных. И они быстро нашлись, у жены банкира было много любовников. Подозрение пало и на Сергея, так как он также входил в круг «избранных». Дело отягчалось еще тем, что из комнаты Марины исчезли все ее драгоценности. Сергея допрашивал матерый опер, он хотел вывести того на чистую воду, уговаривал «не валять Ваньку», покаяться, так сказать, во всех грехах и сознаться в содеянном. Смирнов не хотел отдуваться за чьи-то грехи, он ни в чем не сознался. К тому же, у него было железное алиби. В тот день, когда погибла Марина, его не было в городе. И все же, ему пришлось продать новый автомобиль, чтобы нанять хорошего адвоката. Адвокат вытянул своего подзащитного из передраги, в которой тот оказался по молодости лет. Сергей был на свободе, но ему снова пришлось начинать все сначала. Он был замешан в крупном скандале, его имя журналисты бульварной прессы буквально смешали с грязью. Он растерял всю клиентуру, друзья отвернулись, он чудом удержался в художественной академии. Черная полоса, казалось, не кончится никогда. Смирнов начал искать утешение на дне бутылки, и чуть не спился.

В трудную минуту жизни художника спасла живопись. Он трудился не покладая рук, не щадя своих сил. Исхудавший, полуголодный он мог часами, сутками простаивать возле мольберта, не покидая здания на набережной, где располагались художественные мастерские. Там же он и жил, так как дома у него не было. Ел он через день. Денег едва хватало на краски, кисти и холсты.

Хорошо, что рядом были такие же художники, ненормальные и одержимые работой, которые поддержали молодого коллегу в трудную минуту.

— Ты пойми, Серега, так ты себя до изнеможения доведешь, а все равно ничего толкового не нарисуешь, — говорил сердобольный Севка Лаптев.

Его мастерская была по соседству. Он больше всех сочувствовал молодому художнику и переживал за него больше всех. Когда-то в юности Севка тоже пережил бурный всплеск

всеобщего признания. Но успех длился недолго.

Лаптев понял, что звезд с небес он не достанет, зато сможет делать картины под заказ, на продажу. Жена Алиса была в восторге от его натюрмортов с чайными сервизами, вазами с фруктами; русскими пейзажами, где красовались березы в зеленых сарафанах. Желтые сережки казались как живые, они приветливо махали с полотна каждому, кто проходил мимо картины. А это так умиляло зрителей, что отбоя у Лаптева от покупателей не было. И туристы, и соотечественники так любили русскую природу!

Алиса была счастлива, что связала свою жизнь с Севой. Их брак не превратился в рутину даже после тридцатилетнего юбилея.

— С художником не соскучишься, — любила поговаривать среди подруг Алиса. — Мы со своим уже он сколько лет вместе, а все как молодые.

— И тебе не скучно с одним мужиком? — спрашивала подруга юности, бойкая Варвара, которая жила уже с пятым по счету мужем. — А как же всплеск эмоций, новые впечатления?

— Представляешь, подруга, не скучно. Он же художник, понимаешь. Он же весь в искусстве, творец, служитель муз.

— Вот то-то и оно, что служитель муз, — легкомысленно захихикала Надежда. — Они, наверное, и кружатся возле него, эти музы.

— Надежда, прекрати немедленно, — прикрикнула на подругу Варвара. Она была самая строгая среди подруг, как никак — нотариус. Постоянная работа с документами и людьми сделала ее ответственной за человеческие судьбы.

А Варвара была знатоком человеческих душ. Ей доверяли все: и клиенты, и родственники, и, вообще, случайные попутчики. Перед ней покаялась и Алиса, хотя долго скрывала от подруг свою боль. Варвара знала, что Алиса очень страдает от того, когда ее Лаптев приступает к работе над новым женским портретом. Портреты детей, стариков, мужчин не расстраивали Алису. Она даже с удовольствием их рассматривала. Подолгу стояла перед полотнами, находя некие огрехи, показывая мужу, где нужно усилить светотень, где заменить фон, слегка исправить контур, цвет одежды.

Общаясь в кругу художников, Алиса сама научилась рисовать. Правда, она занималась батиком — ручной росписью по шелку анилиновыми красками, все равно — это была возможность окунуться в мир прекрасного, волшебного мира. Свои работы она дарила подругам, украшала цветастыми картинами свою гостиную. Ее даже хвалили некоторые знатоки батика. Все было хорошо до тех пор, пока в студии не появлялась красивая женщина. Она царила в обители художника, осознавая свое совершенство, грацию и неотразимость от природы.

— Сева, опять ты увлекся, эта модель — твое новое увлечение? — каждый раз сетовала жена.

— Лиса — Алиса, не сердись, ну понимаешь, это же — муза, — ласково говорил Сева жене. Всего несколько сеансов, и мы расстанемся с ней, как в море корабли...

Но эти слова уже не могли обмануть Алису, которая от природы не обладала убийственной красотой. И она съеживалась от присутствия красавицы в их мастерской, а главное — от своего бессилия, что-либо изменить, безумно ревнуя и молча глотая слезы про себя.

Глава 2

— Сережка, дружище, ты опять не ночевал дома, — в дверях замаячила рыжая лохматая голова. Севка Лаптев унаследовал от матери густые выющиеся волосы. Они вились в густые мелкие завитушки, и от этого Севка не мог с ними справиться, сколь тщательно не причесывался б по утрам. Он и мочил шевелюру водой и гелем смазывал, все было бесполезно. Поэтому он всегда с завистью смотрел на черные волосы друга, которые плавной волной рассыпались по плечам.

— Эх, повезло тебе, Серега, с волосами. Они у тебя — послушные.

— Ну, будет тебе прибедняться. Да о таких локонах, как у тебя, мечтает, каждая женщина, и перманент делать не надо!

— Смеешься, — обиделся друг и отвернулся к окну.

— Не дури, приятель. Ну, будет обижаться. Я тебя так ждал. Вот посмотри, что я ночью нарисовал.

Сева внимательно рассматривал картину, стоявшую на мольберте. Чего-то не понимая, подошел поближе, сощурил подслеповатые глаза, затем отошел подальше, не отводя взгляд от картины. Наконец-то его озарило, он стукнул себя по лбу и воскликнул:

— Прекрасно! Сережка — ты просто гений. Тебе удалось переплюнуть самого Тинторетто.

— Да это и есть он сам и его портрет прекрасной незнакомки, — виновато улыбнулся Смирнов.

— Но как?! Как картина самого Тинторетто очутилась у тебя в мастерской?

— Досталась по наследству...

— Ты шутишь? — Сева недоверчиво посмотрел на приятеля.

— Ну, конечно, шучу.

— Боже, я теперь понимаю, ты украл эту картину из музея! — ужаснулся одной только мысли Лаптев.

— Да, нет же, успокойся. Никто ее не крал.

— Но тогда объясни, как портрет прекрасной незнакомки кисти итальянского художника эпохи Возрождения оказался у тебя в мастерской?

— Мне ее дал приятель, на время, на неделю. Он работает в провинциальном музее, в фондах. Ну, вот и дал мне эту картину, чтобы я имел возможность поближе познакомиться с техникой Тинторетто.

— Какой ужас! Эту картину, наверное, уже ищут. И если ее найдут у тебя, ты, Смирнов, пропал. Тебя обвинят в похищении полотна, художественная ценность которого достигает миллиона долларов. А то может и больше! Тебя арестуют, и ты потом ничего не докажешь, что это не ты вынес картину из музея...

— А кто вынес картину из музея?! — удивилась Алиса. Она только что зашла в мастерскую Смирнова и услышала обрывок фразы, сказанной мужем.

Мужчины замерли от неожиданности, они не знали, что ответить. Лаптев в

нерешительности устался на жену, он не решился раскрыть тайну, не принадлежавшую ему. Молодой художник был в полном смятении. Слова опытного Севы смутили его, словно на него вылили ушат холодной воды. Беря картину из музея, так сказать, на прокат, Сергей думал лишь о творчестве, о том удобном случае, когда ему представилась возможность поближе познакомиться с техникой великого мастера. Сергей хотел открыть тайну мастеров эпохи Возрождения, даже если для этого ему понадобились бы годы. Но он совсем не хотел садиться в тюрьму.

Алиса посмотрела на мужчин и улыбнулась:

— Вы что-то скрываете от меня? Верно.

— Ну, что ты, Алиса, как ты могла такое подумать! — наигранно возмутился Сева. — Я, да от тебя! Чтобы я что-то скрывал. Никогда!

— Да ладно, Сева, перестань, давай скажем всю правду Алисе, — сказал Сергей. — Дело в том, что я украл картину из музея.

— Правда?! Но что же теперь будет? — ужаснулась женщина. От услышанного у нее закружилась голова, стало трудно дышать, и она тяжело опустилась в кресло. Алисе стало жаль молодого художника. Он был таким застенчивым симпатичным юношей с прекрасными манерами и такими грустными, как у побитой собаки, глазами. Утром, по радио, Алиса услышала новость о том, что из подмосковного музея неизвестными похищено несколько полотен итальянского художника Тинторетто. Но Алиса и предположить не могла, что в краже картин замешан их лучший друг Смирнов.

— Аля, ну что ты, дружок, так переживаешь! — Лаптев со всех ног кинулся к жене. — Тебе плохо? Скажи.

— Да, что-то сердце кольнуло...

— Я принесу сейчас капли. Я мигом! — Сева метнулся было к выходу, но Алиса удержала мужа за руку: — Постой, не надо никаких капель. Скажи, что же теперь будет? Сергею что-то угрожает?

Лаптев молча кивнул головой.

— Но он же не виноват. Я уверена, что его подставили. А он молодой, не опытный, не понял, что оказался втянутым в чью-то аферу.

— Я понял! — решительно сказал Сергей. — Мне надо, сейчас же отнести эту картину в тот музей, откуда она была похищена.

— Что ты! Что ты! — Сева замахал рукой на друга. — Ни в коем случае этого делать нельзя! Тогда ты автоматически становишься соучастником этого преступления.

— Но как же мне тогда быть! — от отчаяния Сергей метался из угла в угол как загнанный волк.

— Не знаю. Пока не знаю.

— А, может, эту картину лучше всего подбросить? — предположила Алиса. — И картина будет возвращена, и Сергей никак не пострадает.

— Точно, Аля! Какая ты у меня, молодчина! — Сева с признательностью чмокнул жену в щеку.

— Надо немедленно спрятать эту картину, пока кто-нибудь сюда не заявился — милиция или пресса, — сказала Алиса.

— Точно! Но куда? — Лаптев в нерешительности посмотрел на Сергея. Они вдвоем отошли к окну и шепотом стали рассуждать, куда лучше, на время, спрятать картину, чтобы не привлекать внимание любопытных глаз.

Как назло в мастерскую влетела неизвестная наглая особа. Переступив порог, она придирчиво обвела взглядом всех собравшихся и представилась: — Меня зовут Ольга Дашкова, я веду журналистское расследование по делу кражи из музея полотен итальянского художника Тинторетто. Что вам известно по этому делу?

Собравшиеся в комнате заговорщицки переглянулись друг с другом и уверенно солгали: «Ничего».

— Так, странно это, — сказала журналистка и подозрительно посмотрела на художников. — Обычно художники первыми узнают о пропаже картин из музеев. Говорят, у них есть свои каналы.

— А, может быть, у нас нет своих каналов, — Алиса с вызовом посмотрела на красивую журналистку. Ей сразу же не понравилась эта молодая заносчивая дрянь. Дашковой было на вид лет тридцать, может быть, тридцать пять. Светлые волосы собраны в хвост, от чего журналистка вовсе была похожа на девчонку. Облегающие джинсы и тонкий голубой свитер безумно ей шли, делая и без того стройную фигуру еще тоньше. Алиса была пышной пятидесятилетней дамой, она с ненавистью уставилась на непрошеную гостью. Дашкова уверенно расхаживала по мастерской, бесцеремонно разглядывая ее содержимое. Ее не интересовали багеты, рамки, кисти и тюбики с красками, но она придирчиво разглядывала картины и этюды. Дашкова самодовольно хмыкнула: — А вы, Сергей Смирнов, неплохо рисуете.

— Откуда вы знаете мое имя? — удивился Смирнов, голос его слегка дрогнул. — Интересно, кто вас направил ко мне? В городе столько художников, а вы заявили именно ко мне?

Дашкова на миг отвлеклась от изучения картин и внимательно посмотрела на молодого художника. Парень ей очень понравился. «Высокого роста, хорошо сложен. Пронзительные карие глаза. Да вы — Аполлон, сударь! Интересно, какой он в постели? — подумала про себя Дашкова. Но ее тут же посетила неприятная мысль. — Да, но этот парень младше меня лет, эдак, на десять. Ну и черт с ним! Надо продолжать расследование».

— Меня направил к вам, Сергей Смирнов, — журналистка сделала упор на слове «Смирнов» и подозрительно уставилась на художника, — ваш приятель, с которым вы учились в одной школе. В данный момент — он сотрудник музея. Кажется, работает в фондах.

— А-а-а, школьный приятель, — с облегчением вздохнул художник. — И что же он вам про меня сказал? Это, по всей видимости, Олег Кириллов вас ко мне направил.

Алиса нервно вздохнула и в недоумении посмотрела на мужа. «Сева, что он делает? — прошептала женщина одними губами. — Зачем признался, что знаком с этим Кирилловым?» Лаптев от бессилия развел руками в стороны. Он сейчас не хотел вступать в словесную дуэль журналистки и Сергея. Помочь не помог бы, а так навредить. Лаптев с ужасом наблюдал, как журналистка неумолимо приближается к дальнему углу комнаты, где на мольберте была выставлена похищенная картина. Дашкова так неожиданно нагрелась, что картину не успели спрятать. Хорошо, что Дашкова сейчас стояла спиной к Лаптеву. Он стал делать отчаянные знаки Сергею, чтобы тот незаметно накрыл картину полотном.

Сергей понял, что от него хочет Лаптев, и молча кивнул головой.

— Что это вы киваете головой, как полковая лошадь? — изумилась Дашкова.

— Я... я хотел сказать, что хочу показать вам свою лучшую работу, — выкручивался на ходу Смирнов. — Вы, я вижу, знаток в живописи. Это портрет прекрасной незнакомки. Ну,

почти как у Тинторетто. Только он писал портрет прекрасной итальянки, а мне позировала русская богиня, — Смирнов выразительно посмотрел на Дашкову: — О, я благодарен небу, что оно послало мне встречу с вами. Вы так прекрасны! Я обязательно нарисую ваш портрет. Вы позволите?

— Ну, я не знаю, я очень занятой человек, — невнятно пробурчала Дашкова. Ее воинственный пыл постепенно улетучивался. Она вдруг позабыла, зачем пришла в мастерскую. Она была очарована. Молодой художник сразил ее наповал своими благородными манерами, вкрадчивым голосом, его бархатистые, темные как ночь, глаза заглядывали ей в душу. Ольга признательно посмотрела на Сергея и извиняющимся голосом прошептала: — Я не одета. То есть, я хотела сказать, что сегодня на мне джинсы и кроссовки, волосы собраны в хвост. Так удобней для работы. Знаете, целый день в бегах, ноги на шпильках устают.

— Не надо оправдываться, — благородно сказал Сергей. — Знаете, бытует такое мнение, что красивая женщина во всех нарядах хороша. Так я хочу вам сказать, что вы красивая женщина, — Смирнов не знал, то ли он льстит журналистке, то ли говорит правду. Он, действительно, был восхищен ею. Его пленили ее зеленые глаза, ее грация, напор.

— Так что же, сказал вам мой приятель? — продолжил прерванный разговор Смирнов.

— Он сказал, что вы отлично разбираетесь в итальянской живописи эпохи Возрождения. Но самое интересное, что ваш друг, Олег Кириллов, — тут Дашкова запнулась. Она споткнулась о сложенные в углу багеты и растянулась на полу. — Ой-ой, я, кажется, подвернула ногу, — чуть не заплакала от боли Ольга. В это самое время Смирнов поспешил накрыть злополучную картину полотном. Он с облегчением вздохнул и поспешил к даме. Он помог Ольге подняться с пола и проводил в кресло. Она с благодарностью посмотрела на него. Видя такую почти семейную идиллию, супруги Лаптевы поспешили удалиться.

...С тех самых пор Дашкова стала музой молодого художника. Он рисовал ее портреты, а она смотрела на него влюбленными глазами. Сергей души не чаял в ней. Он боготворил ее, и она отвечала взаимностью. От картины Тинторетто Смирнов поспешил избавиться, как ему и посоветовала Алиса. В общем, жизнь налаживалась. Он становился все более узнаваемым и популярным художником. Рядом была прекрасная женщина.

Это был бурный и страстный роман, который затянулся на несколько лет. Эта страсть вначале оказалась благодатным дождем, который напоил жаждущие любви души и тела мужчины и женщины, которых создал Господь для любви и неги... Потом пришло пресыщение друг другом. Затем настала пора разочарования и понимания того, что что-то не так.

Ольга постепенно, не сразу, начала осознавать, что эта страсть ее душит. Что она топчется на месте много лет. У нее нет карьерного роста, потеряла вдохновение. Начала писать романы, забросила. Хотела с подругами поехать на курорт, но не поехала, потому что Сергей не отпустил ее. Она все время, свободное от работы, была с Сергеем.

Он жаждал ее видеть, искал повсюду — по городу, у друзей, у подруг. Она перестала ходить на вечеринки и в кафе, ибо Смирнов ревновал ее до безумия. Он приходил и забирал ее отовсюду. И она шла за ним безропотно, счастливая от мысли, что она нужна ему, он не может и дня без нее прожить. «Господи, за что мне такое счастье!» — захмелев от счастья, потеряв голову от любви, шептала Дашкова.

Забывшись в забвении, прильнув друг к другу, они шептались в сладостной истоме:

— Оленька, душа моя... я искал тебя всю жизнь, — Сергей страстно обнимал в своих объятиях подругу. И она таяла под напором его ласк и поцелуев. Извиваясь всем телом в любовном экстазе, тесно прижавшись к молодому любовнику, Ольга шептала прерывающимся голосом:

— Милый мой... как хорошо... мне с тобой.

Он снова и снова покрывал ее уста, шею, грудь поцелуями. Они были такими горячими и волнуемыми, что Ольге казалось, что она сейчас задохнется от страсти. И женщина раскрывалась ему навстречу как цветок, обнимая руками его за шею, она дрожала в его объятиях как трепетная лань, тихо постанывая от удовольствия. Сергею нравилось податливое и гибкое тело любовницы, ее постоянное желание быть с ним, ее страстность и отзывчивость на ласки возбуждали его. Он был молод и горяч, неутомим как любовник, она была опытной зрелой женщиной, прекрасной любовницей. Они дарили себя друг другу, совершенно не думая о завтрашнем дне, проводя все ночи напролет в любовных утехах. Казалось, что они созданы друг для друга, и никто им больше не нужен. И так будет продолжаться вечно. И все же разрыв был неизбежен.

Ссора возникла, казалось, на голом месте. Ольга была в тот день нежна и открыта как всегда. Они только что были близки, и утомленные и счастливые лежали в кровати, тесно прижавшись друг к другу. Ольга посмотрела на любовника преданными глазами и прошептала:

— Ты знаешь, мне хочется рассказать...

— О чем, любимая? — Сергей нежно поцеловал женщину в губы.

— Сереженька, мне кажется, что до встречи с тобой я и не жила вовсе. Ты подарил мне целый мир.

— Правда, радость моя?! — искренне удивился любовник. Подумав, он добавил: — А что? я такой, парень хоть куда, — на лице Сергея появилась самодовольная улыбка.

Реакция мужчины на ее слова не понравилась Ольге. Она вдруг замкнулась и отвернулась к стене. На глаза набежали слезы, слова Сергея показались обидными. Желание откровенничать больше не возникало. Женщина кусала губы от обиды и думала о том, какая она дура, что полезла к Сережке со своими признаниями. «Какие же мы дуры, бабы, что открываем перед мужчинами свою душу!», — думала в сердцах про себя Дашкова.

Сергей положил руку на плечо подруги и примирительно пробасил: — Ну, будет дуться, Ольга. Не понимаю, что я такого сказал. Не обижайся.

Женщина молчала.

— Олюшка, ты моя зеленоглазая богиня. Ты моя Галатея. Я создал тебя своими руками, как в древности известный скульптор Пигмалион слепил своими руками прекрасную статую Галатеи. Она была так прекрасна, что он влюбился в творение своих рук. Он попросил, чтобы богиня Афродита оживила статую Галатеи. С тех пор они не разлучались никогда. Я точно так же схожу с ума от тебя, у меня было много женщин, но такой секс как с тобой... — Сергей привлек Ольгу к себе и страстно поцеловал. Тем не менее женщина не ответила на призыв возлюбленного. Она увернулась от его объятий, намереваясь встать с кровати.

— Оля, куда ты идешь? — пришел в изумление партнер. — Ты не хочешь заниматься со мной любовью?

— Нет! Я просто не хочу заниматься сексом, — холодно ответила женщина.

— Ольга, что случилось?! Я чем-то обидел тебя? Или я был грубый с тобой? — не мог понять поведения любовницы мужчина.

— Что ты, Сережа, ты замечательный любовник, не наговаривай на себя, — улыбнулась Ольга. Она поспешно натягивала на себя комбинацию. — И сегодня ты как всегда был на высоте.

— Тогда я вообще ничего не понимаю, — зло буркнул мужчина и закурил. Он отвернулся к окну.

Ольга посмотрела на его голые мускулистые плечи и остановилась в нерешительности. Еще минуту назад она готова была уйти отсюда навсегда. Второпях натянув белье, Ольга уже начала одевать джинсы. Сейчас женщина была в полном замешательстве. «Боже, что я делаю? Зачем я снова поссорилась с ним? — думала она. — Все же было так хорошо! Но главное, мне не хочется уходить и бросать его в таком состоянии». Ольге стало жаль Сергея, в этот миг он казался ей таким несчастным. Он сидел, сгорбившись на кровати, закулив еще одну сигарету. Но Ольга решила быть неумолимой. Хотя бы сегодня! Она должна показать свой характер. Она деловая волевая женщина, а не покорный котенок, который нуждается лишь в ласках Сергея. Ольга со злостью стала одевать свитер. От нервного напряжения у нее задрожали руки, длинные волосы запутались в горловине трикотажного свитера. В раздражении женщина стянула свитер через голову и швырнула на пол.

От отчаяния и бессилия Ольга села на пол и заплакала.

Сергей бросился к ней:

— Не плачь, любимая. Я умоляю тебя, ну не плачь. Ну, ничего же не произошло. Ну, немного поссорились, с кем не бывает. Ты почему-то на меня обиделась. Ты же знаешь, как я люблю тебя, несравненная моя, — Сергей поднял любимую на руки и понес к кровати. Ольга прижалась к любимому. В этот миг ей никуда не хотелось убегать. Женщина поняла, что безумно влюблена в Сергея. У нее не было сил что-то менять. Она со страстью отдалась нахлынувшему чувству. И только мысль, что она не первая и не последняя, кто побывал в алькове этого красавца, мешала Ольге быть счастливой до конца.

Разочарование в любви

Глава 3

Профессия журналиста начала выматывать Дашкову. Ее энергия поиссякла, померк блеск изумрудных глаз. В походке женщины появилась усталость, в душе — разочарование. Это была уже не та жизнерадостная энергичная женщина, которая однажды как комета появилась на небосводе Смирнова, и которую художник избрал своей музой...

«Золотокосая моя, — любил Сергей повторять Ольге, когда они оставались наедине. — Ты неземная женщина. Как хорошо мне с тобой».

Сергей и Ольга сидели, обнявшись, в мастерской. Они были так близки и так далеки в эту минуту друг от друга. За окном барабанил дождь, наводя тоску. Все было по-прежнему, и все же Дашкова почувствовала, что между ними пролегла пропасть. Она посмотрела в окно, увидела там свое отражение и улыбнулась.

Дашкова вспомнила, как была счастлива несколько дней назад, когда они встретились с подругой. Валерия Красновская была хохотушкой с длинными волосами, напоминающими червонное золото. Они были давнишними подругами. И хотя Валерия давно была замужем и воспитывала троих сыновей, дружба с годами не иссякла, а наоборот, окрепла. И хотя встречи были редкими, радость от этого не умахалась.

Подруги, как и прежде, души не чаяли друг в друге и поверяли самые сокровенные тайны. Однажды, встретившись в кафе, Красновская по настроению подруги поняла, что-то неладное с ней творится.

Ольга отвечала невпопад, как-то уныло смотрела в окно и практически не ела шоколада. Подруга забила тревогу:

— Олечка, что с тобой что-то происходит? Выкладывай все начистоту! — перешла к решительным действиям Красновская.

— Валерия, я влюблена, — тихо ответила Дашкова.

— Ну, это только б слепой не заметил. Что ж он твой кареглазый Аполлон чуть не замучил тебя. Ты, видно, не спишь совсем, и не ешь, видно одной любовью питаетесь.

— О, Валерия, я так люблю его. Зачем мы встретились тогда? Зачем был нужен этот материал? Я же могла отказать Анатолю и не заниматься этим журналистским расследованием.

— Отказать Преферансову, это не возможно, Ольга, ты же знаешь, — покачала головой Красновская. — Он и так был недоволен, что ты ему тогда отказала в близости.

— Служебный роман, фи, — помотала головой Дашкова. — Минута счастья, а потом все сослуживцы обсуждают ваши отношения.

Разговор затих на несколько минут. В кафе заиграла прекрасная мелодия в исполнении Джо Дассена. Дашкова окунулась в музыку. Она так любила сентиментальные песни Дассена. Мужской чарующий голос проникал в ее сердце. Казалось, он страдал вместе с ней, над ее разбитым счастьем, над ее разбитой любовью и несбывшимися мечтами. От переживаний в горле стал ком, Дашкова кашлянула и посмотрела на подругу затуманившимися от слез глазами.

— Боже, все закрутилось из-за картин, которые потом нашлись в квартире младшего

научного сотрудника Кириллова, — как-то с болью в голосе сказала Дашкова и выпила пятый за вечер бокал шампанского.

— Ничего себе. Он что хотел продать полотна Тинторетто за границу?

— Да где там? — махнула рукой куда-то в сторону Дашкова. — Когда его «накрыли», машины с мигалками понаехали. /Ну ты что, похищение века!/ Он так испугался, что дара речи лишился. Как выяснилось потом, он взял их просто на время. Вынес под мышкой, никто даже не заметил.

— Куда только зрители смотрят?

— Нет, они смотрят, как следует. Дело в том, что он картины с черного входа вынес. Они хранились в фондах. И не выставлялись из-за особой значимости и баснословной цены. Провинциальный краеведческий музей не мог обеспечить надлежащей охраны.

— Поди ж ты, — хмыкнула Красновская. Мировые ценности хранятся в запасниках, а в экспозиционных выставках, наверное, обывателю показывают всякую ерунду. Видела я в одном провинциальном городишке дешевые макеты самолетов и кораблей. Да бумажные вырезки из газет и пожелтевшие от времени фотографии.

— Ерунда не ерунда. В общем, это не наше дело. А этот Кириллов оказался простым влюбленным, несчастным, правда. Чтобы добиться взаимности, он пригласил к себе девушку и показал ей полотна выдающегося мастера. Правда, двух картин все-таки не досчитались. Предполагают, что они уплыли за границу и сейчас находятся в частной коллекции какого-нибудь любителя изящных искусств. Попало, конечно, Кириллову за то, что незаконно вынес картины из музея. Жаль парня. Можно сказать, пострадал из-за любви. А его пассия оказалась бесчувственной и вышла замуж за другого.

— Чего только на свете не бывает, — вздохнула Красновская. — Ну а как твой роман. Говори уж, вижу, что страдаешь.

— Валерия, мне кажется, я надоела ему, — заплакала Дашкова.

— Так, кажется, алкоголь начал действовать. Перестань, не плачь, он не стоит твоих слез.

— Стоит, он стоит. Боже, я его так люблю.

— Так поженитесь.

— Он не хочет, — Ольга уже плакала навзрыд. — Я же понимаю, я старше его.

— Ну не намного.

— Все равно, может он этого боится.

— Не говори глупостей. Ольга, — резко оборвала подругу Красновская. — Тысячи мужчин эта разница в возрасте не остановила. А он, видите ли... Он просто трус и подлец. Соблазнил прекрасную женщину.

— Валерия, прошу тебя...

— Не перебивай меня сейчас, Оля, пожалуйста. Я много лет наблюдала за вашим романом и, заметь, молчала.

— Да, — покорно согласилась Дашкова.

— Так вот, он, твой Смирнов, соблазнил красивую, уважаемую всеми, известную женщину, промурыжил ее четыре года, а теперь она ему не нужна. Он не хочет ответственности, он боится семейной жизни. А ты, голубушка дура, что отказала своему редактору Преферансову, раз он обещал жениться на тебе.

— Валерия, Анатолий женат.

— Ольга, ты же говорила, что он был готов развестись.

— Да это так.

— Вот видишь. А зачем, спрашивается, отшила богатого бизнесмена?

— Виноделова?

— Да, его.

— Но он не красив, старше меня, ниже ростом.

— Родная моя, рост — это не главное достоинство мужчины. Он же одаривал тебя золотом и бриллиантами. Ну, чем тебе не жених? Ты, кстати, молодец, что не вернула ему украшения. Я вижу на тебе сегодня сережки и кулон с изумрудами.

— Да, это один из его подарков. Знаешь, Виноделов оказался благородным. Он не принял назад драгоценностей, которые подарил. Он сказал, что я заслуживаю большего.

— Это он молодец, уважаю таких мужиков. А вот мой... — женщина расстроено махнула рукой. — Ну, путевка в Крым, путешествие за город, подарок на 8-е марта и все!

— Не говори так, Валерия, у вас же дети. На них требуется так много расходов.

— Да ты права, я счастлива. Мой Вася, хоть уже не так кудряв как в молодости и с залысынами, хороший муж. И меня не обижает, а это — главное. А дети у нас самые лучшие. Эх, родить бы еще. И стать бы матерью-героиней, — помечтала Красновская.

— А вы родите. Валерия, если тебе дано. Это такое же счастье. Многим этого не дано, и как они страдают. Самая большая загадка в мире — рождение ребенка. Не египетские пирамиды, ни затерянный во времени город древних инков, ни раритетные вещицы. Все это преходящее... И только в рождении ребенка, материнстве, сокрыта самая большая тайна человечества. Ведь материнство воспето у всех народов: в стихах, прозе, живописи, музыке, фольклоре...

Дашкова говорила, говорила, а слезы непроизвольно текли по щекам, как будто они, эти горькие слезы, были свидетелями тайной боли женской одинокой души. Дашкова говорила искренне, говорила правду. Без бравады, без журналистских штампов. Ибо это было выстрадано ее нутром. Она многим отказала в замужестве. Красавцам, богачам, она хотела любить и быть любимой. И поняла, что обманулась. Жизнь стала проходить стороной, словно наказывая ее за гордыню.

Ольга уже не помнила, почему отказала красавцу Борису с параллельного курса. Возможно, она хотела, слишком хотела достичь карьерного роста. Боже мой, сделать карьеру, когда на карту брошено все и в жертву приносится даже семейное счастье. Борис женился через год на сокурснице Лидочке и уехал с семьей за рубеж в длительную командировку.

Потом был дипломат Игорь, который потребовал, нет, попросил, чтобы Ольга сменила фамилию на его и бросила свою работу, ибо «жены дипломатов не работают». Вернуть бы сейчас то золотое время, ей 25, как сейчас Сергею, и еще не ноет по ночам сердце от тоски.

В современном мире, когда цивилизация практически достигла своего апогея, так много одиноких людей, мужчин и женщин, и они страдают от одиночества. Не зная, как познакомиться на улице, в трамвае, в театре с понравившимся человеком. Господи, сколько несчастных старых дев живет одиноко на белом свете! Кому-то хоть повезло, у них есть любовники.

Глава 4

Дашкова не спала всю ночь, ворочаясь в постели с боку на бок. Скомканы белые атласные простыни, безнадежно спутаны длинные волосы, а сон все еще не шел к

Ольге. И только когда за окном забрезжил рассвет, молодая женщина забылась во сне. И все равно ее мучили кошмары, которые лезли в ее хорошенькую головку и мешали спать, вернее, досыпать последние несколько часов перед работой.

Едва переступив порог редакции, Дашкова подумала о том, что сейчас закроется у себя в кабинете, сядет за стол, положит голову на руки и полчаса вздремнет. И никаких звонков, никаких посетителей! Но этому не суждено было случиться. Секретарша напомнила, что сегодня вторник и, как всегда, оперативка у шефа. А перед этим ее попросил зайти к себе в фотолабораторию коллега Степан Рыкин.

Степан был первоклассным специалистом, а главное с ним можно было идти в разведку. У Ольги с Рыкиным были хорошие приятельские отношения. Единственное, что омрачало дружбу, так это уверенность Степана в том, что он обязательно должен затащить Ольгу в постель. Она была категорически против.

Дашкова переступила порог фотолаборатории и задохнулась от табачного дыма. Здесь было людно. К Рыкину заскочили на перекур коллеги Михаил Майоров и Татьяна Булошникова, такие же заядлые курильщики как и Степан.

— Ну и накурили, хоть топор вешай, — сказала Дашкова и застыла в нерешительности на пороге комнаты.

— Чего ты, Оля, заходи к нам. У нас весело, Степан свои байки рассказывает, — сказал добродушно Михаил.

— Ну, хорошо, только не надолго.

— ...вот я и говорю, что-то здесь не так, — закончил начатую фразу Рыкин.

— Что не так? О чем вы тут беседовали без меня? — Дашкова с любопытством поглядывала на коллег.

— Ты знаешь, Оля, интересное дело наклевывается.

— Какое, Миша, говори.

— Говорят, Кириллова убили. Помнишь, ты журналистское расследование проводила по поводу краж картин итальянского живописца из провинциального музея.

— Конечно, помню. Ну и что?!

— Ну, так вот, Кириллов не давно вышел из тюрьмы на свободу, — сказал Степан. — Вчера ночью он был застрелен у себя на квартире. Думаю, что кто-то хотел убрать лишнего свидетеля.

— Я тоже так думаю, что Олег Кириллов очень много знал, поэтому его убрали! — сделала вывод из сказанного Булошникова.

— Но кто? Зачем?! Не понимаю! — Дашкова в недоумении пожала плечами.

— Я думаю, что за этим делом кто-то стоит, — сказал тоном знатока Мишка Майоров. — И еще не один человек может пострадать...

— Ты думаешь?! — ужаснулась Булошникова. Она посмотрела на Дашкову и сделала предположение: — Но ведь, Ольга проводила журналистское расследование по этому делу. Она очень много знает, и можно предположить, что Некто, кто стоит за всем этим делом, захочет убрать всех, кто знает что-либо...

— Прекрати! — оборвал Булошникову Степан Рыкин. — Только не надо нагнетать обстановку. — Я Ольгу в обиду не дам!

— Правильно! — сказал Мишка. — С этих пор будем ходить на задания вместе, чтобы никто не мог причинить Ольге зла.

— Глупости все это! — решительно сказала Дашкова. — Вы что и дома меня будете караулить, и из дому на работу провожать?

— Ага! — с готовностью подтвердили свое решение мужчины.

— Нет! Я против этого. Во-первых, я ничего не боюсь. Во-вторых, как показывает практика, если убийца задумал убрать жертву, он настигнет ее в любом случае, главное быть на чеку. Ну а в-третьих, я сама займусь этим делом и выйду на главного заказчика, чего бы это мне не стоило.

— Правильно, и в этом я тебе помогу! — решительно сказал Майоров и сделал шаг на встречу Ольге: — Оля, дай я пожму твою мужественную руку.

Рыкин стал между ними и преградил дорогу коллеге:

— Э нет, Мишка, так дело не пойдет. Мы несколько лет с Дашковой работаем вместе. И это расследование проведем с ней вместе.

— Но я тоже хочу помочь вам, — не унимался Мишка. — Тем более, когда Ольге угрожает опасность.

— Ты думаешь, мы без тебя не справимся, — Степан свысока посмотрел на невысокого Майорова.

Мишка понял, что Степан намекает на его малый рост и зло огрызнулся:

— А может, и не справитесь. Всем известно, что ты, Степан, голову потерял из-за Ольги, и бегаешь за ней, как телок на привязи...

— Что-о-о! — заревел Рыкин и с кулаками набросился на обидчика. Они сцепились и кубарем покатались на пол, роняя при этом стул и фотоаппаратуру.

— Ой, мальчики, вы поубиваете друг друга! — завизжала Булошникова. — Оля, ну сделай что-нибудь, а то этот бугай Степка покалечит Мишу.

— Таня, ну я не знаю, что делать. Ну не баллончиком же со слезоточивым газом их разнимать.

— А он у тебя есть? Давай!

— Я не дам!

— Тебе жалко!

— Мне не жалко, просто, зачем травить мужиков. Они сейчас помирятся через минуту, как ни в чем не бывало, а ты хочешь их газом травить как врагов каких-то.

— Я поняла, — Булошникова зло зыркнула из-под лоба на Дашкову, — тебе просто нравится, когда мужики дерутся из-за тебя. Тебе это удовольствие доставляет, что они сейчас метелят друг друга, чтобы доказать тебе, кто круче.

— Ты дура, Татьяна, если так думаешь. И вообще, я уйду! Мне надоел весь этот цирк, — Ольга направилась к двери. В этот момент в кабинет вошел редактор. Увидев дерущихся на полу мужчин, он опешил на какую-то долю секунду. От удивления он даже снял очки.

— А ну прекратите немедленно! А то поувольняю всех к ядреней фене! — рывкнул редактор. Увидев, что его слова возымели действие, Анатолий Преферансов привычным движением водрузил очки на переносицу и тоном, не требующим возражения, сказал:

— Чтобы через минуту все были у меня в кабинете!

— Но... — возразил Мишка, поправляя на себе изорванную рубашку. Из побитой губы у него текла кровь. Мишка рукавом вытер кровь и сказал: — Нам бы умыться.

Редактор зло посмотрел на сотрудников. У Мишки синел фингал под глазом, волосы взъерошены, у Степана тоже вид был помятый.

— Нечего сказать, хороши работнички, — сплюнул через губу Преферансов. — Нашли где драку устроить. Вон даже аппаратура пострадала. А ведь сейчас техника столько денег стоит!

Мужчины стояли молча, виновато опустив голову.

— Чтобы через пять минут все были у меня в кабинете! И никаких гвоздей! — грозно сказал редактор и вышел из фотолаборатории.

На следующий день коллеги встретились в коридоре, как ни в чем не бывало. Рыкин был нагружен съемочной аппаратурой, и походкой казался похожим на старую баржу. Дашкова шла легко и непринужденно как гоночная яхта. Вот они встретились и обменялись любезностями.

— Ольга, я тебя повсюду искал, у нас срочное задание, — поспешно заговорил Рыкин.

— Почему я ничего не знаю. Я все узнаю в последний момент, — капризно поджала губы Дашкова.

— Для этого, моя милая, надо приходить вовремя на работу, а не опаздывать на два часа.

— Между прочим, я была очень занята. У меня дома настоящий потоп. На кухне прорвало кран, и вода затопила полквартиры. Бедные мои ковры, они полностью испорчены от воды. Пришлось ждать слесарей...

— Ты можешь мне не рассказывать, я все равно знаю, что ты проспала. А свои басни оставь для Преферансова. Это он верит твоим бредням. Небось, со своим всю ночь барахталась?

— Степан Ильич, что за тон? Что вы себе позволяете? — женщина обиженно отвернулась от коллеги.

— Прости, Оленька, я дурак. Это я сдуру ляпнул. От злости и от ревности, что ты не меня выбрала.

— Степа, мы же с тобой на эту тему говорили, — устало проговорила Дашкова. — Мы друзья, хорошие друзья и все.

— Да знаю я все, не кипятись.

— Степа, мне кажется, ты не так уж долго и сох по мне. Давеча мне Татьяна Булошникова говорила, что ты на новую секретаршу стал поглядывать, — пошутила Дашкова.

— Леночка — девушка хорошенькая, но глупая.

— Ну а зачем тебе умная, ты он сам какой грамотный и начитанный, любого за пояс заткнешь.

— Ты сегодня грустная, Ольга, и мне это не нравится, — Рыкин внимательно посмотрел на Дашкову. — Он тебя бросил?

— Кто он? — не сразу поняла Дашкова.

— Ну, красавец твой, Смирнов. Художник, который сделал себе имя на твоём портрете. Ты только скажи, я ему морду сразу набью.

— Ну, допустим, этот портрет принес славу и мне. Ну и что! Никто меня не бросал. Степан, это не твоё дело, я как-нибудь сама разберусь со своей личной жизнью.

— Эх, одного вы, бабы, понять не можете, что у некоторых мужиков есть страх перед женитьбой. Об этот барьер не одна великая страсть уже разбилась.

— А ты не думал, дорогой мой, что этот же страх, перед замужеством, присущ и нам, женщинам.

— Теперь я понял, почему ты не замужем, — улыбнулся Рыкин. — А то я тебя зову, зову замуж, а ты все ни как!

— Рыкин, ты нахал! Сам меня спровоцировал на этот разговор. За тебя замуж не пойду и не надеюсь. Зачем мне разведенный?

— Только не надо касаться моей самой больной темы. Если бы моя Наташка была чуточку умней, она бы ни за что не ушла к этому чертовому банкиру. И нашел же чем сманить! Дорогими подарками купил, цветочками, поездками на Канары да на Мальдивы. Вот пусть теперь она и мучается с ним.

— А что, уже были сигналы?

— Да заскакивала Наташка недавно ко мне. Вся с виду аж лоснится, такая упакованная, разодетая в пух и прах. Парфюм дорогой, украшений на ней навешано на несколько штук баксов, а глаза грустные как у побитой собаки.

— Да неужто?!

— Да-а, мне-то ее не знать, — загрустил Рыкин. — Все-таки вместе десять лет прожили. Все было хорошо, так захотелось ей романтики. Соблазнилась на дорогой мерседес да дачу-особняк. Вот и выходит, что любую женщину можно купить, только у каждой своя цена.

— Ты глуп, Степан, и озлоблен на весь мир! Ревность и зависть плохие советчики в амурных делах. Ты сейчас готов обвинять женщин всего мира в коварстве и измене. Лучше бы задумался над тем, как удержать жену, раньше.

— Эх, детей у нас не было. Надо было усыновить ребенка из детдома. А детьми можно любую бабу к дому привязать.

— Нет, это не правда. Это не остановит женщину, если она ослеплена любовью. А уж если хочет уйти от ненавистного мужа, тем более.

— Конечно, если хочется совершить прелюбодеяние, женщину ничто не остановит.

— Не надо громких фраз, мужчина! Вспомни, на какие только подвиги и гадости не идут мужчины, чтобы затащить желанную даму в постель. Впрочем, оставим беседы об адюльтере. Вернемся на грешную землю. Зачем ты звал меня?

— Нам с тобой, уважаемая коллега, надо срочно идти на задание, шеф разнарядку дал.

— Интересное?

— Закачаешься.

Дашкова по привычке сразу же переключилась на работу. Собралась в считанные минуты. Она стремительно залетела в кабинет, предупредила коллег об отбытии на задание, на ходу надела плащ, кинула сумку через плечо и, не дождаввшись лифта, сбежала по лестнице в вестибюль. Там ее уже ждал Рыкин. Они вышли на улицу, громко хлопнув дверью. И сразу же очутились под проливным дождем, который лил третий час кряду, не переставая.

— Боже, а я сегодня зонтик не взяла.

— Ничего, милая, сейчас до ближайшего метро добежим, а там 30 минут езды по Кольцевой и мы на месте, — голос Рыкина звучал убедительно.

— А машина где? — Дашкова взглядом поискала знакомую легковушку серого цвета.

— А машина поломалась, она в гараже.

— Ясно, опять жена Преферансова забрала служебное авто для своих нужд. Наверное, снова поехала в Охотный ряд. Как это она там еще не все скупила, — говоря это, Ольга ловким движением сняла с шеи платок и накинула его на голову.

— Ну что там у тебя, Степа? Куда нам добираться? Давай, что ли такси возьмем, пусть потом шеф оплачивает расходы.

— Понимаешь, забавный случай недавно произошел в одном из престижных элитных домов. Мы как раз едем именно туда, — Рыкин начал рассказывать суть дела уже в машине.

— Так, хорошо, — по-деловому рассуждала Дашкова. — И как мы с тобой пройдем в этот дом. Там же охрана и консьерж.

— Ну, я думаю, нас там уже ждут.

— Интересно, ждут, чтобы выгнать в шею. Так, становится интересно. Степа, ты готов перелезть через забор и лезть по водосточной трубе. Кстати, нам какой этаж нужен?

— На четвертый.

— Ничего себе, — присвистнула Дашкова. Высоковато падать. Ты полезай, Рыкин, а я тебя внизу покараулю.

Во время разговора пассажиров водитель такси, заподозрив неладное, начал обеспокоено оглядываться на клиентов, что сидели на заднем сиденье. Заметив его движения, Рыкин успокоил:

— Не волнуйся, дядя, мы не воры, мы — репортеры.

— Хрен редьки не слаще, — сказал с облегчением шофер и полностью сосредоточился на дороге.

— Так вот, — продолжил фотокор, — никуда мы взбираться не будем. В этом доме живет элитная публика, все больше семейная. А одному деятелю, любителю острых ощущений, приспичило в своей квартире заняться адюльтером. Уж не знаю, чем он занимается, то ли партийный босс, то ли крупный бизнесмен, мне Преферансов не говорил. Жена с ребятишками на дачу укатила, а наш мачо с любовницей встречается.

— Интересно, когда это мы стали вести колонку светской хроники?

— Да погоди ты, Ольга, не лезь поперед батька в пекло. Дай досказать. В редакцию поступил сигнал от «доброжелателя». Пока жена на даче, наш герой Яблоков шашни крутит с молодой любовницей. Вот шеф и дал нам задание: заснять сладкую парочку. Ну, чтобы сенсация, понимаешь, тираж-то падает...

Они затаились в кустах сирени с фотоаппаратами наготове. Ждать пришлось долго. Но терпение было вознаграждено. Когда крутой мен вышел с любовницей в обнимку из подъезда дома, Рыкин щелкнул затвором фотоаппарата. Ценный кадр был уже в кармане. Не ожидая засады, любовники не спешили садиться в машину, они беспечно целовались, не подозревая, что это станет достоянием общественности. Дашкова хотела уловить более удобный ракурс и, забывшись, наполовину вылезла из кустов. «Дура, куда ты полезла! — только и успел прошипеть Степан ей вдогонку. — Нас сейчас обнаружат». Степан оказался прав, охранники уже обнаружили репортеров и кинулись со всех ног в их сторону.

— Ой, мамоньки! — испуганно закричала Дашкова. — Степа, они нас заметили. Что

теперь делать?

Рыкин молча схватил девушку за руку и потащил за собой. Они побежали что духу от погони, скрываясь в вовремя подвернувшейся подворотне. Забежав в первый попавшийся подъезд, они на лифте добрались на последний этаж и затаились там. Немного отдышавшись, Степан стал озираться по сторонам. Убедившись, что они оторвались от погони, он с облегчением проговорил:

— Фу, кажется, пронесло... Я уж, думал, наkostenяют нам.

— Ты ду...маешь... они... нас... побили бы? — насилиу выговорила Дашкова, ее била нервная дрожь.

— А ты что думаешь, что они просто так за нами бежали два квартала.

— Ну, догнали бы охранники, ну и что. Только бы аппаратуру забрали и вся делов, — неуверенно сказала Дашкова.

— Ты, вообще, Оля, понимаешь, что ты говоришь. Ты просто не попадала еще в такие передрыги. А мне уже пару раз так перепало, что еле домой добирался. Впрочем, думаю, тебя как женщину пожалели бы. А мне уж точно не сдобровать. Хорошо, что сегодня пронесло, — улыбнулся Рыкин и подмигнул Дашковой: — Что передрейфила?

— Честно говоря, да.

— Ладно, не бойсь, со мной не пропадешь. Давай, чели, отсюда выбираться.

— Давай, нас, наверное, уже в редакции ждут, а мы тут прохлаждаемся как на курорте.

— Скажешь тоже, как на курорте. Сейчас бы на золотом песочке где-нибудь поваляться...

Но Дашкова уже не слушала Степана, она стала осторожно, крадучись, спускаться вниз по лестнице.

— Ну, что там никого нет? — спросил Степан.

— Кажется, никого. Пошли!

— Слушаюсь, мой капитан! — козырнул Степан.

— Ой, кривляка, — улыбнулась Дашкова.

— Ты сейчас такая хорошенькая, Ольга, я бы тебя расцеловал, — Степан было полез обниматься.

— Еще чего! Нашел время! — осадила его Дашкова, она пыталась вырваться из его цепких рук.

— Ну, я же тебя спас. Я сегодня у тебя в роли верного рыцаря. Неужели не заслужил один поцелуй.

Ольга молчала, тогда Степан улучил момент и поцеловал ее в губы. Она не сопротивлялась, после пережитого волнения ей было приятно снова ощутить себя женщиной, слабой и желанной. Тем более, что это был всего лишь невинный поцелуй...

Материал действительно оказался сенсационным, весь тираж разлетелся молниеносно. Скандал вокруг особы Яблокова оказался на руку его конкурентам. Преферансову удалось немного заработать на этом деле. Вечером был фуршет. Пиршество было уже в разгаре, когда редактор уже изрядно навеселе подошел к Дашковой и Рыкину. Он по-приятельски обнял Степана и приветливо улыбнулся Ольге: — Ребята, какие вы молодцы. Такой материал сделали. Такие классные снимки получились. Ты, Оля, молодец, такую статью разгромную накатала. Теперь твое имя у всех на устах. Ты теперь популярная.

— Лучшего бы этого не было, — вздохнула Дашкова.

— А что? Что такое?

— Она-то молодец, только ей угрожали, — сказал Степан, вступаясь за коллегу.

— Кто угрожал! — оживился Преферансов. — Говори, Дашкова, мы его в бараний рог свернем.

— Да говорила я тебе об этом, Анатоль, когда люди от мачо приходили в редакцию. Угрожали, что расправятся со мной, если материал пойдет в газете.

— А-а-а, припоминаю. Оля, ничего не бойся. У нас теперь такая крыша, закачаешься.

Редактор еще бы долго разглагольствовал на эту тему, если бы его не отвлек кто-то из гостей. Рыкин посмотрел вслед уходящему и улыбнулся:

— Ну, Анатоль сегодня и набрался! Сто лет его таким не видел.

— Да, — кисло улыбнулась Дашкова. Ей почему-то сегодня было не весело. На душе кошки скребли. Пить тоже не хотелось. Она поставила недопитый бокал вина на стол и направилась к выходу. Ей захотелось подышать свежим воздухом. До дома от редакции было всего полчаса ходьбы, Ольга, не задумываясь, отправилась пешком.

Было около десяти часов вечера, моросил мелкий дождь, улицы уже опустели. Она шла по ночному городу и думала о том, как она завтра или послезавтра придет к Сергею и скажет: «Милый, все кончено! Я устала от этих отношений. Наш роман затянулся». Ольга представила вытянутое от удивления лицо любовника. Она подумала о том, что Сергей станет ее отговаривать от этого шага, и ей это было приятно. Она улыбнулась.

Подходя уже к дому, Дашкова заметила маячившие в глубине двора две подозрительные фигуры. Бритоголовые, одетые в кожаные куртки, они явно кого-то поджидали, нервно озираясь по сторонам. Один был низкого роста, коренастый. Второй длинный и худой как каланча. Недалеко стоял черный джип. Женщина на минуту растерялась, она не знала, как ей поступить. Под ложечкой засосало, это был неприятный сигнал. Ольга почувствовала, быть беде. В какую-то минуту, она подумала, что лучше вернуться, убежать, пока ее не заметили те двое. Но было поздно, те двое, в кожанках, неумолимо приближались к ней. Бежать к подъезду было поздно, она бы не успела нажать код. Дашкова осталась стоять на месте, как вкопанная, мучительно ожидая своей участи.

— Ну что здравствуй, подруга, — сказал тот, что пониже ростом. Судя по тону, он явно был главным. Он подошел вплотную к Дашковой и стал ее бесцеремонно разглядывать. — Братан, а она ничего, клевая девочка.

Бандит, прозванный Дашковой каланчой, довольно залыбился, обнажая щербатые зубы.

— Ну что, ты, подруга, так обижаешь, нашего шефа. Пишешь о нем всякие гадости, фотки поганые в газете печатаешь. Нехорошо так, — сказал тоном ментора коренастый, похожий на быка, бандит и замахнулся на Дашкову. Ольга инстинктивно закрылась рукой. Тот самодовольно осклабился: — Боишься. Вижу, что боишься, а зачем тогда хозяйина не послушала. Он ведь тебя предупреждал.

Ольга молчала. Только зубы выбивали чечетку, ее била нервная дрожь.

— Вован, — обратился к главному каланча, — давай ее затащим в машину. Глянь, как она замерзла, дрожит вся, а мы ее обогреем, — бандит схватил девушку за плечи и хотел поцеловать: — Ты ведь нам не откажешь, красавица.

Дашкова в ужасе шарахнулась от него.

— Оставь ее, Дылда! — приказал Вован. — Хозяин сказал, что ее надо только припугнуть.

— А я что, я ничего, — стал заискивать перед главным Дылда.

— Она девочка послушная и сделает все, что ей прикажут. В следующем номере она

напишет, что Яблоков ни в чем не виноват, а это она по оплошности дала неточный материал. Ведь верно, детка, ты это сделаешь! — бандит с силой схватил ее за волосы. Дашкова застонала от боли.

В эту минуту она больше всего на свете жалела, что у нее не было пистолета. Она бы пристрелила этих подонков. Не помня себя от ярости, Дашкова выхватила из сумки газовый баллон и направила его в лицо первому, кто стоял рядом и кинулась бежать. Убегая, она услышала как взвыл от боли Дылда. Он схватился руками за лицо и простонал: — У, сука... Вован, она меня из баллончика окатила.

Но тот не слышал своего кореша, он кинулся к машине, чтобы догнать убегающую журналистку. Ольга не помнила, чтобы она когда-нибудь так быстро бегала. Она дала такого стрекоча, как застигнутый волком заяц. Она сама не ожидала от себя такой прыти. Она бежала мимо домов, через дворы, не различая дороги, перепрыгивая через погребки и бровки. Деловой брючный костюм, в котором она сегодня была на банкете, оказался кстати. Единственно, что ей мешало бежать, так это туфли на высоком каблуке. Вован понял, что жертва уходит, и тогда он выстрелил. Ольга слегка покачнувшись от боли, схватилась за руку, рукав был влажный от крови. Ей стало дурно, но она продолжала бежать все дальше и дальше по пустынному ночному городу. И казалось, никто не хотел ей помочь, чтобы спасти от бандитов.

...Как она оказалась возле художественных мастерских, Дашкова потом не могла вспомнить. Знакомый сторож впустил ее в здание, и она уже слабеющая от потери крови еле добралась на третий этаж, где находилась мастерская Смирнова, она забарабанила в дверь из последних сил и потеряла сознание.

Придя в чувство, Ольга не сразу поняла, где она находится. Голова раскалывалась, в глазах было темно, все тело ныло. Она лежала на узком кожаном диване, в комнате пахло лекарствами.

— Где я? Что со мной? — застонала женщина и попыталась приподняться.

Сергей кинулся к ее постели. Он был очень обеспокоен:

— Оля, не надо, не вставай.

— А это ты, — улыбнулась Дашкова. — Но как я у тебя оказалась? Я ведь домой шла?

— Ты прибежала ко мне в мастерскую, тебя кто-то ранил, ты потеряла много крови и потеряла сознание. Оля, тебе надо бросать эту профессию к чертовой матери.

— В меня стреляли... люди Яблокова, он подослал их ко мне из-за статьи... — потрескавшимися от боли губами проговорила женщина. Она случайно легла на раненую руку и застонала. На лбу выступила испарина.

— Не волнуйся, родная, рана не глубокая. Пуля прошла на вылет, я уже обработал рану, за неделю будешь как новенькая.

— Я, вообще, везучая, — лицо Ольги тронула слабая улыбка. — Как хорошо, что ты у меня есть, Сереженька, — она с нежностью посмотрела на Сергея.

Он сейчас казался ей таким родным и близким, и таким красивым. Ей до конца не верилось, что она в безопасности, что все миновало, как страшный сон. И рядом Сережа, ее любимый Сережа. Еще час назад Ольга решила навсегда расстаться с любимым, но когда случилась беда, она прибежала к нему. Но главное, что Сергей ее любит. Он так трепетно за ней ухаживает, так нежно смотрит на нее, а в глазах такой неподдельный испуг. Ольга расплакалась.

— Не надо, ну не плачь, — умолял Сергей подругу, но она не могла остановиться,

всхлипывая все громче. Ее плечи сотрясались от рыданий. Сергей гладил ее по волосам, целовал в мокрые от слез щеки, а она всхлипывала как дитя и теснее прижималась к его груди. «Обещай мне, что ты бросишь журналистику», — тихо шептал он ей на ухо. — «Обещаю», — все так же шепотом отвечала она, ей так было хорошо рядом с ним...

Очень скоро Дашкова выздоровела, но о своем обещании позабыла, она снова с головой окунулась в работу. Новое дело захватило ее полностью. Дашковой удалось выяснить, кто выносил картины итальянского художника из музея. Им оказался не кто иной, как хранитель фондов. Она влетела в кабинет Степана, чтобы поделиться с другом этой новостью. Усевшись на стол, она сразу выпалила:

— Степа, как я не могла догадаться раньше, что картины выносит сам хранитель фондов Гришин.

— Но как ты узнала? — удивился Степан.

Дашкова самодовольно улыбнулась.

— Ну не мучь, говори уже!

— Степан, но это же сразу было очевидным! Пойми, что младший научный сотрудник Олег Кириллов не мог вынести картины из фондов без ведома руководителя.

— Ну, согласен, Кириллов слишком мелкая сошка. Фу, черт, — мужчина дернул себя за вихор, — но как я сам не догадался. Ведь все понятно, как белый день.

— Да, все понятно, если предположить, что есть некто третий, для кого эти картины были похищены. Он, конечно попытался, похищенные полотна сплавить за рубеж... Но главное, ему не нужен был лишний свидетель, он и приказал убрать Олега Кириллова.

— Выходит, Булошникова была права, когда говорила, что есть Некто, кто хочет замести следы?

— Да, — кивнула головой Дашкова. — Кириллов пал жертвой собственной недалекости. По всей видимости, Гришин был осведомлен с историей несчастной любви Олега Кириллова. Он то и уговорил Кириллова вынести картины Тинторетто под невинным предлогом, чтобы понравиться девушке.

— Да, и он согласился, тем самым подписав себе смертный приговор, — констатировал Рыкин. — Но постой, Ольга, если ты говоришь, что есть некто третье заинтересованное лицо, то почему вскорости похитители вернули картины. Зачем было тогда вообще инсценировать кражу?

— Картины не вернули, а подбросили. И не все, две самые ценные исчезли навсегда, и пока не найдены. Этот план задумали Гришин и его сообщник, и им удалось довести его до конца.

— Но как тебе удалось выйти на Гришина? Ведь, милиция в ходе следствия не имела к нему никаких претензий?

— Главный хранитель фондов остался в тени, потому что в следствии фигурировал младший научный сотрудник Кириллов, которого Гришин и сдал ментам. Я попросила бездомных ребятишек понаблюдать за всеми сотрудниками музея. Из них всех самым подозрительным оказался Гришин. Во-первых, он недавно купил дорогой автомобиль. И это при скромном окладе музейного работника. Потом, он личность весьма странная и угрюмая.

— Но это не повод... — попытался возразить Степан, но Дашкова перебила его:

— Постой! Я выяснила, с кем встречался Гришин. К нему в музей приезжал некто Серж

Ветровский, из новых русских, который корчит из себя аристократа и мецената и покровителя искусств. Он помогает бедным талантливым художникам. Замечу, талантливым, не бездарностям. Для чего спрашивается?

— Для того, чтобы они смогли в любой момент подделать картину великого мастера, — сказал Степан.

— Правильно, поэтому неизвестно — подлинники кисти Тинторетто вернули в музей, или подделки. Этот Серж Ветровский завтра устраивает у себя в особняке благотворительный бал. У меня есть приглашение, завтра я иду на этот бал. Надеюсь что-нибудь разузнать. Правда, я молодец! — Ольга с торжеством посмотрела на друга, ожидая его похвалы.

— Я не советую тебе вступать в это дело. Это может быть опасно! — решительно сказал Степан. — Ты никуда не пойдешь. Отдай мне приглашение, я сам пойду. Я мужчина, для меня риск не страшен. Ты недавно была ранена, ты забыла?

— Я ничего не забыла. Степа, я ценю твое благородство, только... я раздобыла приглашение для женщины, — в недоумении пожалала плечами Дашкова. — Ты же не будешь переодеваться в женское платье?

— А что, это идея? — воскликнул Степан. — В женском костюме и парике на меня никто не обратит внимания, и я свободно смогу обследовать дом.

— Нет! Я сама пойду на этот бал. Я очень хочу познакомиться с этим Сержем Ветровским.

Ольга была категорична. Степан знал, что теперь ее переубедить бесполезно. Он решил, что завтра тоже отправится в особняк Ветровского, он будет ждать Ольгу на улице, и если с ней что-то случится, он сможет прийти к ней на помощь. Лучше, конечно, было бы проникнуть в дом, хотя бы под видом прислуги. Но как?! О своем решении Степан ничего не сказал своей коллеге...

Стоял морозный февраль. С утра небо было хмурым, к вечеру крупными хлопьями повалил снег. На улице было холодно, зло завывал ветер, а в огромном особняке Ветровского было тепло и уютно. Тихо звучала прекрасная мелодия. В гостиной былолюдно. Респектабельная публика веселилась, дамы всюду щебетали, кокетливо отпивая из бокалов шампанское, они тихо обсуждали богатые туалеты своих знакомых и подруг, мужчины сгруппировались возле стола с закусками и коньяком. По залу среди гостей неслышно лавировали вышколенные официанты с подносами на вытянутой руке, заставленными фужерами с шампанским.

К гостям вышел хозяин в черном фраке и попросил минуту внимания. Серж объявил гостям, что сейчас перед ними выступит юное дарование.

— Дамы и господа, сегодня я приготовил для вас сюрприз. Юная леди Полина сейчас исполнит для вас романс «Соловей» Алябьева, — сказал в зал хозяин дома и обвел присутствующих долгим взглядом. — Прошу вас, почтенная публика, быть снисходительней к ней. Возможно перед нами будущая солистка Большого театра.

— Просим! Просим! — с готовностью зааплодировали мужчины. К ним присоединилась и женская половина, с интересом поглядывая на незнакомку.

На импровизированную сцену вышла тоненькая пятнадцатилетняя девушка в белом платье. Она села за рояль, подняла свои белые точеные руки и слегка коснулась клавиш, слегка наклонив набок аккуратно причесанную головку, черный локон упал на ее алую щечку. По залу понеслась чарующая мелодия. Затем послышался ангельский голос. Сначала

Полина пела тихо, словно робея перед зрителями, потом все уверенней и прекрасней, лаская слух гостей. И все вздохнули с облегчением, что не придется льстить хозяину и говорить, что певица прекрасна, Полина обладала чарующим мелодичным сопрано.

— А девица очень миловидна, — тихо сказал важный господин в золотом пенсне своему соседу на ухо.

— Да, она не дурна, — согласился тот. — И поет чудесно.

Дашкова сидела неподалеку и все слышала, как впрочем и хозяин дома. Комплимент в адрес Полины не остался незамеченным, он слегка улыбнулся. По лицу видно было, что он искренне рад за Полину. Дашкова наблюдала за Сержем вот уже полчаса, пытаясь найти что-то в его облике, что оттолкнуло бы от него, но, к сожалению, обнаружила, что Серж ей симпатичен. Он был сорокалетним мужчиной солидной внешности. Все дамы в этот вечер не отводили от него своих восторженных глаз. Он очень мило улыбался дамам, был приветлив с мужчинами. Пожалуй, слишком тонкий надменный рот казался единственной отрицательной чертой в облике этого брюнета с голубыми глазами. За спиной у Дашковой две дамы средних лет оживленно обсуждали личность хозяина, она прислушалась.

— Я слышала, что в обществе Сержа называют злодеем, — прошептала одна.

— Но за что? — удивилась ее подруга.

— Говорят, что шестнадцать лет назад он похитил невесту своего друга и женился на ней. Эту бедную девицу звали Эмилией. Говорят, что она не выдержала позора и вскорости умерла.

— А я слышала, — присоединилась к разговору третья дама, — что бедняжка Эмилия умерла при родах, и что Полина — это их дитя.

— Бедная сиротка, — притворно вздохнула дама, начавшая весь этот бестактный разговор.

Еще одну версию, почему в доме Ветровского появилась Полина, Дашкова услышала, когда начались танцы. Они сидели в креслах, ожидая пока мужчины пригласят их на танец. Рядом с Дашковой расположилась немолодая уже дама в рыжем парике, ее звали Верой. Она весь вечер скучала и беспрестанно пила коктейли. Спиртное развязало ей язык. И Вера по секрету поведала Дашковой страшную тайну. «Я слышала, — Вера тяжело зашептала в ухо Дашковой, — что этот Серж и Полина — любовники. — Это ложь! Чудовищная сплетня, каких полон свет! — громко возразила Ольга. Ей были не приятны слова старой сплетницы. — Бога ради, не кричите, вы привлекаете внимание, — попросила Вера и взяла соседку за руку». Ольге было не приятно ее прикосновение, она резко встала и направилась к выходу из бальной залы.

Остановившись перед зеркалом в соседней комнате, Дашкова решила поправить парик. Он немного съехал на сторону. «Я совсем не умею носить парики, — усмехнулась своему отражению в зеркале женщина, — но главное, что меня никто не узнал». Из зеркала на нее смотрела ярко крашеная блондинка, глаза закрывали модные очки в темной оправе. Дашкова уже намеревалась отправиться на поиски картины. Она остановилась в нерешительности в огромном коридоре, рассуждая, куда ей лучше вначале отправиться. Благоразумно предположив, что все ценные вещи хозяин хранит у себя в кабинете, женщина стремительной походкой направилась туда. Но тут ей дорогу перегородил Серж, неизвестно откуда возникший перед ее ясными очами. Он приветливо улыбнулся и вкрадчивым голосом заговорил:

— Но куда же вы делись, милое создание? Я вас везде ищу...

— Зачем? — удивилась Дашкова. По спине у нее пополз неприятный холодок. В голове молниеносно пронеслось: «Все, кажется, влипла!».

— Я хотел пригласить вас на танец.

— Ах, на танец — с облегчением вздохнула женщина. — А я тут заблудилась.

— Да, этот особняк очень большой, здесь есть, где заблудиться, — сказал хозяин с иронией в голосе. — Ну, так что, вы будете танцевать со мной?

— Конечно! Серж, ты так прекрасен, с тобой хоть на край света! — с наглой самоуверенностью сказала Дашкова и обняла Сержа за плечо.

Хозяин дома опешил. Еще минуту назад эта дама была прелестным созданием, а сейчас превратилась в какую-то фурию.

Он прекрасно вальсировал, был очень галантным партнером, и Дашковой на минуту начало казаться, что она влюбляется в Сержа. Дамы плотоядно смотрели на Сержа, завидуя той, с которой он танцевал. Мужчины смотрели с недоумением и шушукались между собой: «Как он мог выбрать в партнерши эту смешную леди с очками в пол-лица, когда в зале столько хорошеньких женщин». Честно говоря, так думала и сама Дашкова, она не понимала, что Серж нашел в ней, она была так смешна в этом парике в стиле каре. Единственно, в чем она была уверена, так это в платье. Длинное черное платье подчеркивало все достоинства ее фигуры.

Они закончили танцевать, и Серж проводил Ольгу к креслу. Он галантно поклонился даме:

— Я прошу прощения, что вынужден покинуть вас. Но мне надо исполнять обязанности хозяина дома. Вы не будете скучать?

— Конечно, нет! — заверила Сержа Ольга. Ее поспешность в ответе удивила его, и он удивленно приподнял бровь. Заметив его реакцию, Ольга поспешила заверить в обратном: — О, Серж, конечно я буду скучать! Приходите скорей.

Вечеринка оказалась не такой скучной, как предполагала вначале Ольга. Внимание хозяина дома было лестным для нее. Ее никто не узнал. Ольга казалась себе верхом совершенства. Она на миг вообще забыла, зачем сюда пришла. Тут внезапно появился официант и вернул ее на грешную землю. Парень в элегантном вишневом смокинге и бабочке стал предлагать ей бокал шампанского. Дашкова опешила от такой наглости. Какой-то официант ей тыкает в лицо серебряным подносом и предлагает выпить с ним.

— Чего вы хотите, уйдите от меня! Я не хочу пить! — властно сказала Ольга и презрительно посмотрела на нахала.

— Ну, ясно, я же не хозяин дома. Чего со мной пить?

— Я не понимаю вас. Оставьте меня.

— Дашкова, ты что меня не узнаешь? — понизил голос до шепота официант. Он выразительно посмотрел на Ольгу. — Посмотри внимательней, это же я Степан.

— Это ты?! — вскрикнула от неожиданности Ольга. В прилизанном черном парике и тонких черных усиках над верхней губой Степан был совершенно неузнаваем.

— Тише ты, не кричи, а то уже все оборачиваются! — цыкнул на подругу Степан.

— Как? Как ты здесь оказался?

— Знай наших! — самодовольно улыбнулся Степан. — Я договорился с одним официантом за определенную сумму и подменил его на сегодняшнем вечере. Но все, мне пора идти, чтобы не привлекать внимание гостей, — заторопился Степан. — Я подошел, чтобы напомнить тебе, чтобы ты не забывала, зачем мы сюда пришли.

— Почему ты думаешь, что я забыла о цели нашего визита? — возмутилась Ольга.

— Да видел я, как ты смотрела на хозяина дома.

— Как я на него смотрела?

— Да так! А я, между прочим, сегодня узнал, что Гришин разбился на машине насмерть.

Думаю, что это дело рук твоего красавца Сержа. Ну, все пока, — сказал Степан и исчез среди гостей.

«Гришин разбился на машине, какой ужас! Еще одна жертва. Значит, Серж виноват во всем. Надо немедленно пробраться в его кабинет, чтобы найти картину и отдать музею, чтобы никто больше не пострадал», — думала про себя Дашкова. Она направилась к выходу. Тут к ней подбежал юркий молодой человек и пригласил на танец. «Нет, я не танцую!» — решительно сказала Дашкова и вышла из зала.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Дашкова стремительно поднялась по лестнице на второй этаж. Она думала, что именно здесь должен располагаться кабинет хозяина. В этой части дома никого не было, ни прислуги, ни охранника. Ольга подошла к кабинету, дернула ручку двери. Дверь оказалась не заперта. «Странно все это», — подумала женщина и вошла в кабинет. Нашарив в темноте рукой выключатель, она включила свет и остолбенела. На полу на персидском ковре лежал черный доберман внушительных размеров. При появлении незнакомки пес зарычал. От испуга Ольга вскочила на стол. Но морда собаки как раз достигала поверхности стола. Собачьи клыки уже подбирались к Ольгиной ноге. Она закричала и вскочила на лестницу, что стояла рядом возле стеллажей с книгами. Во время этого полета подол платья разорвался.

Она так и стояла на стремянке с обнаженными ногами, приподнимая разорванный подол платья, когда в комнату вошел хозяин. Увидев Сержа, женщина заискивающе улыбнулась:

— А-а-а, это вы... как хорошо, что вы пришли. Эта собака, я так боюсь ее.

— Сорбонна ко мне! — приказал Ветровский. Собака послушно, виляя хвостом, подошла к хозяину и села у его ног. Серж стоял, опершись спиной к стене, скрестив руки на груди, сверля взглядом непрошеную гостью. Грозный вид его не предвещал ничего хорошего: — И так, сударыня, может вы объясните мне, что вы делали в моем кабинете?

— Я... заблудилась, — сказала Ольга и поспешила соскочить с лестницы на пол, у нее уже затекли ноги. Прыгнув на пол, она неосторожно подвернула ногу и растянулась на полу. От резкого толчка парик съехал набок, закрывая один глаз. Дашкова поспешила поправить парик на место. Ветровский подошел к ней и стянул парик вовсе, затем снял очки в темной оправе и внимательно стал изучать ее лицо.

— Я так и думал, что где-то уже видел ваше лицо. Но никак не мог вспомнить где. Мешало вот это! — Серж грозно помахал в воздухе париком и очками. Затем с отвращением бросил их на пол. — К чему весь этот маскарад? Как я понимаю, известный журналист Ольга Дашкова не просто так проникла в мой дом. Как я сразу не догадался, когда увидел вас среди приглашенных, что вы подставное лицо. Ведь вашей фамилии не было в списке приглашенных. Зачем вы обманом проникли в мой дом?

Дашкова молчала.

— Отвечайте! — рявкнул Ветровский и схватил женщину за руки. — Не выводите меня из терпения.

— По какому праву вы на меня кричите! — не выдержала Дашкова и с вызовом

посмотрела на Сержа. Лицо его сейчас было ей неприятно, она удивилась, как полчаса назад этот человек мог вызвать у нее симпатию. Холодный взгляд голубых глаз пронизывал ее насквозь, испепеляя гневом. Тонкие губы искривила ироничная гримаса. Она вырвалась из цепких рук Сержа и бросилась к выходу... и остановилась. Там на пороге сидела собака. Увидев беглянку, Сорбонна стала рычать, обнажая мощные клыки. Путь к спасению был отрезан. Дашкова услышала за спиной злой скрипучий смех хозяина особняка: — Вы еще не поняли, милая, что вы в западне, и я могу делать с вами все, что мне заблагорассудится. Никто не придет к вам на помощь. Я закрою вас и отныне вы станете моей пленницей.

— Вы не сделаете этого!

— Почему не сделаю? Сделаю! — Серж медленно приближался к Дашковой.

— Мои друзья коллеги журналисты завтра же поднимут скандал в прессе, вы вынуждены будете меня отпустить.

— А я в самом модном журнале размещу заказную статью, в которой будет напечатана наше совместное фото и подпись к нему. Где будет сказано, что госпожа Дашкова вышла замуж за Сержа Ветровского и они вместе отправились в свадебное путешествие на Мальдивы.

— Вы несносный тип. Не зря вас в обществе называют злодеем.

— А-а-а, вы уже наслушались сплетен у меня в гостиной, — злорадно улыбнулся Серж и подошел вплотную к Ольге. Он наклонился к ней, чтобы поцеловать, но в эту минуту ей стало так страшно, она с силой оттолкнула Сержа от себя и бросилась к окну. Отдернув штору, она с силой потянула раму на себя. В комнату ворвался морозный воздух и белые снежинки. Ольга глянула вниз и в ужасе отпрянула от окна. Было очень высоко, и она побоялась прыгнуть вниз.

— Не советую прыгать из окна, вы можете разбиться. Здесь порядочная высота, — заметил хозяин. — Я вынужден уйти, меня ждут мои гости, ну а после я навещу вас, сударыня. Надеюсь, вы скажите мне всю правду о цели вашего визита. Иначе, я могу рассердиться! — сказал напоследок Серж и вышел из кабинета, собака выбежала за ним. Ольга услышала, как он повернул ключ в замке и ушел. Она подошла к двери и попробовала с силой толкнуть дверь. Но это было бесполезным занятием. Прочную дубовую дверь не просто так было выбить. Ольга кинулась в кресло и заплакала от бессилия, с ней не было даже мобильного, телефон остался в сумочке в гостиной.

Прошло полчаса, за ней никто не приходил. Ольга немного успокоилась и стала озираться по сторонам. Она проникла в этот дом в надежде найти похищенную картину. Ну что ж, ей представился удобный случай. Правда, она не знала, как отсюда выбраться. Картину она нашла очень скоро. Портрет прекрасной незнакомки итальянского художника Тинторетто лежал в ящике рабочего стола. Полотно было свернуто рулоном и обернуто белой материей. Ольга схватила рулон и прижала к груди, она не собиралась расставаться с ним, пока не передаст картину музею. В этот момент она услышала, что за дверью кто-то скребется. Она с ужасом подумала, что это вернулся Серж. Однако у того были ключи, он бы сразу открыл дверь. Значит это его собака. Женщина вздохнула с облегчением. Сорбонна бы не проникла в кабинет через закрытую дверь. За дверью послышался тихий шепот. Ольга прислушалась. «Оля, где ты? Ты тут? Ответь!» Это был голос Степана. Дашкова закричала: — Степа, я здесь! Но он запер меня. У меня нет ключа.

Степан долго возился за дверью, перебирая связку ключей. Намереваясь открыть дверь. Наконец-то ему удалось подобрать нужный ключ, дверь поддалась, и он вошел в кабинет.

Ольга кинулась ему на шею чуть ли не плача: — Степа, ты не бросил меня. Как ты нашел меня?

— Оля, сейчас не время рассказывать подробности, — сказал Степан. — Надо торопиться. Гости уже разошлись, сейчас покинет дом и вся прислуга. Чтобы не привлекать внимания, нам надо выйти из дома вместе с командой официантов, обслуживающих сегодняшний банкет. На, переодевайся в униформу! — Степан кинул на стул черные брюки, белую рубашку и вишневый смокинг.

— Но это одежда официанта.

— Ну конечно.

— А где ты ее достал?

— Ну, какая разница? — передернул плечами Степан. Он не хотел рассказывать Ольге, как раздобыл эту униформу. Как нервничал и переживал за Ольгу весь вечер. Он сразу же заметил, как Ольга исчезла из зала, потом исчез и Серж. Потом Серж вернулся в гостиную, а Ольга так и не появилась среди гостей. Он запаниковал, тут уже гости начали разъезжаться. Им надо было покидать дом, а Ольги все не было. Степан сбегал на кухню, выбежал во двор, заглянул в спальни, расположенные на первом этаже. Тогда Степан догадался, что она, по всей видимости, заперта наверху. В голове была только одна мысль: «Но как ей выйти из дома, если Серж Ольгу рассекретил?» Тогда Степан подпоил одного официанта, который стоял ближе всего к нему, увел бедолагу в прачечную и там снял с него форму. Степан аккуратно уложил сонного официанта на тюки с бельем и бегом отправился на поиски Ольги.

Они без приключений покинули особняк Ветровского с группой официантов. Никто из охранников даже не обратил внимания на бледного официанта невысокого роста, очень похожего на девушку. Под рубашкой за поясом Ольга вынесла картину. На следующий день в газете появилась сенсационная статья о пропавшей из музея картине. Потом было еще много сенсаций, разгромных статей, шикарных интервью с интересными людьми. Дашкова была неутомима в работе. Любила риск и не боялась трудных задач, поставленных перед ней редакцией. Она была популярна и знаменита, ее имя было у всех на слуху. Так в погоне за сенсацией прошел еще один год жизни. В плане творческих планов и карьеры — очень успешный год, но в личной жизни не все было так успешно. Зачастую добиваясь успеха из одной сфер жизни, мы неумолимо жертвуем чем-то другим, иногда не менее важным, чем карьера и успехи на работе.

Шел октябрь. Дождливый и серый с резкими порывами ветра. Деревья стояли поредевшие, ветвями упираясь в низкое небо. Облетевшая листва украшала багряно-желтым ковром парки и аллеи.

Дашкова брела по улицам, не разбирая дороги. У нее был выходной. Пасмурная погода на улице отвечала такому же внутреннему настрою. Душа ее рвалась и металась как птица, внезапно застигнутая штормом.

И было от чего страдать и метаться. Все началось с нездоровья, которое обнаружилось в один из осенних дней. Ольга стала уставать, появилась раздражительность. По утрам мучила тошнота и головокружение.

Валерия как всегда подошла к решению проблемы радикально:

— Ольга, тебе надо немедленно сходить к врачу! — решительным тоном заявила

подруга.

— Зачем? — робко воспротивилась Дашкова. — Возможно, у меня желудок барахлит. Знаешь, эта вечная сухомятка в спешке и постоянные стрессы на работе.

— Работа у тебя, действительно, нервная. Но, думаю, она здесь не причем.

Диагноз врача был неутешительным.

— Вы беременны, леди. У вас будет ребенок, — сказал молодой симпатичный гинеколог.

— Да..., - выдохнула Ольга и обреченно посмотрела на врача: — А можно я сделаю аборт?

— Не советую, — авторитетно сказал доктор. — Могут быть осложнения после операции. У вас потом может не быть детей. У вас есть дети?

— Нет. Как-то не довелось, — робким голосом промямлила Дашкова.

— Так тем более! Вам надо немедленно рожать. Вы замужем?

— Нет.

— Ничего, это не меняет дело. Вырастите сами. Сейчас другое время, не то, что раньше. Сейчас никто не осуждает одиноких матерей.

— Но, доктор, я не готова стать матерью... прямо сейчас. У меня другие планы.

— Где вы работаете?

— Я учитель, работаю в школе, — почему-то соврала Дашкова. — Доктор, может быть, можно еще что-то сделать?

— Никаких но! Срок беременности критический. Вы опоздали, леди.

... И вот теперь Дашкова гуляла в одиночестве по городу, не решаясь пойти к Сергею. «Смирнов должен знать о твоей беременности. Это его ребенок! — решительно сказала Валерия и начала уговаривать Ольгу пойти к Смирнову и все рассказать. — Но, Валерия, я не знаю, как он воспримет эту новость. У него скоро выставка в Париже. Он так к ней долго готовился. — Никаких но, дорогая. Иди к нему и во всем сознайся. Немедленно. Потом отчитаешься.»

Глава 5

Дашкова гуляла уже четвертый час. Зашла в Выставочный центр, походила среди величественных дворцов-павильонов. С интересом зашла в павильон, где выставлялись художники, отметила новые интересные работы, затем побродила среди деревянных теремов, мечтательно постояла возле прекрасных фонтанов. Зашла посмотреть на выставку самоцветов. Женщина любила камни и неплохо разбиралась в них. Ей нравилось с каждым разом открывать для себя что-то новое. Бирюза, малахит, оникс, опал, розовый кварц, нефрит — бусы, кольца и браслеты из этих камней — все переливалось и сверкало на бархатных витринах под стеклом. Ольга не удержалась и на этот раз. Открыла сумочку и достала кошелек:

— Дайте мне, пожалуйста, вот это кольцо, сделанное из лазурита и бусы.

— Какие бусы? — спросила деловито продавец.

— Из розового жемчуга.

— Хороший выбор. Пожалуйста, благодарю вас, мадам, за покупку. Я вижу, вы знаток камней.

— Да. Люблю самоцветы, в них отражены все цвета радуги. Янтарь — желтый, малахит — зеленый, коралл — красный, аметист — фиолетовый.

— Лазурит — синий, а бирюза — голубой, — поддержала разговор продавщица.

— Вы, знаете, я собираю бусы из разных камней. У меня их уже очень много. Вот сегодня к белому и черному жемчугу добавлю нитку розового.

— Говорят, камень холодный, а он согревает и оберегает. Пусть розовый жемчуг принесет вам удачу, — улыбнулась понравившемуся покупателю на прощание словоохотливая продавщица.

Ольга вышла на улицу и увидела, что дождь кончился, и сквозь серые облака прорываются солнечные лучи. Один луч упал на жемчужное ожерелье, что было в женских руках. Розовый жемчуг засиял на свету, и вызвал радостную улыбку на лице женщины. Дашкова тут же надела ожерелье на шею. «Пусть этот жемчуг будет моим талисманом, — подумала владелица ожерелья. — Может быть, это приятная девушка из магазина права, и розовый жемчуг принесет мне удачу».

Когда Дашкова забрела на Останкинский пруд, у нее было уже не такое мрачное настроение как в начале дня. Женщина зачарованно смотрела на воду, пруд весь был усыпан желтыми листьями. Из-за ветреной погоды практически не было желающих прокатиться на лодке. И только две лодки с гребцами лениво покачивались на поверхности, неторопливо передвигаясь по водной глади. В одной из шлюпок сидела парочка и отчаянно целовалась, не обращая внимания на окружающих.

Ольга остановилась и любовалась прудом. Ветер поутих. Уцелевшая на деревьях зеленая листва тихо шелестела. Выглянуло солнце и засверкало тысячами бликов по зеркальной поверхности. Молодой женщине показалось в эту минуту, что эта тихая заводь ее пристань. Вода, вообще, действовала успокаивающе на ее натуру, чей знак был Водолей. Никакого

чувства страха, тревоги как не бывало.

Дашкова так увлеклась созерцанием природы, что не заметила, как кто-то за ней следит. Хрупкая блондинка в розовом пальто уже давно привлекла внимание мужчины средних лет. Он был одет в строгое черное пальто, элегантность которого подчеркивал белый шарф на шее. Черные волосы были коротко подстрижены. Глаза были необыкновенно сини. Именно на них, в первую очередь, обратила внимание журналистка, когда встретилась лицом к лицу с брюнетом. Он улыбался и что-то говорил. Дашкова не сразу поняла, что он говорит. Женщина пребывала еще в том приятном оцепенении, которое сковало ее возле пруда, еще не спал сказочный флер, который окутал ее.

— Простите, что вы сказали, я не расслышала вас?

— Я предложил вам вместе со мной прокатиться в лодке по озеру. Знаете, одному как-то неудобно.

— Вы один? Странно. Такой элегантный мужчина и один. Можно сказать, элегантный как рояль.

— Что вы сказали? Какой рояль?

— Да нет, ничего, — засмеялась неожиданно для себя Дашкова, — знаете, я согласна.

Ольга подошла к лодке, смело перешагнула через борт и... оступилась. В этот момент лодка сильно закачалась на волнах.

— Ой! — вскрикнула Ольга. — Лодка качается.

— Она же на воде, — незнакомец вовремя подал руку своей спутнице и удержал от падения.

— Спасибо.

— Будьте осторожны.

Сильными умелыми движениями незнакомец вел лодку по водной глади. Женщина чуть наклонилась и провела ладошкой по воде, и улыбнулась. Мужчина не сводил с нее глаз. Она была очень хороша. Золотистые локоны развевал ветер, на алых устах играла улыбка. Зеленые глаза полуприкрыты от солнечного света.

— Как вас зовут, прекрасная незнакомка?

Женщина подняла голову и выразительно посмотрела своими зелеными глазами на красивого брюнета. Чуть ли колеблясь с ответом, как бы раздумывая, можно ли довериться неизвестному мужчине, она тихо ответила:

— Меня зовут Ольга Дашкова, я журналист.

— Правда! — приветливо улыбнулся мужчина. — У вас очень мужественная профессия.

— Да. Но даже женщинам нашей профессии хочется оставаться хрупкими и беззащитными, ну, словом, женственными.

— Вам это удается.

— А как зовут вас?

— Мишель.

— Вы — француз?

— Я — русский. Моя фамилия — Строганов. Просто я живу во Франции, в Биаррице. В этом городе живет много русских семей. До 1917 года Биарриц был любимым русским курортом. Тут отдыхали, лечились, поправляли здоровье русские дворяне, великие князья, даже император с семьей. Революция застала многих отдыхающих в Биаррице. Мои предки не захотели возвращаться в большевистскую Россию, остались жить во Франции. Но сохранили культуру, традиции своего народа, язык.

— Значит, вы, Мишель, потомственный дворянин?

— Да, перед вами, сударыня, граф Строганов собственной персоной.

— Ой, смотрите, мы сейчас врежемся в ту лодку! — вскрикнула Дашкова, увидев как другая лодка стремительно направлялась в их сторону.

— Мы просто изменим курс, — спокойно сказал Мишель и уклонился от приближающейся лодки. Будьте спокойны, мадемуазель, я хоть и не моряк, но вырос на море. — Мишель удивленно посмотрел на гребца, который так не умело правил лодкой. Увидев молоденькую девушку, которая сама управлялась с веслами, по-доброму улыбнулся: — Ну, вот ясна и причина, по которой мы чуть не столкнулись. Женщина за рулем, жди неприятностей.

— От такой точно можно ждать неприятностей, — засмеялась Дашкова, глянув на девицу, которая махала веслами как граблями, подняв вокруг себя фонтан брызг.

— Вам идет улыбка, Ольга. Вам говорили это? — Мишель пристально посмотрел на спутницу. Этот взгляд, полный нежности, смутил Дашкову. Она решила перевести разговор в другое русло:

— А что вы делаете в России? Постоите, я знаю, вы, наверное, как и многие турист.

— Нет, не угадали. Здесь я нахожусь по делам. Можно сказать, служебная командировка. И это счастье, что я встретил вас, потому что у меня завтра самолет.

Дашкова могла говорить с Мишелем бесконечно. Ей так нравился этот брюнет. Она млела в его присутствии, таяла под взглядом синих глаз. Ей так хотелось, чтобы их встреча не кончалась. Но тут заиграла знакомая мелодия мобильного. Ольга по привычке поспешила взять телефон:

— Алло, я вас слушаю.

— Алло, Ольга, ну чего ты молчишь? Не звонишь? Ты говорила ему, что ждешь ребенка? Я же тебе сказала, как только ты увидишь Смирнова, сразу мне позвони, — нервно кричала в трубку Валерия.

— Валерия, не кричи, я все слышу, слышимость хорошая, — говорила Дашкова, вопросительно поглядывая на Мишеля. Ей показалось, что он намеренно отвернулся в другую сторону: «Боже, он все слышал! — ужаснулась женщина. — Он, он, хотел мне что-то сказать...»

— Валерия, извини, мне сейчас некогда, я тебе перезвоню, — решительно сказала Дашкова и отключила телефон. Женщина посмотрела на Мишеля:

— Это звонила моя подруга, — извиняющимся голосом сказала Ольга.

— Ольга, не надо объяснений. Вы у себя дома. Возможно, вы торопитесь, а я вас отвлек. Сейчас я причалю к берегу, — говорил торопливо Мишель, усиленно работая веслами. Лодка неумолимо приближалась к берегу. «Боже, зачем мы так быстро плывем, — лихорадочно думала Дашкова. — Сейчас лодка причалит к берегу и все... Я совсем забыла о Смирнове. И не вспомнила о нем ни разу. Я уже не боюсь панически потерять Сергея, так как раньше... Разве это возможно, чтобы короткая встреча так изменила людей?»

Лодка уткнулась носом в твердый грунт. Мишель выскочил на берег и поспешил подать даме руку. Своим вопросом он совершенно спутал мысли своей спутницы:

— Ольга, куда вас провести? Вы разрешите встретиться с вами еще раз.

Дашкова почувствовала биение собственного сердца, в висках заломило от сумасшедшего пульса. Она поняла, что у нее есть надежда на встречу с этим мужчиной, который мог сделать ее счастливой...

Ночью Дашкова спала как младенец. Ее больше не мучили кошмары, в ее душе наконец-то поселился покой.

Утром на работу Ольга безбожно опоздала. Хотя опаздывала она всегда. Вместо «положенных» ей 10.00, она появилась в редакции, когда стрелки часов на руке показывали 12.00. В коридоре уже маячила фигура шефа:

— Между прочим, Ольга Петровна, все сотрудники приходят на работу к 9 часам.

— Простите меня, Анатолий Павлович, вы не представляете, на улице такие пробки!

— Ну, про заторы на дорогах ты мне не заливай. Сам по Москве езжу. Ладно опоздания в другие дни, но сегодня же — оперативка.

— Боже, я забыла. Но я все выполнила.

— Не помню, что именно.

— Я принесла готовую статью о квартирных махинациях, которые участились в последнее время.

— А-а-а, хорошо, отдавай в секретариат. Да, вот что еще, завтра тебе с Рыкиным надо поехать на храмовый праздник в сельскую церковь в Борисовку. Только с утра! Добираться, правда, далеко, но надо, надо. Везет вам, церковной трапезы отведаете.

— Чего завидовать? Едемте с нами.

— Некогда, Дашкова, некогда. Номер надо закрывать.

...Валерия влетела в кабинет, когда Дашкова уже заканчивала обзор читательских писем. Валерия хлопнула за собой дверью так, что стекла в окнах зазвенели. Дашкова и Булошникова на время оторвались от дел и вопросительно посмотрели на вошедшую.

— Что-то случилось, Валерия? — с испугом в голосе спросила Дашкова.

— Нет, дорогая, это я тебя хочу спросить, что случилось? Ты не отвечаешь на звонки, отключила мобильник. Я с утра звоню-звоню тебе на работу, нету. Я уже думала, что тебя похитили.

— Меня похитили? — недоуменно пожала плечами Дашкова.

— Мало ли, ты же говорила, что у вас такая опасная профессия.

— Да успокойся ты, Валерия, никому я не нужна.

Булошникова, любительница сплетен, с интересом прислушивалась к разговору подруг. Она поняла, что про нее на время забыли, и не шевелилась, чтобы себя не обнаружить.

— Ты звонила Смирнову, ты встречалась с ним? Он знает, что скоро станет отцом? — допрашивала подругу Валерия.

— Нет.

— А где же ты была целый день?

— Я гуляла по городу, была на Звездном бульваре, в Выставочном центре, потом каталась на лодке.

— Целый день?

— Ну почему целый день, час, а может быть два часа, не знаю, я не засекала время.

— Ты с кем-то познакомилась? — догадалась подруга.

— Да. Он удивительный. Брюнет с синими глазами.

— Ну, допустим, у тебя уже есть один брюнет. Как зовут твоего Аполлона?

— Мишель.

— Он француз?

— Нет, он русский, только живет во Франции.

— Он, видно, богатый, если у него есть своя яхта.

— А у него своя яхта? — мечтательно проговорила Дашкова.

— Оль, хватит летать в облаках, — Валерия дернула подругу за плечо. — Ты что влюбилась в иностранца? Дура! Он завтра уедет, и поминай как звали!

— Ну и что. А как же переписка? Мы будем с ним переписываться. Так было во все времена.

— Мечтательница, — сокрушалась Валерия. — Ты что же с письмами и в постель ляжешь. Мужчина, он нужен живой, горячий, страстный, а не в письмах.

— Валерия, а разве можно влюбиться с первого взгляда? — спросила Дашкова, мечтательно глядя в окно.

— Можно, только осторожно, — резонно заметила подруга. — Как, говоришь, звать-то его?

— Граф Мишель Строганов.

— Граф?! — удивилась вслух Булошникова и выдала себя.

Подруги с удивлением глянули на нее.

— Тань, ты давно вошла? — Спросила коллегу Дашкова.

— А я и не выходила из кабинета, — буркнула Булошникова и деловито зарылась в бумаги, что лежали на столе.

— Ну все, Валерия, я пропала, — прошептала Дашкова подруге. Теперь все о чем мы с тобой говорили, эта сплетница разнесет по всем этажам.

— Ну и пусть! Есть же чем похвастаться. Все-таки твой знакомый граф, потомственный дворянин, — засмеялась за все время Валерия. — Слушай, это было бы здорово, ты б жила во Франции, а я к тебе б приезжала...

«Мишель, Мишель», — теперь Ольга часто произносила это имя. Она думала о нем и улыбалась, как тогда на пруду. Они не виделись после той первой встречи уже две недели. Мишель позвонил и сказал, что у него срочные дела во Франции.

— Я уезжаю, но я обязательно вернусь, — Ольга замороженно слушала приятный голос, что звучал в трубке. И ее сердце билось чаще.

— Когда ты вернешься?

— Еще не знаю. Ты будешь ждать меня, Ольга? — сказал баритон и замер в ожидании.

— Да, Мишель, я буду тебя ждать. Приезжай, — не сразу ответила Ольга. В ее душе поднялась буря, целый всплеск эмоций. Радость от разговора с любимым. Да, да, любимым, так Ольга называла Мишеля про себя. Тоска от разлуки, что предстояла им. Надежда на скорую встречу, которая будет радостна вдвойне. И еще... страх, что они могут не встретиться больше никогда. А затеряться в этом огромном мире было так легко...

* * *

Жизнь шла своим чередом. Работа, дом, дом, работа. Как будто ничего не изменилось. Только Дашкова сильнее стала чувствовать свое одиночество по вечерам. Дела, видно, у Мишеля не ладились. Он позвонил и сказал, что задержится еще на месяц. Подробности обещал рассказать при встрече. Когда подступила хандра, женщина вспомнила о Смирнове. Правда, она о нем не забывала никогда. Он жил в ее душе всегда, по праву заняв место в сердце.

Они не виделись целый месяц. Такого еще не было в их отношениях за четыре года

знакомства. И хотя никто не хотел расставаться, каждый понимал, что роман иссяк, чувства притупились. Бурная страсть постепенно перешла в привычку. Но они еще сильно были нужны друг другу, так были счастливы в близости, поэтому, по обоюдному согласию, расстались на какое-то время. У Дашковой как всегда был аврал на работе, Смирнов готовился к вернисажу. Оба отдались страстно, чтобы они не делали, любимой работе.

Дашкова звонила Сергею с утра, она хотела увидеться с ним. Но его телефон не отвечал. «По всей видимости, Сергей поменял оператора, — от досады Ольга кусала губы. — Я хотела вначале по телефону все сказать, уж потом поговорить воочию. Дура! Сама виновата, надо было не отключать свой телефон. Что ж теперь придется идти к нему домой или в мастерскую», — Ольга достала сигарету из пачки и нервно закурила.

Подошла к окну, посмотрела на детскую площадку, что располагалась в глубине двора. Там весело и беззаботно играла детвора. Малыши, весело резвясь, катались на качелях, лазили по лесенкам вверх и с веселым смехом спускались с горки. Мамаши и няньки заботливо поддерживали своих чад. Над площадкой стоял визг, шум и радостный детский лепет.

Дашкова засмотрелась на одного мальчугана. На вид ему было года четыре, не больше. Карапуз с усердием, пыхтя как паровоз, забирался по ступенькам на вершину горки, там, на вершине, садился на попку и с визгом, оглашая все вокруг радостным смехом, скатывался с горки вниз по пологому склону-желобу. Мать смотрела на малыша и улыбалась. Ее глаза сияли материнской любовью. Дашкова почувствовала, что к горлу подступил ком, вмиг стало трудно дышать. У женщины душа сжалась от тоски: «Боже, у меня бы уже давно мог быть вот такой малыш, если б я не перебирала женихами в свое время. Все, надоело пребывать в неизвестности! Сейчас же иду к Сергею. Надо расставить все точки над «i»! — женщина быстро оделась, допила свой кофе и стремительно вышла из дома.

* * *

Сергей никак не мог дозвониться к Ольге. Она то не подходила к телефону, то вообще выключала телефон. Смирнов сменил мобильного оператора и хотел сообщить любимой новый номер. Но Дашкова упорно отмалчивалась, не выходя на связь. И тогда Смирнов занервничал, он понимал, что время их временной передышки затянулось, он впервые сильно испугался той мысли, что может потерять Ольгу навсегда. Кажется, такие мысли посещали не только его голову. Как-то позвонила мать и спросила:

— Сережа, как твои дела?

— Ничего, мама, все в порядке.

Ответ сына прозвучал неуверенно, и мать забила тревогу.

— Сережа, вы что расстались с Ольгой. Я так и знала, что она не выдержит и бросит тебя. Ты, наверное, обидел ее чем-то? У тебя, наверное, появилась другая женщина?

— Нет. Мы просто разошлись на какое-то время.

— Она, наверное, не выдержала этой пустой связи. Конечно, любая женщина хочет выйти замуж. А я говорила тебе об этом, сынок, что вам нужно пожениться с Ольгой!

— Мам, ты же знаешь, я еще не готов к этому. Мне надо очень много работать, если я хочу чего-то добиться в этой жизни.

— Боюсь, сын, что когда ты будешь готов жениться, Оленьку уведет другой мужчина. Такие женщины как она сейчас большая редкость.

Это были пророческие слова старшей Смирновой, Марьи Гавриловны. Мать Сергея

была особой решительной и энергичной, но своего мнения никому не навязывала. Она понимала, что каждому в этой жизни надо определиться с призванием и понять, для чего человек пришел на эту землю.

Марья Гавриловна первая поддержала своего сына в художественных начинаниях. И хотя отец был против того, чтобы сын поступал в художественную академию, мать поддержала решение Сергея. В семье чуть не возникла ссора. Отец не сдавался. Петр Ильич всю жизнь проработал на трубном заводе. Пришел безусым юнцом в трубоволоочильный цех и влюбился в металлургическое производство. Начав простым рабочим, со временем стал мастером, и гордился своей профессией. Хотел, чтобы сын продолжил трудовую династию.

Петр Ильич, посмеиваясь, смотрел на эскизы, сделанные мальчишеской рукой, в душе надеясь, что сын выберет путь отца. Но Сергей оказался непреклонным. Тогда отец стал на дыбы.

— Я не допущу, чтобы мой сын стал маляром! — кричал в сердцах Петр Ильич. — Вместо рабочей профессии он выбрал черте что. Мать, это ты во всем виновата! Ты Сережке голову задурила, все поощряла его рисование, учителей ему находила.

— Но, пойми, Петя, у мальчика — призвание. Он может стать великим художником.

— Не допущу и все тут! — сказал Петр Ильич и со всего маху стукнул кулаком по столу.

Сын все-таки поступил в художественную академию и уехал из родного города. Отец со временем успокоился и перестал обзывать при встрече сына маляром. Мать поддерживала Сергея теперь на расстоянии, постоянно перезванивалась с ним, помогала деньгами. Что и говорить, они были родственными душами.

Когда Сергей привез в отчий дом Дашкову, чтобы познакомить с родителями, мать и отец были единокорны. Они встретили Ольгу как родное дитя, надеялись, что сын вскорости женится на ней. Но Сергей снова проявил упрямство. Он не спешил со свадьбой, и не торопился подарить родителям внуков. «Нет, не понимаю я нынешнее поколение, — сказал как-то супруг жене, когда они уже улеглись спать. Петр Ильич отодвинул газету в сторону и внимательно посмотрел на жену: — Маша, ты что спишь что ли? — Да нет, Петя, думаю я, — отозвалась Марья Гавриловна. — А-а, ну так чего надумала. — А что думать? Это их дело думать, молодежи. — Мы вот с тобой, Маша, не встречались помногу лет, как сейчас модно. Взяли да и поженились, и вместе, слава Богу, сколько лет! И в кого только Сережка наш такой упрямый? — В кого в кого, — пробурчала уже засыпая жена, — в тебя! — В меня? — сильно удивился Петр Ильич и снова уткнулся носом в газету.»

Марья Гавриловна была в восторге от новой избранницы сына. И не скрывала своих чувств от будущей невестки, рада была каждому ее визиту. Как-то женщины разоткровенничались между собой.

— Наконец-то, моему Сереженьке повезло, — сказала Марья Гавриловна Ольге, когда они после обеда остались вдвоем на кухне и перемывали посуду. — Он встретил настоящую женщину, вас, Оленька. Вы так подходите друг другу.

— Спасибо, Марья Гавриловна, за теплые слова. Не каждая свекровь так встречает девушку своего сына, — Дашкова зарделась от смущения.

— До вас, Оленька, Сергею не везло с женщинами, — сказала Смирнова.

— У него что, было много женщин? — смутилась Дашкова.

— Нет, не много. Но какие-то назойливые попадались, словно мухи, и дерзкие, в общем, нахалки. Ведь Сережа привлекательный, его Бог внешностью не обидел.

— Может быть, и я нахалка?

— Нет, не наговаривайте на себя, дитя мое. Можно мне вас так называть?

— Конечно можно, Марья Гавриловна.

— Оленька, дитя мое, вы чудесная женщина. Сама умница, красавица, профессионал хороший и любить умеешь. А это, между прочим, главное достоинство женщины. Ты не обвила его как удав, который душит все живое, к чему прикасается. Была у Сергея одна девушка. Надеждой звали.

— Красивая? — Ольга насторожилась. От волнения она упустила тарелку из немецкого фарфора на пол: — Ой! Разбилась, как жаль.

— Ничего, пустяки, посуда бьется к счастью, — успокоила Смирнова девушку и продолжила: — Ну, так вот, эта Надежда из себя была хороша, ничего не скажешь. Этакая яркая брюнетка, восточная красавица. Но она же преследовала Сергея до невозможности. Звонила с утра до ночи, в мастерскую бегала к нему постоянно. Проверяла, с кем он, куда пошел, с кем встречается? В общем, обвила парня, как лиана. Не вздохнуть, ни расправить плечи. А уж сцены ревности закатывала, жуть! С битьем посуды, иногда устраивала истерики прямо на улице. Сергей от нервотрепки аж похудел, осунулся весь, перестал рисовать, говорит «брошу, мама, я рисовать вообще. Пойду лучше на завод, к отцу. Знаешь, какие деньги сейчас рабочие заколачивают!»

— И...

— ...Сергей с Надеждой расстались! Вскорости сын встретил тебя. С тобой мой Сережа расцвел. У него открылось второе дыхание. Глаза светятся, сам полон сил, а пишет сколько! Ты подарила ему вдохновение. В его картинах появилась жизнь. Мне, конечно, как матери приятно, что его картины раскупаются. Но, главное, он знает и чувствует, что рисует, а не слепо следует канонам живописного искусства.

— Но я же ничего не сделала для этого! Мне кажется, если у человека есть дар, он и будет рисовать. А нет, так что ж.

— Э, не скажи, Оленька. От окружения тоже очень много зависит. После года знакомства с Надей Сергей захандрил, стал выпивать, перестал кисти в руки брать и говорит нам с отцом: «А ну его к лешему эту мазанину! Уйду на завод, в смену.» А муж мой и отвечает: «Э не, сынок, так не пойдет. Взятся за гуж, не говори, что не дюж. Что это ты, сын, крутишь как цыган солнцем? Выбрал профессию, так совершенствуйся, неча нюни распускать.

— Да, любая профессия требует самоотдачи. Мне тоже хотелось бросить журналистику, найти более спокойное место: учителем стать или экскурсоводом в музей уйти. Но каждый раз меня что-то останавливало. Видно, не легко изменить своему призванию...

Сергей слонялся по мастерской из угла в угол. Делать ничего не хотелось, ни к чему не лежала душа. Чтобы занять себя хоть чем-то, принялся сооружать подрамники для холстов. Его отвлек телефонный звонок. Сергей поспешно взял трубку, в надежде, что это звонит Ольга. На другом конце провода послышался знакомый голос.

— Сережа, как твои дела? — это звонила мать.

— Ничего, мама, все в порядке.

— Не скрывай, сын, я же слышу по голосу, что-то неладное.

— Знаешь, мам, кажется, Ольга меня бросила. Не приходит в гости, избегает встреч со мной, не отвечает на телефонные звонки.

— Не может этого быть! Ты, наверное, ее чем-то обидел?

— Нет, ну чем я мог ее обидеть? Мы на какое-то время расстались. У нее была командировка, я был загружен, готовился к выставке. Ты же знаешь, мне оказана большая честь. Художественная академия меня, в числе лучших художников, направляет во Францию. Надо было отобрать лучшие работы, подготовить новые полотна, и все в спешке. На подготовку оставалось всего несколько месяцев.

— Я, думаю, не это стало причиной. Ты совершил ошибку тогда, когда не решился сделать ей предложение.

— Матушка, я еще не готов к семейной жизни. Еще столько надо успеть сделать.

— Это все отговорки, мой друг, — со знанием дела сказала Марья Гавриловна. — Страх перед женитьбой знаком многим мужчинам. Мужчины боятся расстаться с холостой жизнью, боятся груза ответственности за семью, жену и детей. Да, семейная жизнь таит в себе много трудностей и забот. Но только в семейной жизни люди познают счастье и истинное наслаждение от жизни. Так устроен мир, и не нам его менять.

— Матушка, вы как всегда правы, — покорно согласился Смирнов. — Я преклоняю колени перед вашей мудростью. Но поймите, ради Бога, я еще не готов, не готов к женитьбе!

— А мы тебя с отцом и не неволим. Как говорится, хозяин — барин. Сейчас другие времена, родители не заставляют детей жениться по своему усмотрению, — в голосе Марьи Гавриловны послышались нотки обиды. Она не стала затягивать более разговор и поспешила положить трубку.

«Жениться! Жениться, — Смирнов мысленно прокручивал разговор с матерью тысячи раз. Он и сам понимал, что мать, как всегда права. — Но, позвольте, как можно жениться, когда сама невеста убежала?» — задавал риторический вопрос художник. Размышления Смирнова прервала старая знакомая.

Встреча с незнакомцем

Глава 6

Надежда была внезапна как порыв ветра, как тропический ураган, который сносил все на своем ветру. Женщина была, по-прежнему, влюблена в Смирнова как кошка, а главное не требовала вступления в брак. Прекрасная раба своего возлюбленного. Смирнов был молод и потому долго не упирался страстными мольбами Наденьки. В ее объятиях наш герой и нашел временный покой. Былой роман возобновился с новой силой. Страстная нега как пучина поглотила молодых людей.

Надя приходила в мастерскую к Сергею почти каждый день, там они запирались на ключ и предавались друг другу.

— Сереженька, я так соскучилась по тебе, любимый, — страстно шептала девушка, прижавшись к плечу Смирнова. — Скажи, что ты любишь меня? Нам ведь хорошо вместе?

— Да, — говорил в истоме мужчина и покрывал рот подруги страстным поцелуем.

Отрезвление пришло в тот день, когда Ольга нечаянно нагрянула к Сергею и застала его с другой.

Дашкова пришла днем и очень удивилась, когда застала дверь мастерской закрытой. Смирнов не имел привычки запирается. Дверь закрывалась на замок только, когда он был не один. Дашкова постучала в дверь раз, другой. Повернулась и хотела уже уйти, как вдруг ей послышался женский смех в мастерской. Тогда Ольга решила узнать всю правду, выяснить все до конца. Она с силой забарабанила в дверь.

Сергей с неохотой поднялся с дивана, натянул брюки и направился к двери.

— Ты куда, любимый? — капризно надула губки Надя.

— Надо открывать, иначе они разнесут дверь, — Сергей чмокнул девушку в носик и направился к двери. Какого же было его удивление, когда он увидел Ольгу.

— Оля, ты? — бледнея, проговорил Смирнов.

— Сережа, почему ты так долго не открывал? — нервничая, Ольга сорвалась на крик. Лицо ее покраснело от волнения и злости, что она застала Смирнова с любовницей. — Ты что разве не один? Извини, что не предупредила по телефону, но я звонила...

— Верю, я сам тебе звонил. Оля, как хорошо, что ты пришла.

— Ты так меня ждал, что даже двери запер?

— Я прилег в другой комнате, задремал. Знаешь, так устал, ночью работал и не сомкнул глаз.

У Дашковой отлегло от сердца, она подумала про себя: «Вот дура, а я подумала уже черте что!» И тут ее взгляд упал на мольберт, на котором стояла накрытая покрывалом картина. Ольга сдернула завесу и увидела портрет полуобнаженной женщины. Женщина, слегка прикрытая прозрачной тканью, расчесывалась перед зеркалом. По плечам рассыпались роскошные черные волосы. Холеное белое тело было упругим и казалось живым.

— Прежде ты как-то не имел обыкновения рисовать в стиле ню? — Дашкова

обескуражено посмотрела на Смирнова.

— Знаешь, натурщица хорошая случайно попалась. Ее ко мне Лаптев привел, — как бы извинялся художник. — И, ты знаешь, берет со всем недорого.

— Значит, натурщицу привел Лаптев. А-а, понятно.

— Оленька, пойдем к нему, ты сейчас все сама и расспросишь у него, — мужчина на ходу надевал рубашку и поправлял слегка растрепанные волосы. Его суетливость раздражала Дашкову. Она понимала, что тут что-то не так. Но у нее не хватало духу, переступить порог второй комнаты, где у Смирнова стоял диван. И где Ольга провела столько приятных мгновений. Это не была трусость, нет. Эта было обусловлено женской мудростью. Не хотелось разбивать мечты, пусть даже это был сказочный мираж. А, именно, так и представляла себе Дашкова свои отношения со Смирновым. Сердцем женщина чувствовала, что все кончено, разбитую чашку не склеишь. Ее Сережа не долго страдал от одиночества и завел новую подружку. «Предав нашу любовь! Неужто Алиса была права, говоря, что художники всю жизнь ищут свою музу. Она уж точно знает, настрадалась со своим любвеобильным Севой Лаптевым, — подумала Дашкова. Женщина застыла у окна в глубокой задумчивости. — Но я то думала, что Смирнов не такой. Он же говорил, что я его богиня!»

— Оленька, что ты там увидела в окне? — Смирнов окликнул женщину.

— Я увидела там свои разбитые мечты. Куда ты говорил нам надо идти? — женщина посмотрела на бывшего возлюбленного чужим холодным взглядом.

— Я говорю, пойдем к Лаптевым, ты же давно не виделась с Алисой, — говоря это, художник поспешил вывести Ольгу в коридор. Ольга шла за ним как замороженная, покорно разрешая увести себя из его мастерской. И тут она услышала капризный женский голос, доносившийся из соседней комнаты: — Сергей, ну куда же ты делся? Мне скучно без тебя. Иди ко мне милый, согрей меня...

От этих слов Дашкова вздрогнула как от электрического тока. Она с презрением глянула на Сергея и иронично сказала: — Там дожидается тебя любовница, вот почему ты так торопишься меня увести отсюда.

— Я не хотел... прости, Оля. Я дурак, — в смятении Сергей повалился на колени перед Ольгой, словно всем своим видом прося прощения. — Знаешь, как-то все случайно произошло...

Его суетливость раздражала Дашкову. Она не стала ждать его объяснений и переступила порог второй комнаты, где у Смирнова стоял диван, и где они провели вместе столько приятных мгновений. И тут Ольга увидела соперницу, смазливая брюнетка нагло возлежала на смятых простынях, даже не намереваясь прикрыть свою наготу. Ольга коршуном налетела на соперницу и стала хлестать ее по щекам, дернула за распущенные волосы:

— Дрянь! Какая же ты дрянь! Убирайся отсюда, — кричала Дашкова, не помня себя от ярости. Брюнетка что силы отбивалась, визжа от страха. Сергей пытался разнять женщин. На крики прибежали Алиса и Сева. Они силой увели Ольгу из мастерской Смирнова постепенно Алиса привела ее в чувство. Ольга билась в истерике, рыдая над своей разбитой любовью: — Алиса, как он мог так жестоко поступить со мной?! Ведь я любила его. Он называл меня своей богиней. Мы не виделись несколько недель, я прихожу к нему, чтобы сказать, что жду ребенка от него, а он уже с другой.

— Оленька, ну не плачь, я прошу тебя, — Алиса успокаивала несчастную как могла. —

Вот, увидишь, все наладится, вы снова будете с Сергеем вместе. Он очень хороший, поверь мне! Я знаю его давно... — Алиса протянула Ольге стакан с каплями: — На, выпей каплю, успокоишься.

Дашкова выхватила стакан и с ожесточением швырнула его об пол. Стакан раскололся вдребезги.

— Сергей хороший!!! — закричала в истерике Дашкова. — Нет! Сергей не хороший, он предатель, трус. Мы вместе четыре года, и что я имею. Мне одной придется воспитывать ребенка, а он нашел очередную музу, которая будет вдохновлять его, а заодно будет выполнять роль любовницы.

— Вы можете еще помириться...

— Я никогда его не прощу! — Ольга решительно встала и направилась к выходу.

— Оля, ты куда? Ты снова идешь к Сергею? — обеспокоено спросила Алиса.

— Нет! Я уйду навсегда!..

Мишель приехал в Россию только через два месяца. Он был несказанно рад, что Ольга дождалась его и не выскочила ни за кого замуж. Он догадывался, что у Дашковой до него уже был бурный роман, но как истинный джентльмен не лез к ней с расспросами. Мишель умел сопереживать, не влазя в душу к собеседнику. Жизнь научила его стойко сносить удары судьбы и быть к людям терпимым.

Мужчина ощутил предательский удар судьбы именно в тот день, когда по иронии судьбы должен был быть самым счастливым. Это случилось пятнадцать лет назад. Двадцатипятилетний владелец роскошного особняка в Биаррице был несказанно счастлив, встретив свою будущую жену. Мария была кротким созданием с прекрасным личиком и точеной фигуркой. Но, к сожалению, слаба здоровьем.

Перед свадьбой врачи предупреждали молодых о том, что беременность для Марии может нести в себе угрозу. Но девушка имела твердый характер. Она во чтобы-то не стало хотела родить ребенка. Беременность протекала с большими осложнениями. Не помогали ни хороший климат, ни заботы супруга. Мария осунулась, побледнела, под глазами появились темные круги. Несчастной женщине приходилось большую часть времени находиться в постели. У Мишеля сердце заходило кровью, когда он видел мучения жены. Он проклинал себя тысячу раз, что уступил уговорам жены. Мужчина проводил часы возле постели любимой жены. Ее слабая улыбка на бледном лице была ему отрадой.

Ту ночь он не забудет никогда. Роды проходили в доме, роженицу нельзя было везти в больницу. Мишель бегал из комнаты в комнату как загнанный волк. Сердце его раздиралось от боли, душераздирающие стоны из спальни жены разносились по всему дому. Вдруг все прекратилось. Суматоха слуг, стоны... Неожиданно прозвучал крик новорожденного. Мальчика искупали в теплой воде, завернули в пеленки и отнесли в детскую. Медики еще несколько часов не отходили от роженицы. Но все оказалась напрасным. Мария умерла в ту же ночь. Ее похоронили с почестями в семейном склепе, где уже нашел пристанище отец Мишеля.

Тогда вместо любви к ребенку отец ощутил ненависть. Он считал его виновником гибели матери. Маленького Артура Мишель оставил на попечение няnek и слуг, а сам уехал за границу. Мать не поддерживала решения сына, но и удержать не могла, она понимала, что царит в его душе.

Мишель путешествовал по всему миру. Был в Латинской Америке, в Индии, в

Австралии, в Африке. Несколько раз путешествовал по Сибирской тайге. Но больше всего его покорила Дальний Восток с его первозданной природой, дикий не обжитой край. Здесь можно было спрятаться от людей, ненужных вопросов. А таежники, охотники и рыболовы — люди немногословные. Им не надо ничего объяснять, каждый свою боль в душе носит.

Был у Мишеля и хороший приятель, лесник Петр Крылов. С ним они исходили много дорог-путей. Месяцами не вылазили из тайги. Охотились и на пушного зверя, и на кабана ходили. Крылов был могучий мужик, мог сам медведя заломать, голыми руками стальные прутья гнул. Петр был молчун, какого свет не видывал. Одно слово, таежный человек. За день мог и слова не сказать. В редкие часы привала у костра, когда поспевал ужин, Петр мог немного разоткровенничаться. В одну из бесед Крылов и рассказал своему приятелю, почему стал отшельником:

— Шибко любил я свою Дарью. Пуще жизни она мне любя была. Краше девки ее не было на селе. Ну, вот и сосватали нас родители. Поженились мы и стали поживать, дочка у нас родилась. Думал так всю жизнь с Дарьюшкой проживу. Ан нет, не пришлось.

— Что же померла твоя жена? — спросил Мишель у товарища.

— Типун тебе на язык! Тоже мне выдумал, — забасил Петр.

— Так что же с ней приключилось?

— Ушла она, — тяжело вздохнул мужик.

— Как ушла? От такого богатыря. Что ж ты не воротил ее?

— А как воротишь, если она другого полюбила. Рядом с нашим селом геологи стояли. Вот Дарья-то с одним из них спуталась. Красивый гад, а главное, грамотный. Все стихи ей читал. Пушкина: «Я вас любил...» Тьфу.

— А ты откуда, Петр, знаешь. Неужто сама рассказывала.

— Да бабы их выследили, у протоки они купались. Глядь, геолог с Дарьей в кустах обнимается. Ну те сороки прибежали в село, растрещались. Не знал куда от стыда глаза девать. Однако супружнице своей сказал: «Дарья, я тебе все прощу, только не позорь ты меня больше, Христа ради».

— А что ж она?

— Сказала, что любит этого геолога. Гришка его зовут. Так он и увел мою Дарью. Их экспедицию перевели в другое место, и Дарья с дитем туда подалась вслед за ним. А я в лес ушел от греха подальше, что б не убить его. Шибко руки чесались!

— Что же ты, Петр, на другой не женился? Худо одному-то. Или у вас в селе баб молодых нету?

— Ой, худо одному! Только я не могу, я Дарью жду. А на других не смотрю, однолюб я.

— ?!

— Да, не удивляйся. Если воротится она ко мне, все ей прощу.

...Не раз приходилось Мишелю и рисковать жизнью. Встречался он глазами и с голодным волком, и от медведя приходилось убегать, когда ружье в сторожке оставил. Повстречался как-то на лесной тропе ему тигр. Полосатая кошка выпрыгнула из лесной чащи, когда Мишель шел к реке за водой. Мужчина понял, что звать Петра все равно бесполезно, не успеет он вовремя. Тигр одним ударом лапы перешибает хребет у лося. Человек и животное несколько секунд смотрели внимательно друг на друга. Желтые глаза тигра холодно поблескивали, словно гипнотизируя свою жертву. Увидев, что человек не испугался, зверь лениво повернулся и пошел прочь. «Это тебе повезло, Миша, что тигр сытый был. Повстречался бы ты с ним, когда он голодный, я б ни за что ручался, — объяснял

потом Петр. — Тигр в ярости так ревет, что слышно его на несколько километров. Коготь у него величиной несколько сантиметров. Хотя, сказывал мне старый охотник, что тигр не всегда нападает на человека. Словно зверь чувствует свое превосходство над ним, и дает человеку возможность уйти».

В тот момент, когда угроза гибели была неминуема, мужчина в первый раз серьезно испугался. Не за себя, сам он ничего не боялся, Мишель вспомнил о сыне. Артур бы остался круглым сиротой. Мишель принял решение вернуться домой и посвятить себя сыну.

Молодой граф рос любознательным подвижным ребенком. Он любил верховую езду, увлекался парусным спортом, еще у него были занятия боксом. Большая физическая нагрузка спровоцировала сбой в организме. Дала знать себя наследственность. Мать умерла от сердечной недостаточности. В 14 лет у Артура обнаружили порок сердца. Мальчик пролежал в больнице несколько месяцев. Бабушка и отец все время были рядом. Когда Артуру стало лучше, Мишель выехал в Россию.

Встреча прошла на Воробьевых горах. Прогуливаясь заснеженным парком, Строганов поведал Ольге историю своей жизни.

— Вот и все, милая моя Ольга, что я хотел вам рассказать, — подытожил Мишель. — Вы не замерзли. Дайте мне ваши руки, я согрею их.

— Мишель, а как себя чувствует ваш сын? — Ольга тихо всхлипывала, ее расстроило услышанное.

— Артура уже выписали из больницы. Он дома, приступил к занятиям спортом. Правда, под присмотром врачей. Моя мама все время с ним.

— Когда вы уезжаете домой?

— Скоро, — Мишель внимательно посмотрел на спутницу, — но я хотел бы поехать не один. Вы поедете со мной, Ольга?

— Да, — от счастья у Ольги закружилась голова. Женщина покачнулась и вспомнила, что ждет ребенка, от другого. Правда станет известной очень скоро, и этого не скроешь. Шел уже третий месяц. — Я не знаю, смогу ли я поехать вместе с вами, Мишель.

Услышав ответ, мужчина расстроился и закурил.

— Вы не хотите выходить за меня замуж. Понимаю, у меня есть взрослый сын, вам бы пришлось с ним общаться.

— Нет, нет, что вы, Мишель, как вы могли такое подумать, я очень люблю детей. Хорошо, я выйду за вас замуж, — вздохнув, решительно проговорила Ольга.

...Придя домой и оставшись наедине, Дашкова горько заплакала. Ее тронули слова признания Мишеля до глубины души. Он любил и принимал женщину какой она есть, осознавая что у нее есть свои тайны, возможно, даже разбитое сердце от любви к другому. Дашкова вспомнила, как на днях позвонила Смирнову и по телефону сказала, что ждет ребенка. Видно, новость Смирнова ошарашила, он долго молчал, а потом спросил испуганным голосом: «Ольга, ты уверена, что это мой ребенок? — А чей же еще?! — закричала Дашкова истерическим голосом. — Прости, родная, я не подумал, что могу обидеть тебя, — заглаживал вину Смирнов. — Может, имеет смысл пока подождать с детьми? — Что ты говоришь? Ты предлагаешь мне сделать аборт?» — обессиленная Дашкова упала на кровать. Она не могла больше разговаривать. Ей казалось, что она умирает.

Красновская чихвостила Смирнова под первое число. Подруги сидели в дорогом

ресторане и обсуждали последние новости.

— Вот хоть убей меня, мне никогда не нравился твой Смирнов, — Валерия не унималась. Она просто не могла прийти в себя, она была в бешенстве, когда услышала, что Смирнов ответил Ольге. — Я тебе, Ольга, говорила, что оно так и будет, промурыжит и бросит. Вот гад! Вот гусь! А ты его еще все время защищала.

— Я любила его, Валерия, — грустно проговорила Ольга.

— Любила, а замуж выходишь за другого. Правда, твой Мишель не чета Смирнову. Он мужчина видный, самостоятельный, не то что некоторые.

— Да, он оказался порядочным. Ты бы, Валерия, слышала, сколько ему пришлось пережить. С ума сойти! Он когда мне рассказывал, меня мороз по коже пробирал. Мне так жаль бедного Артура.

— А ты не боишься, подруга, с мальчиком могут возникнуть осложнения.

— Какие осложнения? Врачи говорят, что пока все нормально, — не поняла Дашкова.

— Да я не о здоровье говорю, — поправила подругу Красновская. — Вдруг он не признает тебя. Все-таки, мачеха. Да еще у тебя скоро родится ребенок. У него может появиться ревность и зависть, что другому ребенку больше внимания будут уделять. Так бывает во многих семьях. У меня, знаешь, как Димка ревновал, когда Павлушка родился. Все делал наперекор. Игрушки стал ломать. В садик наотрез отказывался ходить, истерики мне в магазине закатывал. Упадёт на пол и ревет ревмя. А люди все смотрят, сочувствуют. Ох, и натерпелась я тогда, хорошо, что муж тогда стал старшему сыну больше внимания уделять. Вот все и наладилось.

— Ты знаешь, оно как-то будет. Главное, что я его люблю. Мне Артур кажется близким человеком, просто мы давно не виделись, вот и все. И отца его я люблю, Мишеля. Я думаю, любовь нам поможет наладить отношения.

— Дай-то Бог, подруга, — сказала, кивая головой, Красновская. — Еще не известно как свекруха встретит. Может, она против будет. Ты же не их поля ягода, не графиня. Может, у них в роду еще живы классовые предрассудки.

— Волка бояться, в лес не ходить. А жить мне не со свекровью, а с мужем. Недаром говорят, стерпится-слюбится, — сказала Ольга и подняла бокал: — Давай, подружка, выпьем за дорожку.

— Да, все-таки жаль, что ты уезжаешь. Мы теперь реже с тобой видится будем, — Красновская эффектно поднесла бокал к губам и выпила вино до дна: — Пусть жизнь твоя будет прекрасна как это французское шампанское!

— Спасибо, Валерия, — сказала Дашкова и расплакалась от избытка чувств.

Глава 7

Франция встретила Ольгу мокрым снегом. Сравнительно теплая зима значительно разнилась от суровой русской зимы. Тут никто не носил столько теплой одежды как в России. Многие ходили, вообще, без головных уборов. Дамы щеголяли в изысканных мантиях из дорогих мехов больше для красоты, чем из-за холода. Для Дашковой открывалась новая еще неизведанная глава в ее жизни. И как все еще могло обернуться, было неизвестно. Будущая супруга графа Строганова сокрыло от него маленькую тайну: что она ждет ребенка от другого.

Венчание должно было состояться через месяц в церкви Святого Николая. А пока Ольга жила в роли хозяйки большого дома. Роскошь богатого дома-дворца потрясла ее. Богатое убранство комнат, старинные картины, антикварная мебель, столовые приборы из золота и серебра. Сам особняк, выполненный в стиле позднего барокко. Все говорило об изысканном вкусе владельцев особняка и их огромном достатке. Честно говоря, Ольга оказалась к этому не готова. Она, конечно же, привыкла дома к дорогим подаркам от знатных поклонников. Но мышление двухкомнатной квартиры, в которой она жила вместе с мамой, трудно было изменить моментально. Ее отец, инженер, как многие инженеры страны имел средний достаток. По-началу, она чувствовала себя неуютно в огромных залах, хрустальные люстры которых, казалось, нависали над ней. Размеры зеркал казались устрашающе великими, многие залы напоминали фойе оперных театров. Но это было еще полбеде, главный конфуз был в том, что цивилизованная европейски образованная женщина, прекрасный работник и прочее, абсолютно не знала, как управлять огромным домом. Дашкова не знала как рассчитаться с прислугой, какое задание с утра дать поварам и садовнику. От этого она более смущалась и чувствовала себя не комфортно. Ее мучения продолжались до тех пор, пока из Швейцарии с отдыха не вернулись свекровь и сын Мишеля. Доктора порекомендовали Артуру почаще выезжать в Швейцарию, там были лучшие клиники и врачи.

Мать Мишеля оказалась статной старухой с величавой осанкой и выражением лица «королева в изгнании». Елена Петровна гордилась своими старинными корнями и неустанно об этом повторяла. Все первое знакомство, которое прошло во время праздничного ужина, Елена Петровна посвятила родословной графов Строгановых. Она все сокрушалась, что столь знаменитый род, сделавший так много для России, сейчас незаслуженно забыт.

— А, ведь, графы Строгановы были дипломатами и служили интересам России на протяжении многих лет. Один наш предок увлекался коллекционированием картин. У него была одна из лучших картинных галерей. То, что вы, Ольга, увидите у нас в доме, это только малая часть картин. В прочем, что сейчас об этом говорить. Ах, милая девочка, вы многого не знаете, в ваших вузах историю аристократических семей не преподавали. Тогда это было не модно, — сказала будущая свекровь и любознательно посмотрела на Дашкову. — Чем вы занимаетесь, барышня?

— Я — журналист, — как бы извиняясь, сказала Дашкова, — нас еще называют

репортерами.

— Очень эксцентричная у вас профессия, вы как многие папарацци гоняетесь за звездами и членами правящих династий в поисках сенсаций?

— Мама, у Оли немножко другой профиль, — заступился за невесту Мишель. — Она пишет очень много хорошего о талантливых и интересных людях.

— Сын, я конечно же понимаю, что без журналистов совсем нельзя. Кто нам сообщит о наводнениях и других природных катастрофах. Но то, что репортеры умеют нагнетать обстановку, это же неоспоримый факт. Я, например, в последнее время не хочу смотреть телевизор.

— Мама, Оля, работает не на телевидении, а в обычной городской газете.

— Ну, очень хорошо, надеюсь, что тут она работать не будет.

Ольга посмотрела в тарелку, она была почти полная, есть абсолютно не хотелось. Женщина вздохнула, видно, что она не очень понравилась свекрови. Елена Петровна была женщиной с характером и решила сразу показать, кто в доме хозяйка. Молодой граф также не проявил интереса к будущей мачехе. Артур вежливо вел себя по отношению к Ольге, не больше. Он все больше молчал за столом, налегая больше на еду, предпочитая отмалчиваться и не вмешиваться в дела взрослых.

— Оленька, вы совсем не едите эклеров, — оторвала невестку от размышлений Строганова. — Вам не нравится наш повар?

— Очень нравится, — смутилась Дашкова. Как будто у нее было с чем сравнить?! — Я съела почти пять эклеров и круассаны также попробовала, они великолепны.

— Значит, вам не понравился наш луковый суп. Хотя Антуан его всегда прекрасно готовит! Может быть, вам не здоровится, вы очень бледны, дитя мое?

— Нет, нет, все хорошо, у меня просто немного побаливает голова, — у Дашковой все похолодело в груди. Неужели, ее обман сейчас раскроется, что она беременна от другого. Мишель не простит ее и тогда... они расстанутся навсегда. У Ольги заныло под ложечкой. Она очень сильно боялась скандала, что ее просто с позором выгонят из дома как аферистку.

— Нет, вам все-таки, плохо, я же вижу. Мишель надо после обеда обязательно вызвать врача.

Ольге показалось, что над ней разверзлись небеса. Ей показалось, что Строганова обо всем догадалась. Еще бы! Ведь она женщина. Мужчину можно обмануть со сроками, но женщину провести не возможно. Сейчас придет семейный доктор, осмотрит больную и все станет известно. Тайна раскроется! А, собственно говоря, на что она надеялась! Дашкова жалобно посмотрела на присутствующих и медленно сползла со стула на пол. Она потеряла сознание.

В доме поднялся переполох. Слуги засуетились, больную отнесли в спальню, тут же послали за доктором. Мишель нервно шагал по комнате из угла в угол в ожидании доктора.

Артур нерешительно заглянул в спальню:

— Папа, у тети Оли, что тоже больное сердце как у мамы, и она умрет?

— Нет. Что ты! Я думаю, что все обойдется. Сейчас придет врач и все прояснится. Возможно это обыкновенный обморок. Ольга не отошла еще после дороги, перелета, смены часовых поясов. А вот и доктор, наконец-то!

Ольга проснулась от резкого запаха нашатыря. С трудом приподняла тяжелые веки и попыталась присесть на кровати.

— Не надо, не вставайте, — заговорил доктор на ломаном русском языке.

— Что со мной? — тихо прошелестела губами больная.

— Мадемуазель Ольга, я хочу вам задать один вопрос. Я отослал вашего жениха, когда проводил осмотр. Но сейчас месье Мишель подойдет сюда, я послал за ним, ему передали что вам уже лучше. Понимаете, я как семейный доктор должен буду сказать правду о вашем состоянии здоровья. Ваш жених знает, что вы беременны?

— Нет.

— Я так и думал. Иначе бы, он сразу меня предупредил бы об этом.

— И как долго намереваетесь скрывать свое положение, милая барышня? Ведь, скоро и так все станет ясно.

— Я не знаю, — заплакала Дашкова. — Дело в том, что я очень полюбила Мишеля, я не хочу его потерять.

— Вы, думаете, ложь поможет удержать мужа. Ведь у вас скоро венчание, не так ли?

— Да, — виноватым голосом сказала больная.

— Мне кажется, месье Мишель любит вас, он все бы понял, расскажи вы ему. Я старый доктор, мадемуазель, я многое видел на своем веку, поверьте, он вас любит и дорожит вами. Вы же знаете, какая трагедия постигла этот дом, когда умерла жена господина Строганова. Первое время, он был вообще безутешен. У них была большая любовь, и вдруг Бог послал Мишелю такое испытание. Елена Петровна и сын Артур, вот те люди, которые были с ним все время. Ни одна женщина не переступила порог этого дома.

— Мишель ни с кем не встречался?

— У него было много женщин, но он ни к кому не привязывался. Как он говорил, чтобы не было разочарований. И вдруг после стольких холостяцких лет в его жизни появляется вы. Первое время, все были озадачены, даже слуги. Месяц знакомства и вдруг решение жениться. Поговаривали, что это брак по расчету.

— О, нет, — протестующе замахала рукой Дашкова, — я не столь знатного рода.

— Но это и не важно. Главное, что Мишель за последние годы почувствовал себя счастливым.

— Но свекровь, она приняла меня настороженно, почти враждебно.

— Возможно, вы просто не поняли друг друга. Елена Петровна женщина очень характерная, волевая. Вы, мадемуазель, тоже волевая, но чуть мягче. Возможно, Елена Петровна, просто проверяла вас на первых порах. А не хотите ли вы выйти замуж за его сына из-за корыстных целей. Мишель богат, и уже был прецедент с одной юной особой, которая строила из себя пылко влюбленную в Мишеля невесту. Этот союз распался, до венчания дело не дошло.

— Доктор, значит, вы все расскажите Мишелю и моей будущей свекрови?

— Нет, я ничего не буду рассказывать. Правда итак скоро раскроется. Я ничего не буду говорить месье Мишелю, объясню ваш обморок усталостью с дороги. Мишель любит вас, и вы нужны ему. Но я затеял разговор для того, чтобы вы, мадемуазель, поняли, что на лжи счастья не построишь. Даже если обмануть Мишеля и сказать со временем, что будущий ребенок его, и объяснить появление на свет младенца преждевременными родами, правда все равно станет известна. Ребенок не будет похож на Мишеля, и тогда вашу тайну он назовет предательством.

Обморок испугал Артура и он стал относиться к будущей мачехе с ее большей опаской.

Молодой граф стал еще более замкнутым, и всячески избегал общения с пассивной отцом. Возможно, это была защитная реакция. Артур не смирился с потерей матери. Не видя ее ни разу, только на портрете, мальчик очень любил женщину, которая пожертвовала своей жизнью ради его появления на свет. В мечтах мать казалась Артуру героиней. Никакая другая женщина не могла сравниться с ней. Никого не хотел он ставить на этот пьедестал.

Отец злился на сына, за то, что тот избегал общения с Ольгой. Она старалась изо всех сил. Была ласкова и терпелива, ни разу не обругала Артура за то, что он выбегал из комнаты, как только туда заходила будущая мачеха. Сторонился, чурался ее, словно чумной в широких коридорах. Однажды Артур вместо покладистой лошадки подсунул Ольге резвого скакуна, и лошадь понесла. Ольга, не имея прежде навыков, очень плохо обучалась верховой езде. Но будучи упрямой по природе, не хотела бросать начатого занятия. Для прогулок ей предназначалась самая спокойная лошадка Веточка. Она была каурой масти. Веточка не грызла удила, не била копытом о землю, не ставала на дыбы. Конюх всегда ее выводил для молодой госпожи.

В тот раз Ольга не увидела на конюшне знакомого конюха. Там крутился Артур. Он и объяснил женщине, что конюх заболел и предложил оседлать лошадь для верховой езды. Не зная намерения пасынка, Ольга согласилась. Конь по кличке Сокол был на много выше Веточки, черный как вороново крыло. Характер у него оказался крутой. Как только выехали на тропинку, он понес свою хозяйку с бешеной скоростью. Неизвестно, что бы могло произойти с незащищенной Ольгой, которая от испуга бросила поводья и вцепилась в черную гриву Сокола, если бы Мишель не кинулся наперерез и не остановил коня наскоку.

Мишель снял перепуганную женщину с коня:

— Ольга, как ты?

— Кажется, ничего. Отделалась легким испугом, — постаралась пошутить женщина. Но если так дело пойдет, то до свадьбы не доживу.

— Кто дал тебе эту лошадь? С этим конем может справиться только опытный наездник. Я уволю того человека сейчас же!

Ольга не торопилась с ответом. Она понимала, что правдивый ответ мог испортить ее отношения с непокорным мальчишкой навсегда. Отец и сын также бы поссорились из-за нее. Тут женщина увидела Артура в окне на втором этаже. Он прятался за шторой. Бледное лицо мальчика застыло от испуга.

— Не волнуйся, Мишель. Ни кого не надо выгонять, я сама взяла эту лошадь для прогулки. Мне очень понравился Сокол, но я, видно переоценила свои возможности. Я пока плохой всадник.

— Родная моя, ты же могла разбиться, — сказал Мишель и с нежностью обнял Ольгу. — Женщина посмотрела в окно второго этажа. Но там уже никого не было, только тихонько шевелилась штора, задетая рукой убегающего мальчишки.

— Обедали вместе как всегда. Мишель сидел рядом с невестой и был необыкновенно нежен. Он трогательно, по старинке, ухаживал за Ольгой. Она ласково смотрела на него и с удовольствием ела кушанья, поданные его рукой. Мать наблюдала со стороны за воркованием голубков. «Кажется, уже ничего нельзя поделывать, они слишком привязались друг к другу, — рассуждала про себя Елена Петровна. — Может, оно и к лучшему. Думаю, что семейная жизнь пойдет Мишелю на пользу». Строганова посмотрела на Артура, мальчик был за обедом очень скован, его явно что-то тяготило. Женщина вспомнила события сегодняшнего дня, и у нее закрались сомнения. С утра внук против обыкновения направился

на конюшню, хотя у него должны были быть занятия. Бабушка встретила внука, когда он выбежал на улицу, мальчишка явно куда-то спешил. Строганова и предположить не могла, что Артур способен на такие интриги против мачехи. Ни для кого не было секретом, что отношения между мачехой и пасынком не сложились. Но чтобы Артур мог пойти на такое! Строганова посмотрела на сына и невестку:

— Мишель, объясни мне, пожалуйста, что за история сегодня приключилась на конюшне.

Заслышав бабушкин вопрос, Артур весь съежился и напряг внимание.

— До сих пор не могу понять, мама, что же произошло на самом деле. Кто-то отослал нашего главного конюха домой. Незнакомый подал ему записку, в ней говорилось, что якобы его жена занемогла.

— Главный конюх ушел, но ведь на конюшне оставались другие работники? — Строганова вопросительно подняла бровь. — С такой халатностью и до беды не долго.

— Не волнуйся, мама, я уже разобрался.

— Я то могу и не волноваться. Но тебе, сын, нужно волноваться за свою невесту, у вас скоро свадьба. Это ничего, что во время следующей конной прогулки она получит только ссадины и ушибы, а если она случайно попадет под лошадь.

— Мама, не говори так, пожалуйста!

— Ты, Мишель, хороший наездник, с детства овладел искусством верховой езды. Ты-то должен знать, как прекрасное грациозное животное, как лошадь, может быть опасно в ярости и бешенстве.

— Елена Петровна, я сама во всем виновата, этого больше не повторится. Я не буду больше выезжать на прогулку на Соколе. Во всяком случае, пока не научусь получше держаться в седле, — Ольга постаралась быть убедительной. Она понимала, что выдавать Артура нельзя ни при каких условиях.

— Ну, хорошо, вы меня убедили оба, — примирительно сказала Строганова. — Я просто хочу понять, кто оседлал этого строптивого и непокорного коня, и кто вывел Сокола из конюшни. Вы, я думаю, Ольга, еще не научились оседлывать лошадь?

— Нет, — Ольга поняла, что этот коварный вопрос предназначался для Артура, именно он вертелся на конюшне, его видело слишком много работников.

— Я уже, сытый, мне нужно идти к учителю рисования, — не выдержал мальчик, вскочил из-за стола и выбежал из гостиной.

— Что это с ним? — удивился Мишель. — Мама, извини Артура, я сейчас догоню его и узнаю в чем дело.

— Не нужно, сын, оставь мальчика в покое, я сама с ним поговорю потом. Мне он доверяет больше, ты слишком много лет путешествовал и не был дома. А сейчас на него свалилось столько событий сразу. Возможно, парень по-своему переживает вашу женитьбу. Ольга, подвенечное платье уже готово?

— Да, — лицо девушки расплылось в улыбке. — Оно прекрасно, такая чудная ткань, портной пошил платье почти за неделю.

— Какое же украшение к платью выбрала ты?

— Розовое жемчужное ожерелье, я купила его еще в России. Оно приносит удачу. Розовый цвет подвенечного наряда я выбрала в тон к ожерелью.

— Ну что ж, прекрасно. Раз платье готово, то думаю, для невесты это самое главное. Думаю, что венчание пройдет хорошо, тем более, что приглашенных будет мало, так захотел

Мишель. Тем более, что молодые такие счастливые.

Мишель и Ольга переглянулись и счастливо улыбнулись.

— Ну, ступайте, дети, вижу вам надо побыть наедине. Не смею больше задерживать, — свекровь сделала благородный жест рукой в сторону двери.

— Спасибо, мама, обед был очень вкусный, выбор блюд потрясающий, — сын подошел к матери и поцеловал в щеку.

— Ах, льстец, — довольно улыбнулась мать. — Иди уже, невеста заждалась. По себе, знаю, что дни перед свадьбой самые счастливые. А потом начинаются будни...

Рандеву в Париже

После выходки со строптивым конем, пасынок стал относиться к мачехе по-другому. Он не дерзил ей наедине, не бросал колких взглядов, не сторонился ее в пустых коридорах. После обеда, улучив минутку, когда Ольга гуляла сама в саду, мальчик подошел к ней и попросил прощения.

— Ваш поступок, сударыня, благороден, в отличие от моего, — сказал пафосно Артур. За напыщенными фразами пряча свое смущение.

— Ты ни в чем не виноват, Артур, — доброжелательно сказала молодая женщина. — Моя вина в том, что я сама согласилась прокатиться верхом на Соколе. Он показался мне таким прекрасным, что я не устояла.

— Спасибо, мадемуазель Ольга, за то, что вы не выдали меня. Я знаю, бабушка обо всем догадалась. Если бы она рассказала обо всем отцу, он бы сурово меня наказал за дерзкий поступок.

— Спасибо тебе, Артур, за то, что ты больше не сердись на меня, — Ольга в порыве чувств обняла мальчика за плечи. Женщина так растрогалась от примирения, что на глазах у нее появились слезы.

... А жизнь продолжалась. Дата венчания была не за горами. Мишель уехал по делам на неделю в Лондон, а Дашкова осталась наедине со своими раздумьями. Женщина испытывала тоску от безделья, от разрыва с родиной, со своими друзьями, работой. Невзначай, стали появляться нотки ностальгии. Это неведомое доселе чувство тоски, граничащее с депрессией, выраженное плохим настроением, и жалостью к самой себе, к тому, что она утратила, покинув родной дом. Возможно, это было связано с тем, что организм молодой женщины перестраивался. Ведь, она ждала ребенка, а беременность и роды никогда не были легким испытанием для любой женщины. Еще Дашкову беспрестанно мучила мысль, что она обманула Мишеля и его родных. Женщину постоянно преследовал страх, что скоро тайна ее раскроется. И возмездие неминуемо.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

В один из выходных Мишель повез Ольгу на экскурсию в Прованс, чтобы показать замок Боригай. Зима в Провансе обычно мягкая и солнечная. Вот и сегодня солнце ярко светило, озаряя своими яркими лучами парк и маленькое озеро замка Боригай, находящегося на расстоянии в два лье от небольшого городка Драгиньяна, не имеющего особых достопримечательностей и мало известного туристам. Когда-то замок Боригай и раскинувшийся вокруг него парк были владением графа де Перо, выходца из старинного провансальского рода. Его имение, расположенное вокруг нового замка, было очень живописным. Великолепной была сама природа здешних мест — огромные сосны соседствовали с вековыми дубами, изумрудные кусты можжевельника росли рядом с ярко цветущими олеандрами.

Замок предстал перед путниками строгим и величественным, как и подобает старинным замкам. Построенный из серого камня, полуразрушенный, он таил на себе отпечаток времени и хранил свою особую легенду, присущую каждому замку. Мишель и Ольга остановились у озера.

— Странно — это место совсем не вызывает во мне какого-то страха или мрачных мыслей, которые обычно возникают у людей при посещении старинных замков с

привидениями и грустными историями их обитателей. Здесь, в Боригае, особенно у озера, меня наполняют какие-то светлые чувства.

— Возможно, это поэтому, что это озеро тебе напоминает нашу первую встречу, когда мы встретились в городском парке у пруда. Ты была тогда так задумчива... и прекрасна. Я сразу же обратил на тебя внимание. Тогда я понял, что наша встреча была не случайна.

— Да, — согласилась Ольга, — наша встреча была предначертана судьбой.

— Ты, наверное, задаешь себе вопрос, почему я привез тебя именно сюда, в малоизвестный Боригай? Ведь во Франции насчитывается несколько тысяч старинных замков, а Боригай малоизвестен, не жалуют его и туристы. Туристы предпочитают посещать известные старинные замки. Особо примечательна в этом отношении долина реки Луары, где расположены десятки крупных замков с примечательной историей. Большая часть замков была возведена в средние века, но значительно была перестроена позднее в эпоху Возрождения, когда французские короли жили на берегах Луары, ее притоков или вблизи от них в XV–XVI веках. В широком смысле под замками Луары подразумевают и ряд других исторических построек, расположенных в бассейне реки и некогда принадлежавших аристократическим семьям. В силу своего расположения — в центре Франции и непосредственной близости от Парижа — долина Луары на протяжении 600 лет застраивалась столичной элитой. Здесь плелись интриги и кипели амурные страсти французских королевских особ, некоторые из них даже стали сюжетом для романов известного писателя Александра Дюма. Причудливая архитектура этих замков с завораживающими пейзажами, привлекают в долину не только любителей истории, но и всех ценителей прекрасного.

— Но ты привез меня именно сюда. Почему?

Мишель не спешил с ответом. Чело его омрачили грустные мысли.

— Ты знаешь, моя жена умерла при родах...

— Ты ее очень любил?

— Да! Ее смерть была для меня тяжелой утратой... Мне тяжело было находиться дома, где раньше раздавался ее смех. Я много путешествовал, заботы по воспитанию сына взяла на себя моя мать. Я очень благодарен ей за это. Мне казалось, что моя жизнь кончена.

— Но ты ведь был молод тогда, тебе не было еще тридцати...

— Горе сломило меня, украло веру в жизнь. Внешне я был молодым, но в душе я казался себе стариком. Конечно, у меня были женщины... Но ни одна из них не могла мне заменить жены. Когда, казалось, жизнь была потеряна безвозвратно, в эту минуту я встретил тебя. Ты стала смыслом моей жизни, приютом для моей осиротевшей души.

Мишель обнял Ольгу, заглянул в ее зеленые глаза:

— Когда я уезжал во Францию, я боялся, что ты не дождешься меня. Боялся, что мои надежды, связанные с тобой, рухнут... Временами, мне казалось, что ты мираж... Иногда в душу закрадывалось сомнение, я думал, а не ошибся ли я, возможно ты просто капризная взбалмошная красавица, которая решила поиграть с сердцем одинокого холостяка, а потом отвергнуть его... Но ты дождалась меня.

— Я люблю тебя, Мишель. Люблю всем сердцем, — сказала Ольга, вытирая слезы. Слова признания любимого тронули ее до глубины души.

— Ты спрашивала меня, почему я привез тебя именно сюда?.. Потому что замок Боригай хранит трогательную историю. Как говорят здешние жители, два с лишним века назад здесь жила прекрасная белокурая красавица с голубыми глазами. Звали ее Мария-

Тереза де Перо. Всю жизнь она была влюблена в моряка Пьера де Сюфрана, обладавшего недюжинной силой Геркулеса, ставшего со временем известным адмиралом, принесшим славу французскому флоту и Франции. Моряк уходил в долгое плавание, а Тереза ждала его на берегу. И хотя они не были женаты, свою любовь они пронесли через годы. Возвращаясь в Прованс из морских экспедиций, гроза морей великан Сюфран, после того, как навещал своих родственников, сразу же устремлялся в Боригай, дабы рядом с Терезой вновь обрести покой, нежность и мягкость, которые были единственной пристанью его бурной жизни. Существует поверье, если перед свадьбой влюбленные посетят замок Боригай, их союз будет нерушимым до самой смерти.

— Моряк уходит в долгое плавание, а пока его ждет любовь... — сказала задумчиво Ольга. — Это красивая фраза, но за этими скупыми строчками кроется столько любви, жертвенности, стойкости, умения ждать любимой своего суженого. Мне порой кажется, что основное призвание женщины кроется в умении ждать своего любимого. Мужчины по натуре своей предприимчивы, склонны к путешествиям, им не сидится дома на одном месте, они всегда ищут приключений...

— Но они всегда возвращаются в свою гавань, где их ждут.

Мишель взял за руку Ольгу и тихо спросил:

— Ты будешь меня ждать, Оля, когда я буду уезжать?

Ольга вдруг растерялась. Она не знала, что сказать. Самым простым и понятным было сказать слово «да». Но после услышанной истории сказанное ею слово «да» прозвучало бы как обет. Не то чтобы Ольга была не готова. Ее натуре, ее характеру присуща была жертвенность и сострадание. Но груз прошлого еще сильно тяготил над ней. В памяти всплыли воспоминания, образ Сергея на какое-то время, на миг, заслонил лицо Мишеля. Ольга вдруг испугалась своих чувств. Ей казалось, что Мишель разгадает ее мысли, увидит, что в эту минуту она думает о другом. Ей стало стыдно. Краска смущения залила ее лицо. Она поспешно отвернулась, дабы не выдать своих чувств перед Мишелем. В душе ее происходила нелегкая борьба. Ольга любила Мишеля, тянулась к нему всем сердцем, но узы прошлого еще прочно удерживали ее. Ее связывала с Сергеем если даже не любовь, то привычка и еще... будущий ребенок. Эта нерасказанная тайна Мишелю, пожалуй, мучила женщину больше всего, потому она медлила с ответом.

Вдруг невдалеке послышался хруст веток. Ольга боязливо посмотрела в ту сторону. Оттуда неторопливо, с опаской вышла пара оленей. Они не спеша, грациозно, прошли мимо Мишеля и Ольги. Вид грациозных животных, беззаботно гуляющих по парку, заморозил Ольгу. Она с восторгом смотрела на благородных животных. Весь их вид излучал спокойствие и безмятежность. В душе ее воцарился мир и былое спокойствие. Ольга с нежностью посмотрела на Мишеля и сказала: «Да. Я буду тебя ждать всегда, куда бы ты не уехал...»

...Старый доктор оказался прав. Дашкова своими руками превратила свою жизнь в ад. Он не выдал свою пациентку, обрекая ее на мучения. Постоянные угрызения совести преследовали молодую женщину. Она шла гулять в сад, сама занималась цветами, но и это не облегчало ее состояния души. Тогда Дашкова обратилась к верному приему — пешим прогулкам. Она часами могла обходить все округа, гуляла без цели по городу, иногда заходя в магазины, и покупая себе какую-нибудь понравившуюся вещицу. Иногда подолгу засиживалась в каком-нибудь уютном кафе.

К прочим страданиям присоединилось незнание языка. Живя в чужой стране просто

нельзя не знать ее язык. Ибо это так угнетает человека, когда он чувствует себя инородным телом. Если дома у Строгановых Дашкова не испытывала никаких трудностей в общении, потому что все говорили по-русски. То, выходя в город, женщина постоянно чувствовала дискомфорт от незнания языка. Общения с продавцами, или просто прохожими превращались в мучение. Ни о каком возможном устройстве на работу не могло быть и речи. Без знания языка в газете не поработаешь. Даже курьером не возьмут. Знания французского школьной программы катастрофически не хватало. И тогда Дашкова засела за книги и словари. Особенно помогали переводы с французского на русский. Неплохим тренингом было чтение и изучение афиш.

Большой отдушиной в жизни за границей является посещение общин, связанных с родиной. Дашкова с удовольствием посещала все русские общества, выставки и приемы. Поход на службу в русский приход также был большим праздником. Во время службы прихожане обменивались последними новостями, слушали проповедь священника с амвона на родном языке, и чувствовали себя как дома.

Глотком свежего воздуха были телефонные разговоры с Красновской. Она была, как и прежде, неунывающей, энергичной особой, которая заряжала своей энергией все, к чему прикасалась.

— Не понимаю я тебя, Ольга, почему ты хандришь? — резонно заявляла подруга. — Тебе жених деньги на карманные расходы дает?

— О, Мишель мне дает слишком много денег, я даже не знаю куда их тратить.

— Дура, что так говоришь. Видите ли, она не знает, куда тратить деньги. Выезжай в свет, ходи в театры. А главное, ходи в косметические салоны, на массажи, принимай дорожные ванны.

— Валерия, ты же знаешь, многие процедуры я не могу делать, это может повредить ребенку. Мне даже один парикмахер запретил красить волосы, говорит, это негативно отразится на здоровье будущего малыша. Мне придется волосы подкрашивать натуральными красителями. На свадьбе я должно хорошо выглядеть.

— Не волнуйся, дорогая, я скоро приеду, и мы вместе с тобой потратим кучу денег. Я уж точно найду им применение. Не сомневайся!

— Скорее б ты уже приехала, Валерия. Я так скучаю.

— Она еще скучает, у нее такой красивый жених, а она скучает, — возмущалась Валерия. — Он что не уделяет тебе совсем внимания.

— Кажется, Мишель, меня очень любит. Но дело не в этом, просто иногда мучают приступы ностальгии. К тому же Мишель сейчас в командировке.

— А где он?

— В Лондоне, уже целую неделю. Правда, он мне звонит каждый вечер.

— В Лондоне, говоришь, — насторожилась подруга. — Ольга, а у него там нет любовницы? Ты как чувствуешь, по его голосу по телефону, он там себе кого-то не нашел?

— Я не знаю, голос у него приятный, ласковый. Нет, Валерия, не путай меня, Мишель любит меня. Если он прилетел за мной в Россию, я думаю, у него ко мне серьезные чувства.

— Твои слова, детка, да до Бога! Ладно, Оленька, приеду на свадьбу, поговорим поподробнее. Мне надо бежать к детям. Иначе мои мальчишки разнесут всю квартиру. Послушай в трубку, как раскричались. Это они в войнушку играют.

— Счастливая ты, Лера, — засмеялась Ольга.

— Подожди, не ложи трубку, чуть не забыла спросить, как Артур?

— Артур — очень хороший мальчик. Красив, образован, хорошо воспитан.

— Я не про то. Он тебя принял?

— Да. Кажется, да. Но не сразу. В начале было очень трудно, он сторонился меня как дикий мустанг. Ох, и хлебнула я с ним горя, — вздохнула Ольга.

— Оля, я скоро приеду. Обещай, что все расскажешь?

— Обещаю...

Однажды женщина увидела объявление в газете, что в Париж приезжают русские художники. Выставка их работ продлится неделю. Долго не собираясь, Дашкова вылетела в Париж. Там она остановилась в отеле, номер которого зарезервировала заранее. До открытия выставки оставалось еще несколько часов. Женщина прошлась по магазинам, и осталась довольна приобретенным костюмом в стиле Коко Шанель и одеждой других ведущих Домов моды. День казался прожитым не напрасно.

В запасе еще оставалось время, Ольга решила совершить небольшую экскурсию по городу. Ее отель располагался неподалеку от Латинского квартала. Латинский квартал был знаменит своими узкими старинными улочками, быстро, книжными лавками и уютными кафе. Когда-то здесь селились студенты, которые учились в Сорбонне и других учебных заведениях, расположенных поблизости. Но в наши дни Латинский квартал стал излюбленным местом туристов. Из-за этого квартирная плата сильно поднялась и лишь немногие современные студенты теперь могут позволить себе жить в этом районе. Но зато гулять здесь могут все, особенно излюбленным местом для прогулок является Люксембургский сад — бывший королевский дворцовый парк. Здесь можно пройтись по тенистым аллеям или прокатиться в экипаже, посмотреть на мраморные скульптуры, полюбоваться клумбами и террасами, заглянуть в оранжерею, послушать музыку в музыкальном павильоне, расположенном недалеко от главного входа с бульвара Сен-Мишель. Но самым популярным развлечением в Люксембургском саду остается фонтан перед фасадом дворца, где посетители издавна пускают собственные или взятые напрокат кораблики. Но это летом...

Зимой в Люксембургском саду гораздо меньше посетителей. Вот и сегодня легкий морозец разогнал желающих прогуляться по саду, немногочисленные туристы, на ходу, слегка озябшие от холода, в спешке знакомились с жемчужиной Парижа. Ольга слегка поежилась от холода и подняла меховой воротник пальто, пронзительный ветер продувал насквозь, было неуютно и тоскливо посреди скучающего, дремлющего зимнего сада. Хотелось поскорее спрятаться в теплом помещении. На душе было также тоскливо и одиноко. Ольга вспомнила строки из песни Джо Дассена:

Еще один день без любви,

Еще один день моей жизни...

Люксембургский сад постарел.

Он ли это? Я ли это? Я не знаю...

Еще один день без любви,

Еще один день жизни...

Дождливый день, который уходит,

Дождливый день вдали от тебя...

Я тебе говорил, что тебя люблю,

И верил в то, что это правда...

Ты была для меня всем, и все закончилось,

Ты ушла, и ты повсюду...

Грустные слова песни навевали меланхолию. Вдруг пошел мелкий снежок, ровным белым ковром он ложился на землю, украшая сад и придавая ему праздничный вид. Ольга с восхищением смотрела на преобразившуюся природу. Тут к ней обратился седовласый мужчина почтенных лет. Он одиноко сидел на скамейке, в руках он держал свернутую газету. По виду он был местный, он никуда не торопился и явно скучал. Видно было он уже давно прочитал свежий номер газеты, но все же не уходил из парка.

— Вы любите снег? Я тоже... — сказал мужчина.

— Да я люблю снег, — ответила Ольга.

— Белый снег все преображает вокруг. К сожалению, он не часто у нас бывает. У меня на родине снега выпадает много.

— Вы не парижанин? — удивилась Ольга.

— Я приезжий, живу в Париже уже несколько лет. Вроде бы привык уже, но ностальгия, знаете, такая штука... Даже если быт устроен и все нормально, все равно иногда сердце ноет от тоски. Не знаю, поймете ли вы меня.

— Я вас понимаю...

— Вот все стремятся в Париж, увидеть Эйфелеву башню, Мулен Руж, Латинский квартал, Монмартр, попасть в Лувр и в другие музеи. В последние десятилетия Париж стал фетишем, каким-то туристическим бумом. А по мне, Париж — современный урбанизированный город, похожий на другие города мира, с такой же суетой, обилием населения, транспорта, рекламы и прочих даров цивилизации.

— Странно, вы рассуждаете совсем не по современному. Ведь, в ходу даже пословица ходит — увидеть Париж и умереть.

— Стар я уже для того, чтобы быть современным, — грустно улыбнулся мужчина. — И к тому же, мучает ностальгия. Порой малый городишко или деревня на родине кажутся лучше крупного современного европейского города, — мужчина замолчал. Затем задумчиво окинул взглядом парк и сказал: — Здесь я нашел островок уединения и отдушины от современного шумного мегаполиса.

— И часто вы сюда приходите?

— Каждый день, в любую погоду... Знаете, осенью и зимой мне даже больше нравится здесь отдыхать, меньше людей и суеты. Иногда мне нравится наблюдать за прохожими. Люди все разные... Вы были так грустны и так задумчивы, я решил отвлечь вас от грустных дум.

— Благодарю вас, — вежливо сказала Ольга и остановилась в нерешительности, не зная можно ли довериться незнакомцу: — Знаете, порой меня тоже мучает ностальгия и какой-то безотчетный страх... Поверьте, у меня все хорошо, у меня есть любимый человек, мы скоро поженимся... Но по ночам так сердце гложет от тоски, что хочется плакать и куда-то бежать-бежать.

— Это меланхолия... — понимающе кивнул незнакомец.

— Но ведь я совсем не давно приехала... прошло совсем мало времени, чтобы грустить.

— Это не важно, сколько времени прошло. Это просто тоска по родине...

Ольга посмотрела на часы и спохватилась, что может опоздать на открытие выставки художников, она вежливо извинилась перед собеседником и поторопилась к выходу.

В великолепном вечернем платье, от дизайнера Ив Сен Лоран, на умопомрачительной шпильке Дашкова переступила порог здания, где экспонировалась выставка русских художников. Здесь собрался весь бомонд. Художники, литераторы, артисты, меценаты, прекрасные дамы. Вышколенные официанты в парадных ливреях разносили среди гостей подносы, на которых были уставлены бокалы с шампанским.

Ольга никого не знала среди приглашенных. «Это хорошо, что я никого тут не знаю, — подумала про себя женщина, — не придется тратить время на праздные разговоры. Сейчас быстро оббегу выставку и уйду». Взяв бокал с шампанским, она плавно заскользила среди публики, подолгу останавливаясь напротив понравившихся картин. Все художники, которые привезли свои работы, были выпускниками художественной академии. Во всех полотнах чувствовался класс. Богатство цветовой гаммы, яркость палитры. И только выбор сюжетов и тематики разнился, у каждого автора он был своим, индивидуальным. Здесь были представлены и иконописное искусство, и работы мастеров палеха, натюрморты и пейзажи. И все же, особый интерес у публики вызывала портретная живопись. Всех интересовал образ современного русского человека, будь то доярка, или известный политик, рабочий у станка или древний старик, лицо которого было испещрено от времени морщинами. Несколько портретов изображали современных русских красавиц. Русские женщины уже давно не носили высоких париков и кокошников, как в былые времена. Сарафаны и летники стали достоянием известных дизайнеров, отобразивших русский фольклор в своих знаменитых на весь мир коллекциях. И все же, было что-то неуловимое в облике русских женщин, что отличало их от других народов, вошедшее в мировой лексикон как загадочная русская душа. Чутьочку печальный взгляд, полуулыбка, загадочный облик всей фигуры. Женщина с портрета представляла сильной и своенравной, и в то же время, слабой и не защищенной, чутьочку не уверенной в себе.

Смирнов чувствовал себя именинником, его работы имели колоссальный успех.

Он знал, что вернется на родину знаменитым на весь мир художником. Возле его полотна больше всего толпилось народу. На суд зрителей он представил женские портреты, и не прогадал.

Дашкова оглянулась. Она почувствовала чей-то взгляд. Ее рассматривал солидный мужчина в смокинге. На вид ему было лет пятьдесят, не более. Седая шевелюра зачесана назад, на носу очки в золотой оправе. Он с интересом присматривался к даме, что стояла рядом. Прекрасное вечернее платье ниспадало в пол, черный цвет так оттенял матовую белизну кожи. Золотистые волосы собраны в высокую прическу. Только несколько прядей локонами ниспадают на шею.

— Простите, — заговорил первым незнакомец, — что я так неприлично рассматриваю вас, сударыня. Но мне кажется, это вы изображены на портрете.

— На каком портрете? — очнулась от раздумий Дашкова.

— На этом. Он же перед вами! Мне кажется, эта дама с распущенными светлыми волосами в белоснежном платье — вы.

Ольга подошла поближе и увидела свое отражение. Да, это, действительно, была нарисована она. Этот портрет нельзя было забыть. С ним было столько связано воспоминаний, счастливых мгновений ее жизни. Глаза искрятся, сразу видно, что женщина влюблена и... любима. Как давно это было, и кажется, не со мной.

— Да, это, действительно, я, — сказала просто Дашкова.

— Сударыня, вы так прекрасны. Позвольте поцеловать вашу руку, — незнакомец взял

руку у дамы и поцеловал, не сводя глаз со спутницы. — Можно мне пригласить вас в ресторан?

— Я не свободна, — сказала Ольга.

— Как жаль, — расстроился кавалер, — разрешите хоть узнать ваше имя, прекрасная незнакомка?

— Меня зовут Ольгой, — просто ответила Дашкова и повернулась, чтобы уйти. Женщина не хотела привлекать к себе внимания. У портрета стало собираться много людей. Все хотели посмотреть на музу художника.

Тут Ольгу кто-то взял за руку и грозно прошептал:

— Куда же вы подевались, милая Ольга? Я приказал слугам обшарить весь дом, но вас и след простыл. Скажите, как вам удалось открыть замок и выбраться из моего дома? У вас был сообщник? И какого черта вы украли мою картину?!

Ноги у Дашковой подкосились, она по голосу узнала Сержа Ветровского. Медленно, словно во сне, она повернулась и увидела его. Серж хищно улыбался, довольный произведенным впечатлением. Он тихо рассмеялся:

— На вас больно смотреть, милая барышня. Вы так бледны...

Женщина молча на него смотрела с затравленным видом.

— Я всегда знал, что умею производить впечатление на людей. Но что бы так... Да вы боитесь меня, сударыня.

— Я вас не боюсь! — уверенно солгала Ольга и смело посмотрела в глаза Сержа.

— Ну такой вы мне нравитесь больше. Непокорной, задиристой, решительной...

— Отпустите мою руку, — решительно сказала Ольга. — Вы мне делаете больно.

— Я вас никуда не отпущу, — властно сказал Ветровский. — А то вы опять куда-то убежите. И ищи потом ветра в поле. — Признавайтесь, куда вы дели мою картину?

— Картина была не ваша. Вы ее украли...

— Я ее не крал.

— Тогда объясните, каким образом она оказалась у вас дома?

— Допустим, мне ее принесли, и я ее приобрел за немалые деньги.

— Все это ложь. Вы подкупили сотрудников музея, чтобы они раздобыли для вас картину, а потом вы их убрали как лишних свидетелей.

— Выходит из вашей теории, что и вы становитесь лишним свидетелем? — злым ироничным голосом сказал Серж. Глаза его испепеляли Дашкову ненавидящим взглядом. У Дашковой аж желудок свело от страха. Она обвела галерею взглядом в надежде увидеть того, кто спасет ее из лап хищного Сержа Ветровского. Но в залах галереи толпилось много незнакомых людей, никто из них не спешил придти к ней на помощь. Серж потащил упиравшуюся Ольгу к балкону и зашипел ей на ухо:

— Теперь вы моя пленница. Если вы будете кричать и звать на помощь, я сброшу вас с балкона. Все подумают, что это несчастный случай. Мы побудем здесь для приличия еще минут десять, и вместе покинем галерею. Дома, на досуге, я подумаю, как мне лучше будет с вами поступить.

К ним подошел знакомый Сержа. Серж разговорился с приятелем, на время он ослабил свою хватку. Пользуясь моментом, Ольга вырвалась из цепких рук Сержа и бросилась бежать к лестнице, но длинное платье и туфли на высоком каблуке мешали бежать. Ей казалось, что она и не бежит вовсе, а стоит на месте. Ветровский кинулся вдогонку за ней. Но тут ему дорогу перегородил ничего не подозревающий официант с бокалами шампанского на

подносе. Ветровский налетел на ошарашенного официанта, поднос с грохотом упал на пол, тонкое стекло бокалов разбилось вдребезги. Все с недоумением уставились на Сержа и сконфузившегося официанта. Серж Ветровский виновато развел руками и непринужденно улыбнулся собравшимся:

— Какая досада! С кем не бывает. Но однако же ты, приятель, должен смотреть, куда идешь!

Официант, чувствуя свою оплошность, густо покраснел. Он не нашелся, что сказать. В общем, его никто и не слушал. Все уже потеряли интерес к произошедшему, и толпа вновь загудела, как улей, обсуждая картины и последние новости. Ветровский понял, что инцидент исчерпан. Он кинулся к лестнице, по которой только что сбежала Ольга, он надеялся еще догнать беглянку.

Дашкова поспешила к выходу из галереи и вдруг она услышала, что ее окликнул знакомый голос, и обернулась. На нее во все глаза смотрел Смирнов.

— Оленька, как я рад тебя видеть. Как ты прекрасно выглядишь. Но почему ты одна, без мужа.

— Я не замужем, — машинально ответила женщина. — Венчание состоится через неделю. Мой жених сейчас в Лондоне.

— Так ты еще не замужем, — обрадовался Сергей. — Можно пригласить тебя сегодня поужинать. Возможно, это наша последняя встреча. Через несколько дней я улетаю в Москву.

— Хорошо, я согласна, — обрадовалась Дашкова. Только увези меня сейчас отсюда, пожалуйста.

— Но что случилось? Почему ты так встревожена?

— Я по дороге тебе все объясню. Увези меня отсюда побыстрее!

Уже садясь в такси, Ольга оглянулась назад. Она увидела, как Серж Ветровский выбежал за ней на улицу. Он было кинулся к ее машине, но завидев рядом с ней Смирнова в нерешительности остановился. Его взгляд не сулил ничего хорошего, глаза его сверкали гневом и ненавистью.

Бегство из Франции

Глава 9

Ужин при свечах проходил в дорогом парижском ресторане. Теперь Смирнов мог позволить себе такую роскошь. Он стал очень обеспеченным человеком. Художник не скупился ради любимой женщины, он старался изо всех сил, заказывая изысканные блюда, дорогие вина и музыкантов.

— Оля, сегодня все для тебя, родная. Я думал, что потерял тебя навсегда. — Смирнов целовал руку Ольги и не отводил от нее своего страстного взгляда. — Я люблю тебя. Давай уедем вместе, мы будем так счастливы.

— Сережа, я не свободна, — женщина сопротивлялась очень робко. Ей так были приятны признания Сергея. Его взгляд сводил ее с ума. Дашкова еще любила его, она вынуждена была с этим согласиться.

— Оленька, давай сейчас отправимся ко мне в отель, — страстно шептал Сергей на ухо своей даме. — Мы будем так счастливы. Давай вспомним, все что было.

— О, нет, я не могу. Я не могу предать Мишеля, он так нежен со мной. Он должен будет звонить вечером ко мне в номер.

— Оленька, прошу тебя, не отказывай мне. Давай поедem ко мне, — голос Сергея становился томней и слаще как восточный шербет.

Ольга таяла от его слов, от счастья, которое внезапно охватило ее. От шампанского, от его близости у нее кружилась голова. Дашкова забыла его предательство, забыла, сколько выстрадала из-за Сергея. Ей тут так нужен был родной человек. Она так истосковалась в чужой стране от одиночества и тоски. Ольгу не нужно было больше уговаривать, она сама как пьяная, как в хмельном бреду, пошла за ним, куда бы он ее не позвал.

Ночной Париж сиял тысячами огней. В этом большом городе так легко было затеряться двоим влюбленным. Ночное такси с бешеной скоростью несло их по пустынным улицам на окраину города, где остановился Смирнов. Отель оказался простым, зато номер был очень уютным. Правда, убранство комнаты Ольга рассмотрела уже потом. Едва лишь переступив порог, молодые люди слились в страстном поцелуе. Они жарко целовались и обнимались, на ходу скидывая одежду с себя, не в силах оторваться друг от друга. Небрежно сброшено на пол дорогое вечернее платье, разбросаны туфли на шпильке. Сергей вынул заколки из высокой прически любимой, и волосы водопадом заструились по ее плечам. Он взял Ольгу на руки и отнес на кровать.

— Милая, наконец-то мы вместе, — жарко шептал он слова любви. — Как я жаждал этой встречи! Как скучал по тебе, Оленька!

— Сереженька, — женщина обвила нежными руками мужчину за шею: — Иди ко мне, Сереженька.

— Любимая моя, — глухо застонал мужчина и прижался к подруге.

Слова в ночной тиши звучали призывно, то ли стон, то ли крик. Два тела в страстной неге тесно сплелись между собой. Они так были одиноки все это время, так нуждались в тепле и нежности, и в объятиях друг друга, что никак не могли насладиться долгожданной

близостью. Влюбленные заснули лишь под утро.

Ольгу разбудил телефонный звонок. Она с трудом открыла глаза и обвела комнату взглядом. Ольга не сразу сообразила, где находится. От выпитого шампанского, от бурной ночи, женщина никак не могла прийти в себя, голова кружилась, в ушах звенело. Ольга глянула на постель, на скомканные простыни, рядом на подушке спал Смирнов. Женщина улыбнулась от приятных воспоминаний.

Телефон настойчиво продолжал наигрывать знакомую мелодию. Женщина встала с кровати, босиком пробежалась до столика, на котором лежала ее сумочка. Ольга достала телефон, корпус которого был украшен бриллиантами, и сонно ответила:

— Алло.

— Оленька, что случилось? Я не могу до тебя дозвониться. Ты, разве, не в отеле? Я звонил в гостиницу с вечера, — в трубке послышался взволнованный голос Мишеля. Чувствуя свою вину, женщина все съежилась.

— Дело в том, что я заночевала у подруги, — изворачивалась Ольга.

— У подруги? У тебя в Париже появилась подруга?

— Да. Это моя школьная подруга Ниночка. Мы встретились вчера на выставке.

— И где она живет? В каком районе?

— Каким районе? — озадаченно повторила Ольга. — Честно говоря, я не знаю, нас вчера привез ее водитель на машине.

— Оля, давай я отложу все свои дела и прилечу в Париж.

— Зачем? Не надо, милый. Я сегодня возвращаюсь домой в Биарриц. Приезжай прямо туда.

— Хорошо, как скажешь, — неохотно согласился Мишель.

Ольга положила трубку и глубоко задумалась. Нужно было решить нелегкую задачу. Ночью они договорились с Сергеем, что Ольга уедет с ним в Москву. Он, наконец-то ей сделал предложение руки и сердца, а заодно признал свое отцовство. «У будущего ребенка должен быть отец. Лучше, если это будет его настоящий отец, — рассуждала Дашкова. Она посмотрела на спящего мужчину и задумчиво улыбнулась. С другой стороны, выходит, что Ольга бросает Мишеля. К тому же ничего не объяснив ему, это было настоящее предательство, — женщина нахмурила лоб. Нет она не хотела обидеть Мишеля. Он был с ней так нежен, так добр. — Но я не могу его больше обманывать, не могу скрывать, что я беременна от другого!

Он все равно меня не простит. Хуже всего, если доктор уже все рассказал ее жениху об ее тайне. А Мишель как галантный человек не хочет скандала, он просто накануне свадьбы отправился, якобы по делам, в Англию. Черт возьми, ведь такое тоже может быть. Я становлюсь очень подозрительной. Нет, надо что-то делать, иначе я просто сойду с ума...» Ольга встала и закурила, тяжелые думы не давали ей уснуть. Она вспомнила вчерашний день и встречу с Сержем Ветровским. Она вздрогнула от ужаса перед этим человеком, даже воспоминания о нем вселяли в ее душе страх. «Серж Ветровский не оставит меня в покое, — подумала Ольга. — Он так опасен, он так ненавидит меня. Боже, зачем я пошла на этот вернисаж? Надо же было мне там повстречаться с Сержем Ветровским! Он превратит мою жизнь в ад». Страх пересилил все сомнения Ольги, она согласилась поехать с Сергеем в Москву.

В тот же день Ольга и Сергей вылетели на самолете в Москву.

Глава 10

Мишель терялся в догадках. После странного разговора с невестой по телефону, он сам не находил себе места. Строганов решил прервать деловую поездку и срочно вернуться домой. Мужчине не понравился тон Ольги по телефону, в его душу закрались сомнения. Зловещие догадки не давали ему покоя, он предчувствовал беду заранее, как тогда, когда умерла Мария.

Дома он застал все на своих местах. Только у всех на устах застыл немой вопрос. И домочадцы, и слуги были странно удивлены, что граф вернулся домой один. Оставалось три дня до венчания, в такой момент невеста должна испытывать трепетное волнение, проверить все ли готово, еще раз проверить список приглашенных, уточнить меню праздничного стола. А Ольга еще не вернулась из Парижа.

— Странно, вы, что, разминулись с Ольгой в дороге? — вместо приветствия Елена Петровна встретила сына вопросом?

— А где она? Почему не дома? — Мишель стал беспокоиться еще больше. Нервы были на пределе, он чувствовал, что сейчас сорвется, и начнет рвать и метать.

— Это я у тебя бы хотела спросить, Мишель, где твоя невеста разъезжает накануне свадьбы. Приглашения уже разосланы, объявления о вашем бракосочетании напечатаны во всех газетах. Но главное, она перестала звонить. Раньше она звонила каждый день и рассказывала, как у нее дела в Париже.

— Мама, когда Ольга уехала?

— Неделю назад. Она нашла в газете объявление, что в Париже состоится выставка русских художников. Сказала, что она обязательно должна ее посетить. Ну, я подумать не могла, что это предлог, чтобы уехать насовсем. У вас были такие прекрасные отношения, кто б мог подумать! Я думала, что ты тоже прилетел к ней из Лондона, и вы гуляете парижскими улицами как все влюбленные.

— Мама, может быть, Ольга еще вернется?

— Не знаю, сын. Во всяком случае, надо позвонить в отель, где остановилась твоя невеста, может там нам все объяснят.

В гостинице сказали, что, действительно, мадемуазель Дашкова останавливалась у них.

— Граф, вашей невесте предложили прекрасный номер, с видом на Сену, — администратор старательным голосом отчитывался по телефону. — Мадемуазель Дашкова была всем довольна. У нас она провела три ночи. Двадцатого числа она не ночевала. Как девушка объяснила потом, она была у подруги. Русские женщины так сентиментальны. Ваша невеста с таким трепетом в голосе говорила о своей подруге. Кажется, ее зовут Нина.

— Я все это уже знаю, — нетерпеливо перебил говорившего граф Строганов. — А потом, потом куда направилась мадемуазель Дашкова?

— Подождите, сейчас я посмотрю в регистрационный журнал. — Хотя, вы наверно, должны знать, что мы не интересуемся делами наших клиентов. Это их личное дело! Да, так я и думал! Здесь ничего не значит.

— Господин администратор, я подам на вас в суд, — уже орал в трубку Строганов. — Моя невеста пропала, а вы и ваши сотрудники не знают, куда она делась.

— Извините, месье Строганов, нас, если мы в чем-то виноваты. Сейчас я позову к телефону нашего водителя. Анри Клод подвозил вашу невесту.

— Я слушаю, — неуверенно заговорил водитель.

— Вы — Анри Клод?

— Да, месье.

— Вы подвозили мою будущую жену?

— Да.

— Дело в том, что мадемуазель Дашкова пропала. Она не вернулась домой из Парижа. И никто не знает, где она.

— Месье, вы обращались в полицию?

— Я не собираюсь туда идти. Вы можете мне ответить, Анри, куда вы отвозили мою невесту?

— 19 января мадемуазель Дашкова посетила несколько модных магазинов, затем она поехала на выставку художников. А 20 января я отвез женщину в аэропорт.

— Куда?

— В аэропорт Орли, месье.

— Значит, она улетела?

— Выходит, так.

— А куда она улетела?

— Я не знаю, месье, — вежливо ответил Анри.

Мишель понимал, что больше от водителя ничего не добьется, и бросил трубку.

За обедом он был мрачнее тучи.

— Мишель, почему ты молчишь? — спросила его мать. — Ты звонил в Париж? Ты узнал что-нибудь про Ольгу?

— Папа, а может Ольга уехала путешествовать? — предположил Артур.

— Я еще не знаю, где она, — устало ответил Мишель. — Ему было стыдно и больно признаваться, что его просто бросили?

— Господи, что же мы скажем гостям, священнику, который должен вас венчать? — всплеснула руками Елена Петровна.

— Свадьбу нужно отменить! — решительно сказал Мишель и решительно вышел из комнаты, на ходу опрокинув стул.

— Что это с ним? — удивилась мать.

— Бабушка, просто папа очень нервничает, — сказал Артур.

— Он что-то знает, а нам не говорит, — догадалась Елена Петровна. — Боже, я представляю, какой скандал будет вокруг этой истории. Журналисты поднимут такую шумиху! Еще бы сенсация! Графа Строганова бросила невеста. Хорошо еще, что Ольга убежала не от алтаря. Тогда б от стыда я вообще б не знала, куда деваться.

— Ба, а может, все еще обойдется? — мальчик с надеждой посмотрел на бабушку. — Ведь, Ольга она хорошая, она не могла так поступить с папой.

— Не знаю, Артур, что говорить. Возможно, она убегала от самой себя, — тут только Елена Петровна вспомнила все недомогания невестки, ее бледный вид, и подумала, что надо немедленно позвонить семейному врачу.

— Какие вы, взрослые, все-таки странные, — сказал Артур и встал из-за стола. Обед

закончился.

Мальчик пошел в свою комнату. Ему не давала покоя одна мысль. Он упрекал себя в том, что мачеха сбежала от того, что Артур был с ней не приветлив. Что подав дикого, необъезженного, жеребца, чуть не погубил Ольгу. Мальчик вспомнил, как вначале невзлюбил мачеху, как чинил ей всякие козни. Как подал ей в руки большой букет алых роз с шипами. Колючки безжалостно впились в руку Ольги. Женщина скривилась от боли, не вскрикнув даже, потому что рядом стоял Мишель. В следующий раз мальчик запустил в комнату ненавистной мачехи ужа. Все ужасно всполошились, думали, что в дом залезла змея. Ольга испугалась больше всех, она увидела ужа и начала безумно кричать: «Змея! Змея!» Пришел садовник, схватил непрошеного гостя за шкурку и выкинул ужа в сад. Тогда та проделка тоже осталась безнаказанной, Ольга пасынка не выдала. А отца не было дома, иначе он мог бы обо всем догадаться. Вместо радости, что мачеха покинула их дом навсегда, мальчик испытывал разочарование. Он не мог сам себе признаться, что Ольга ему понравилась. Он, наверное, не смог бы назвать ее мамой, но теперь вместо ненависти испытывал к мачехе какую-то симпатию, уважение за ее смелый характер, за то, что она ни разу не выдала пасынка. Хотя могла это сделать, как сделала та другая, несостоявшаяся папина невеста. Помнится, ее звали Натали. Устав от проделок мальчика, Натали как-то подстерегла его в саду и зашипела как гадюка: «Ну, подожди, вредный мальчишка. Скоро я стану женой твоего отца, тогда я тебя отправлю из дома в военное училище, навсегда!» Угрозе не суждено было сбыться. Натали не стала его мачехой, отец расстался с этой женщиной из-за ее сварливого характера. Артур не мог больше выносить душевных терзаний, он решительно направился в отцовский кабинет.

— Папа, к тебе можно? — мальчик несмело заглянул в открытую дверь. Кабинет освещался слабым светом, исходившим от лампы с абажуром, что стояла на столе.

— Чего тебе, Артур? — отец был неприветлив. Мужчина сидел в кресле, рядом на журнальном столике стояла открытая бутылка коньяка. В руках Мишель держал полупустой бокал. Густые капли коньяка медленно сползали по стенкам бокала на дно.

— Папа, я знаю, почему Ольга бросила нас.

— Ты знаешь? Почему, Артур? — граф отставил бокал с коньяком в сторону.

— Папа, это я тогда подбросил ужа в ее спальню, — сказал мальчик и виновато опустил голову вниз.

— Ты?!

— Я. Еще я подал Ольге необъезженного коня. Тогда я раньше нее пришел на конюшню, отправил конюха домой, а потом вывел оседланного Сокола и сказал, что Веточка заболела.

— Боже, ты? Артур, как ты мог! Вроде бы мы тебя хорошо воспитывали.

— Я не хотел, чтобы Ольга становилась твоей женой, и моей мачехой. Я не хотел, чтобы место мамы кто-то занимал! — упрямо топнул ногой Артур.

— Сын мой, но маму уже не вернешь.

— Я знаю, — заплакал мальчик.

— Не плачь, Артур. Мы будем все вместе жить как и раньше. Ты, я и бабушка.

— И... Ольга.

— Она не вернется. Она улетела в Москву.

— Улетела? Почему же нам ничего не сказала?

— Наверное, очень торопилась.

В коридоре послышались чьи-то шаги. В кабинет влетел взволнованный доктор.

— Добрый вечер, месье Мишель. Как хорошо, что я вас застал. Мне нужно вам что-то сказать.

— Артур, оставь нас, пожалуйста, наедине.

— Хорошо, папа, — покорно сказал мальчик и вышел из кабинета. От сердца у него отлегло. Главное, что отец не держал на него зла.

Граф Строганов удивленно посмотрел на вошедшего. На циферблате старинных напольных часов стрелка показывала 23.00.

— Что привело вас, доктор, к нам в столь поздний час? Прошу вас садитесь в это кресло. Доктор грузно опустился в кожаное кресло, стоявшее рядом с журнальным столиком. Мужчина достал из кармана носовой платок и отер вспотевшее лицо.

— Извините, я очень торопился. Я человек не молодой и любые поспешные движения вызывают у меня одышку, — сказал доктор. — Я поспешил к вам, как только узнал последние новости. Мне позвонила мадам Строганова и рассказала, что свадьба отменена. Дело в том, что я знаю тайну вашей невесты.

— Вы знаете тайну? У моей невесты были тайны? — Мишель удивленно приподнял брови. — В прочем, в последнее время меня уже ничего не удивляет. Продолжайте.

— Ваша невеста не бросила вас, она просто сбежала, вот, — тяжело выдохнул слова доктор. — Месье Мишель, налейте мне, пожалуйста, коньяку.

Строганов подал бокал доктору и вопросительно посмотрел на него:

— Сбежала? Она что воровка? Ольга не могла сбежать, ее здесь очень хорошо приняли. Она любила меня.

— Да, я это знаю. Мадемуазель сказала мне об этом, когда я ее осматривал. В дело в том, что ваша невеста ждет ребенка.

— Но почему она мне сама об этом не сказала?

— Ребенок от другого

— От другого?!

— Да. Этот роман закончился еще до встречи с вами. Мадемуазель Ольга боялась, что вы не простите ее. Она считала себя виноватой, что не поставила вас в известность заранее. Эта тайна ее страшно мучила.

— Так вот откуда эти обмороки, — Мишель закурил сигару. Его окружило облако табачного дыма. — Не понимаю, почему вы не сказали мне об этом. Вы обязаны были это сделать, вы же семейный врач!

— Я взял слово с пациентки, что она все вам расскажет сама до свадьбы.

— Она не рассказала.

— Сожалею, я тут бессильный, — вздохнул доктор и поднялся с кресла:— Извините, я пойду. Уже поздно.

— Да, конечно, я вас не держу.

Доктор подошел к двери и остановился:

— Скажите, месье Строганов, что вы будет делать?

— Я не знаю, — устало проговорил граф.

— Я не советую вам слишком увлекаться спиртным, — сказал доктор, выразительно посмотрев на столик, где стояла бутылка коньяка. — Прощайте и извините, что все так вышло. — Доктор вышел из кабинета и затворил за собой дверь.

Мишель погрузился в кольца табачного дыма, он не собирался следовать советам врача. Душа Мишеля была разбита, счастье рухнуло, невеста бросила, и он запил. Такого с ним еще

не было. Он мог пропустить за обедом пару рюмок коньяку, любил выпить хорошее вино или бренди. Но чтобы так пить! С утра до ночи две недели подряд. Это выходило за все рамки. Елена Петровна не знала, что делать. Она забила тревогу, вызвала врача. Доктор приехал и сказал, что лучшее лекарство от всех болезней — положительные эмоции. Но откуда их взять? Если Мишель абсолютно не выходит из дома, забросил все дела, никого не принимает. В самом деле, не идти же ему работать в саду. Тем более что он никогда этого не делал, и не знал, как одно растение отличается от другого.

Чтобы отвлечь сына от меланхолии, Строганова пошла на хитрость. Она пригласила в гости к себе погостить одну молодую особу. Девушка была внучкой одной приятельницы Нелидовой. Та сказала, что клин клином вышибают. Юнона была резвой словно дитя, милостивой девушкой невысокого роста. Короткая стрижка в стиле каре очень шла ей. Ее мордашка казалась особо хорошенькой, если девица улыбалась, и на щеках появлялись ямочки. Юнона старалась изо всех сил, чтобы понравиться графу. Наряджалась, прихорашивалась возле зеркала перед обедом. Старалась поддерживать беседу за столом, глупо поддакивая, чтобы не сказал Мишель. И кидала на графа призывные взгляды. Ее поведение было глупым. Даже Артур не удержался и начал посмеиваться над ужимками Юноны. Отец и сын прозвали, между собой, девушку мартышкой за ужимки. Но от глупости своей она ничего не замечала. Ей казалось, что все прекрасно, граф обратил на нее внимание. Один или два раза он в рамках приличия поухаживал за ней за столом, подал какие-то кушанья, налил в бокал вина. Девушка была на седьмом небе от счастья. Ей казалось, что скоро она станет хозяйкой дома.

— Елена Петровна, я так счастлива, — говорила Юна после обеда, удобно расположившись на софе. — Спасибо, что вы пригласили меня к себе погостить. Мишель, наконец-то, обратил на меня внимание. Возможно, он скоро мне сделает предложение.

— А ты не ошибаешься, Юна, — запротестовала Строганова. — Что-то я не вижу особых перемен в ваших отношениях. Правда, Мишель стал меньше пить и совсем не вспоминает Ольгу. Ты думаешь, это связано с тем, что он повернул голову в твою сторону?

— А то! — гордо заявила девица и расправила складки короткой юбочки. — Всем известно, что я красавица. Я была самой красивой девочкой в классе. Все мальчишки сходили по мне с ума.

Елена Петровна посмотрела на слегка полненькую Юну и подумала про себя: «Может Нелидова права, и задумка сработает. Мишель, действительно, наконец-то перестанет страдать, обратит внимание на Юну. Не зря ж она вертится у него перед носом. Наряды меняет несколько раз на дню. Вот сегодня одела коротюсенькую юбку, почти неприличную. Вчера одела кофту с вырезом донельзя. Видно, девица старается обратить на себя внимание Мишеля. Может, скоро и поженятся молодые. Правда, Юна глупа, — с сожалением подумала женщина. — Но что делать? Лишь бы Мишель был счастлив, и перестал страдать из-за Ольги. Интересно, как она там поживает? И ведь, не позвонила ни разу».

Мишель в любовной ловушке

Глава 11

Ухищрения матери, действительно, подействовали. Только, не столь значимо для юной Нелидовой. Граф не знал, куда от нее деваться. Она всюду его настигала как назойливая муха. Он шел в сад почитать или походить среди деревьев. Девица находила его там и тараторила без умолку. Все про женские штучки, прически, выбор одежды. Мишель хватался за голову и бежал, куда глаза глядят. Юна находила его и в кабинете и отвлекала от дел. Она садилась напротив его стола в кресло. Закидывала ногу на ногу и не отводила от Мишеля взгляда. Юна доставала Мишеля во время обедов. Она забрасывала его глупыми вопросами типа: «Мишель, скажите, как сегодня я выгляжу?» — «Как всегда, мадемуазель», — отвечал раздраженно граф. Но больше всего его раздражал ее глупый залиvistый смех. Этот смех действовал ему на нервы. Юна щеголяла каждый день в новом наряде. Она взяла за привычку каждый день менять шляпки. Причем, в шляпке она сидела и за обеденным столом. Только на конюшне можно было на время спрятаться. Девица Нелидова боялась лошадей и не умела кататься верхом.

От назойливого ухаживания Юны Мишель встряхнулся как ото сна. Он перестал злоупотреблять спиртным, возобновил занятия спортом. Все чаще выезжал на прогулки верхом на лошади. Мишель, действительно, стал себя чувствовать лучше. Исчезла мучившая его неделями хандра. Он стал и лучше выглядеть. Исчезли мешки под глазами, мышцы приобрели упругость. Походка стала пружинистой, как у хищника перед прыжком. Синие глаза перестали блестеть лихорадочным блеском.

Граф Строганов мог стать заветной мечтой многих женщин. Богат, чертовски привлекательный, умен, искусен в любовных играх. Юна от бессилия кусала губы, оставшись наедине. Ее чары на него не действовали. У нее оставалась еще одна неделя, отведенная ей Строгановой. Месяц, когда Нелидова должна была пожить в роскошном особняке, заканчивался. Она должна была покинуть дворец и вернуться в лачугу. Так девица называла свой небогатый дом. Ей не удалось заарканить непокорного мустанга. Обедневшая дворянка, Нелидова тайно завидовала богатым Строгановым, их процветающему бизнесу. Ее отец был мот, любитель скачек и спустил все состояние. Мать умерла, когда девочке было пятнадцать лет. Дальнейшим воспитанием Нелидовой занялась бабка. Она-то и решила пристроить внучку в дом к графам Строгановым, когда Елена позвонила своей приятельнице и пожаловалась на сына.

Юна переступила порог большого дома в надежде, что останется в нем хозяйкой навсегда. Она не была в восторге от Артура. «Несносный мальчишка, сноб, сибарит», — так называла Юна про себя Артура. Она знала, что это именно он придумал ей прозвище «мартышка». Как-то перед обедом он положил ей кнопки на стул, на котором она сидела в столовой. Этой выходки она не простит ему никогда. Тогда, сев на перевернутые кнопки, Юна вскочила как ужаленная. Она выглядела круглой душой в глазах Мишеля. Мишель и Елена Петровна извинились перед ней за оплошность слуг, так они сказали тогда. Но с тех пор Нелидова затаила злобу на сына Мишеля. Она расправится с ним потом, когда выйдет

замуж за графа Строганова и станет графиней. А пока надо было терпеть и притворяться хорошей. А это было так нелегко. Юна была вздорной, взбалмошной особой. Она выросла в семье одна. Бабушка Маргарита Никаноровна ее очень баловала. Все лучшее было у Юночки. У нее даже имя было не такое как у других девочек.

Нелидова считала дни по пальцам. Оставалось еще три дня ее роскошной жизни. А потом ее ждало замужество за бедным клерком. Франсуа Легран уже давно сватался к красивой Юне. Его семья жила по-соседству. Хорошенькая Юна была его заветной мечтой, запретным плодом. Но Франсуа не устраивал Нелидову. Он был не очень симпатичный. Рыжие волосы и веснушки не позволяли ему стать красавцем. К тому же, он был не богат. Юна помнила слова бабушки: «Не получится со Строгановым, пойдешь за Франсуа!».

Юна решила действовать сама, в одиночку, никого не посвящая в свои планы. Строганова никогда б на такое не согласилась. Бабка Маргарита Никаноровна могла осудить. Пожилые дамы были воспитаны в старинных традициях. Юна решила подсыпать Мишелю снотворное в бокал с вином и улечься с ним спящим в одну постель. Утром бы их вместе обнаружила прислуга. Наутро Юна скажет Мишелю, что они ночью занимались любовью. Ничего не помнящий Мишель не сможет ничего отрицать. Даже, если этот план не сработает сразу, он выстрелит потом. Через месяц Нелидова придет к Строгановой и скажет, что она беременна от Мишеля. Не выкинет же Елена Петровна мать своего будущего внука на улицу.

В этот вечер Мишель задержался допоздна в своем кабинете. Он беспрестанно курил нервничая. Обдумывал будущий вояж. Строганов решил ехать в Россию, чтобы узнать как живет Ольга. «Даже, если я узнаю, что у нее все хорошо. Она счастлива с другим мужчиной. Я все равно поеду. Я просто хочу ее видеть», — размышлял Мишель.

Тут в двери кто-то постучал. Мишель подумал: «Странно, кто б это мог быть так поздно». Артур уже спит, намаялся за целый день. Мать, обычно, в это время раскладывает пасьянс в своей комнате».

— Войдите. Дверь не заперта.

— Это я. Можно? — Юна скромно маячила в дверях.

— А-а-а. Это ты, — поморщился мужчина. — Ну, садись, коли пришла.

— Я принесла вино, — девушка взглядом показала на поднос, на котором стоял хрустальный штоф с вином и два бокала.

— Зачем? Я не хочу пить.

— Дело в том, что я завтра уезжаю. Я хотела бы выпить за свой отъезд. Елена Петровна не пьет. А больше мне не с кем.

Голос у девушки был робкий, вид очень скромный. Ее кажущаяся искренность подкупила Мишеля:

— Ладно, давай выпьем. За все хорошее, Юна!

— За все хорошее, Мишель!

Мужчина выпил бокал до дна и почувствовал слабость во всем теле. Голова закружилась. Он неловко присел в кресло:

— Что-то я нехорошо себя чувствую. Ты бы шла Юна к себе в комнату, уже поздно... уже поздний час...

Это были последние слова, которые наутро вспомнил Мишель.

Он проснулся как обычно в шесть часов утра. Вскочил с постели и начал делать зарядку. В постели кто-то зашевелился. Он подозрительно повернулся и увидел женщину. Она лежала

в прозрачном пеньюаре на его постели. Мишель начал припоминать вчерашний вечер. Но никак не мог понять, откуда взялась подруга. «Странно. Я был один», — мужчина лихорадочно перебирал события вчерашнего дня. Он подошел к девушке и дернул за плечо. Женщина открыла глаза, посмотрела на него и улыбнулась:

— Любимый, ты уже проснулся? Как хорошо мне было с тобой.

Мишель дернулся как от электрического тока. Он узнал противный голос Юны.

— Что ты здесь делаешь? Как ты тут очутилась?

— А ты не помнишь? Ты сам меня позвал? — капризно проговорила Юна. — Я даже сопротивлялась, но ты подхватил меня на руки и принес в свою спальню. Нас уже видела прислуга.

— Боже, это какой-то бред! — Мишель наскоро оделся и выскочил из спальни.

... Строганова чувствовала в этой истории какой-то подвох. Ей утром донесла прислуга, что Юна этой ночью ночевала в комнате Мишеля. Но он сам все отрицал. И вообще вел себя странно, как будто его опоили чем-то. Юная Нелидова сияла от счастья. На лице играла какая-то торжествующая улыбка. Но Елена Петровна как мудрая женщина решила до поры времени ни во что не вмешиваться, предоставив все решать молодым.

Вечером Мишель собрался и улетел в Лондон. Сын не походил на счастливого влюбленного. Нелидова не собиралась уезжать, как бы всем своим видом давая понять, что после того, что случилось, она должна остаться в доме. Артур все время злился и избегал общения.

Елена Петровна раскладывала пасьянс и раздумывала. В том, что произошло, она винила, прежде всего, себя. Не надо было вестись на глупые интрижки Нелидовой. Бабка и внучка в чем-то обхитрили ее. Теперь, Мишелю придется жениться на Юне, которую он терпеть не может. «Что я наделала? Боже, прости мне мою глупость!» — воскликнула в сердцах Строганова. Ей самой не нравилась будущая невестка. Взбалмошная Юна была, просто, невыносима. Одно дело — простые знакомые, другое дело — родственники. К тому же, жить им доведется под одной крышей. «Ничего не поделаешь, придется засылать сватов, вздохнула графиня. — Видно, свадьбы не избежать. Бедный Артур, он терпеть не может будущую мачеху. Ну почему Ольга тогда уехала?».

Перед отъездом мать спросила у сына:

— Мишель, как мне поступить? Ты уезжаешь и не даешь распоряжений относительно Нелидовой.

— Мама, поступай, как знаешь, — с безразличием отвечал сын.

— Но ты пойми, что после того, что с вами произошло, ты просто обязан жениться.

— Мне уже все равно. Даже если свадьба состоится, я сразу же уеду из дома. Буду жить где угодно, только не под одной крышей с Юной. Я не люблю ее, она даже мне не симпатична.

Строганова была в растерянности. Скрепя сердцем, она начала подготовку к свадьбе. Сын просил не делать пышных торжеств. Венчаться с Юной он наотрез отказался. Ну что ж пусть будет скромный домашний ужин, и бракосочетание в мэрии. Честно говоря, барышня Нелидова большего и не заслуживает.

Дашкова считала свой поспешный отъезд из Парижа бегством. Она даже никого не поставила в известность. Ее мучила мысль, что она причинила непоправимую боль Мишелю.

Дашкова все же набралась храбрости и позвонила через три недели, чтобы узнать, как обстоят дела в семействе Строгановых. С облегчением вздохнула, когда услышала, что трубку снял камердинер. Слуга не узнал, кто звонил, Ольга постаралась изменить свой голос. Услышанное поразило Дашкову как гром среди ясного неба. Камердинер сказал, что граф Строганов скоро женится на мадемуазель Нелидовой. Ольга недоумевала, откуда взялась эта Нелидова. Ведь при ней о ней никто ничего не говорил. Сердце зашлось от боли: «Значит, Мишель не долго страдал, тут же нашел мне замену!». Облегчением было то, что Ольга снова оказалась дома. Она сразу же пошла работать, чтобы не сидеть сложа руки. Редактор с удовольствием взял ее на прежнее место.

— Я рад, Оленька, что ты вернулась, — Анатолий от удовольствия потирал руки. — Мне не хватало такого работника, как ты.

— Я тоже очень рада, — вяло улыбнулась Дашкова.

— Но я не понимаю, почему ты вернулась? Ты же, кажется, вышла замуж за француза.

— Мы не были женаты. Свадьба должна была состояться три недели назад, но в последнее время все расстроилось.

— Жених тебя бросил! Как он посмел?

— Никто меня не бросал. Я сама решила уехать.

— Но этот, Мишель, он, наверное, приедет за тобой?

— Думаю, что нет. Он очень занятой человек. Ему не резон мотаться туда сюда из одного конца Европы в другой.

— Значит, вы расстались. Странно, я думал, что у вас с ним все серьезно.

— Я тоже так думала, Анатолий. Но не все всегда зависит от нас, к сожалению.

— Понимаю, тебя, наверное, не приняли его близкие.

— Да, у меня не сложились отношения с будущей свекровью, — сказала первое попавшееся на ум Дашкова, чтобы прекратить ненужный разговор.

Жизнь потекла своим чередом. Работа, дом, визиты к врачу. Дашкова, по-прежнему, жила у себя. Смирнов также жил на своей квартире. Еще в Париже они решили жить вместе как муж и жена. Правда, Сергей предложил гражданский брак. Дашкова в тот момент была согласна на все. По приезде в Москву, выяснилось, что Ольга не может пока переехать к Сергею. Его дом находился очень далеко от редакции. Ольге требовалось утром два часа, чтобы добраться на работу. Столько же времени уходило и вечером, чтобы добраться домой. Ольга плохо переносила беременность, тряска в городском транспорте, да и в машине тоже, ее утомляла. Она категорически отказалась переезжать из своего дома, редакция была рядом, в 30 минутах ходьбы.

Смирнов также проявил свой характер. Он наотрез отказался переезжать к жене, потому что его дом стоял неподалеку от художественных мастерских. Парижская идиллия очень быстро кончилась. Молодые все чаще стали выяснять отношения, вместо того, чтобы предаваться радостям семейной жизни. Через месяц после своего бегства Ольга поняла, что она сделала ошибку. Смирнов был идеальным любовником. Нежным, ласковым, страстным. Упоительно романтичным. Его красота сводила Ольгу с ума. Им было так хорошо вместе. Но и жить вместе они не могли. Слишком похожи были их характеры, как одинаковый заряд батареек. У них была типичная векторная связь. Ольга и Сергей не могли жить друг без друга. Но и находиться вместе долгое время они не могли, о разрыве тоже не могло быть и речи.

Добавляло масла в огонь и нынешнее состояние супруги. Ольга подурнела, располнела,

под глазами появились мешки, ее изматывал будущий малыш. Она стала безумно ревнивой. В ее голосе появились сварливые нотки. Любое несогласие с ней вызывало раздражение и злость. Ольга кусала губы и злилась на Сергея. Он все реже стал приходить к ней домой. Объяснял все загруженностью на работе. А Ольга страшно ревновала и устраивала сцены ревности. У нее вошло в привычку без предупреждения навещать мужа на работе. Она боялась его застать с другой женщиной. И все же упрямо навещала его в надежде застукать с кем-то. Она мучила себя и Сергея рядом с собою. Жизнь постепенно превращалась в ад. Единственным утешением была любимая работа. Но и она со временем перестала радовать Дашкову. Она не могла уже полностью отдаться работе, и выложиться на все сто. Не могла бегать по этажам и кабинетам как угорелая, как раньше. К концу рабочего дня женщина уставала так, что света белого не видела.

Лечащий врач порекомендовал пациентке сменить обстановку. Голос доктора звучал строго и убедительно:

— Ольга, у вас сильное нервное истощение. По-видимому, вы пережили сильный нервный всплеск. Бурные эмоции, как правило, забирают очень много энергии. Отсюда возникает упадок сил, сильная усталость по утрам, потеря работоспособности. На этом фоне может возникнуть депрессия, разочарование в жизни.

— Да, доктор, я так устала. В последнее время меня ничего не радует. Ни музыка, ни хороший фильм или книга, — Ольга посмотрела на врача в надежде, что он ей что-то посоветует.

— Я бы вам порекомендовал пешие прогулки. А еще лучше смена обстановки. Вам надо купить путевку в пансионат. В одном из пансионатов за городом, есть специальная программа для беременных женщин. Питанием вы останетесь довольны. Воздух там чудесный, природа замечательная.

— Но доктор, я же работаю, — жалобно простонала Дашкова. — Меня никто не отпустит.

— Вы должны настоять на своем. Думаю, что редактор вас отпустит, вы все равно сейчас работник никакой.

— Это точно.

... Пансионат «Лесной орех» был одним из лучших, цены на путевки были сравнительно недорогие. Поэтому все номера были заняты. В столовой во время приема пищи собиралась куча народа, этот человеческий рой оживленно гудел. Отдыхающие весело и беззаботно предавались всему, что требовал от них распорядок дня. Дружно собирались кучками и ходили на обеды, посещали процедурные кабинеты, тренажерный зал и плавательный бассейн. Вечером все собирались в танцевальном зале. Танцевали все, даже старики и старушки. Любители авантюры искали себе партнеров для более близкого знакомства. Дух беззаботности и романтики витал повсюду.

Сибаритский образ жизни не очень понравился Дашковой. Честно говоря, она не привыкла отдыхать. Она привыкла работать, даже в выходные она бежала на интервью, писала очерки или сидела в исторических архивах. Дома были цветы, собака, кот. Все требовало постоянного ухода, полива, корма. Вечером Дашкова садилась читать книги. Книги она любила с детства, именно книга была ее самым лучшим другом. Так уж повелось, менять привычки женщина не собиралась. Она набила дорожную сумку книгами и женскими журналами. Знакомиться Дашкова ни с кем не собиралась. Так называемые «курортные» романы ее не интересовали.

Сергей привез жену в пансионат и уехал, пообещав проводить жену каждую неделю. Ольга прошла регистрацию, поселилась в номере, и стала такой же отдыхающей как все. Жизнь потекла плавно и медленно, как часовая стрелка будильника. По утрам никуда не надо было спешить. Единственным правилом с утра было посещение столовой. Никто не хотел опаздывать, чтобы не остаться без завтрака. Потом шли процедуры, визит к врачу, по желанию отдыхающего, экскурсии.

Ольга полюбила посещать плавательный бассейн. Народу тут было меньше, чем в кабинете ароматерапии. Подышать воздухом, насыщенным лавандой, ромашкой и мятой, приходило куда больше, чем поплавать в воде. Вода так успокаивала Ольгу, она блаженствовала, плескаясь в воде и плавая от бортика к бортику. Живот был еще не очень большой, едва заметный. Полнота придала женщине округлости. Ольга стала очень женственной. Взгляд ее зеленых глаз стал излучать спокойствие и доброту. На Ольгу стал засматриваться один отдыхающий средних лет. В общем, пребывание в пансионате постепенно шло на пользу.

Дашкова не ждала от жизни перемен. Ее устраивал ход событий. Она хотела стать матерью, и все сделала для этого. Даже отказалась от своего счастья с Мишелем. Как она корила себя по вечерам, как плакала в подушку по ночам! Это было известно только ей. Своими переживаниями Ольга не хотела делиться даже с ближайшей подругой Валерией. И что она могла сказать. Если Валерия, встретив Ольгу в Шереметьево, отвела ее в сторонку и тихо сказала, чтобы не слышал Смирнов: «Ольга, какая же ты дура, что бросила Мишеля. Ты даже не поняла, как снова оказалась в сетях у Смирнова. Вы не будете счастливы с ним. Он не создан для семейной жизни». — «Валерия, ты не права, — Ольга стала защищать своего друга. — Мы с Сережей так любим друг друга. Мы были так счастливы с ним в Париже. Ты не представляешь, как он обрадовался, когда встретил меня на вернисаже. Он просто кинулся мне вслед, когда узнал меня. К тому же, не надо забывать, что он буквально спас меня, увезя на машине из галереи. Я так растерялась и испугалась, когда убегала от Ветровского». — «Попомни мое слово, подруга, — Валерия была неумолима. — Ты не будешь счастлива со Смирновым.» — «Но я не могла больше жить во лжи, — упрямо замотала головой Ольга. — Мишель бы никогда меня не простил, что я сокрыла от него правду, что обманула, предала...» — «Почему ты расписываешься за Мишеля. Откуда ты знаешь, как бы он повел себя в данной ситуации. Он души в тебе не чаял. Пережил смерть любимой жены, столько лет не женился. Вдруг он встречает понравившуюся ему женщину, а она его бросает накануне свадьбы и уезжает с другим. Не волнуйся, найдутся люди, которые донесут ему, что ты уехала не одна. Ты думаешь, ему сейчас легко?» — «Не мучь меня, пожалуйста. Мне сейчас и так нелегко». — «Больше чем ты себе причиняешь страданий, Ольга, никто тебе уже не причинит. Ты должна позвонить ему и все рассказать!»

Дальше подруги секретничать не могли. К ним подошел Смирнов, и не отходил от Ольги ни на шаг.

Дашкова лежала на кровати, ворочалась с боку на бок и вспоминала разговор с подругой. Валерия как всегда оказалась права. Она говорила, что Мишель относится к категории мужчин, с которыми женщины чувствуют себя комфортно и уверенно. Смирнов же принадлежал к когорте мужчин, постоянно создающих вокруг своей персоны водоворот проблем. Эту личность, зачастую творческую и эпатажную, постоянно преследуют проблемы. И этот ворох проблем непременно обрушивается на ту несчастную спутницу, которая волею судеб оказалась в данный момент рядом. И именно она, подруга жизни,

призвана решать и улаживать всего его дела.

Смирнов был не уверен в себе как все творческие люди. И если Мишель был самодостаточной личностью, ему не нужно было самоутверждаться через женщин. То Смирнов как раз, именно, постоянно нуждался в самоутверждении. Лучшим средством в этом, конечно же, были женщины. Находясь в постоянной борьбе с самим собой, пребывая в вечном поиске, ища сюжеты для своих картин, Смирнов нуждался в такой сильной спутнице, которая б взвалила его проблемы на свои хрупкие плечи.

Именно такая участь постигла Дашкову. Она стала приложением своего мужа. Любовь, бурная страсть, по большому счету, была только вывеской неуравновешенной натуры Сергея, хотя чувства его были искренни. Он, действительно, до самозабвения любил Ольгу и не хотел с ней расставаться. Встретив любимую в Париже, Смирнов решил бороться за свою любовь, он решил вернуть любимую женщину, чего бы это ему не стоило.

Встреча на вернисаже только подтвердила мысль Смирнова в том, что Ольга еще не до конца забыла его, не забыла жарких ночей, проведенных вместе. Мужчина решил идти до конца, даже если для этого придется пойти на подлость и увести Ольгу от алтаря. Он не мог смириться с мыслью, что Ольга пойдет под венец с другим. Даже если бы это был уважаемый, надежный во всех отношениях Строганов, и даже, если бы она была с ним трижды счастлива.

Своим поступком Смирнов лишь подтвердил, что все мужчины в решении амурных вопросов эгоисты и пекутся, прежде всего, исключительно о своих интересах. Как говорится, своя рубашка ближе к телу.

Дашкова находилась в пансионате третью неделю. Она выучила все лица отдыхающих. Знала, впрочем как и все, кто кем увлекся из отдыхающих и закрутил любовную интрижку. Вынужденные бездействовать, женщины отдыхали, гуляли по парку, набирали вес и отчаянно флиртовали с мужчинами. Мужчины чувствовали себя на высоте. Здесь их было гораздо меньше, чем женщин. Потому они чувствовали себя такими героями-любовниками. И не важно, сколько мужчине было лет!

Глава 12

Дашкова была в пансионате первый раз. Ее все удивляло, все было интересно. Даже чисто с профессиональной точки зрения. Как открывается характер человека в различных условиях. Хотя о работе женщина предпочитала лучше не вспоминать. Сразу же по приезде она зашла в кабинет лечащего врача, который должен был осмотреть ее, назначить процедуры и выдать санаторную карту. Доктором оказалась симпатичная женщина лет тридцати семи. Ее звали Светлана Ивановна. Светлана Ивановна, также как и Дашкова, была влюблена в свою профессию. Она недавно защитила докторскую диссертацию.

Врач сразу же прониклась к Дашковой, которая была ей очень симпатична. Женщины разоткровенничались. На вопрос: «Какие у вас жалобы?» Дашкова решила рассказать всю правду.

— Понимаете, Светлана Ивановна, с недавних пор я начала испытывать страх. У меня работа с людьми. Но, наверное, из-за переутомления и тяжелой беременности я начала испытывать страх при общении с посторонними людьми. Я боюсь находиться там, где большое скопление людей. Мне стало трудно ездить в общественном транспорте, от неуверенности и какого-то неизвестного ранее страха у меня кружится голова, и я вынуждена выходить на остановке и идти пешком. Но самое обидное, что этот страх появляется, когда я начинаю читать газету или сажусь писать новую статью. Я так люблю журналистику, что же мне делать? Один мой коллега, который проработал в газете тридцать пять лет, говорил, что у него появился страх именно перед чистым листом бумаги. Он берет ручку, смотрит на белый лист и ничего не может написать. Все, конец профессии!

— Ваш случай, достаточно, редкий. Эта болезнь называется социофобия. Это болезнь двадцатого века, когда были изобретены новые информационные технологии.

— Но что вызывает этот недуг?

— Прежде, всего коммуникативный стресс.

— Не совсем понятно, — сказала Дашкова.

— Я сейчас объясню, — успокоила пациентку доктор. — Коммуникативный стресс возникает из-за избытка информации, которая поступает к нам из внешнего мира. Радио, телевидение, газеты, интернет. На человека обрушивается целый шквал информации. Плюс ваша работа. Вы же все время работаете с информацией. Это ваш хлеб. Судя по всему, вы работу очень любите, себя не щадили, работали на износ.

— Да, это правда, — вдохнула Дашкова.

— Это и стало причиной социофобии. И конечно, одной из главных причин является перенесенная психическая травма или сильный нервный стресс. Наверняка вы, Ольга, в последнее время очень нервничали. Возможно, вас даже что-то угнетало, — врач дружелюбно посмотрела на пациентку.

— Да, это все правда. Но что же делать? Мне надо очень быстро восстановиться и снова идти на работу. Мне надо зарабатывать деньги на жизнь.

— Увы, это невозможно! — Светлана Ивановна была непреклонна. — Вам надо сменить вид деятельности. Проще говоря, поменять работу. Хотя бы, на время.

— Но я не могу, я так люблю журналистику.

— Те симптомы, которые у вас появились, со временем могут усилиться. Состояние здоровья ухудшится так, что вы просто не сможете выходить на улицу. Страх скует все ваше существо. Мне приходилось лечить подобное заболевание у спортсменов, артистов. Боксер, например, боится выйти на ринг. Один известный фигурист, чемпион по фигурному катанию, боялся выходить на лед целый год. Одна солидная дама, играющая в театре, начала ни с того ни с сего испытывать страх перед сценой. Ей пришлось уйти из театра. Это присуще и другим профессиям. Одна знакомая мне пациентка боялась выходить из дому на улицу восемь лет. Девушка была студенткой, и по-видимому, перенесла сильный стресс.

— Что же мне делать? — Дашкова жалобно посмотрела на врача.

— Уходить, бежать из редакции. Временно не покупать газеты, не смотреть телевизор. Ну, во всяком случае, информационные передачи. Они очень насыщены информативным материалом.

— Как же я буду жить? Что буду делать?

— Начните вязать, вышивать крестиком. Можно вышивать и бисером. Прекрасные работы получаются. Рукоделие успокаивает женщину, отвлекает от ненужных мыслей. Больше гуляйте на свежем воздухе. А работу оставьте и посидите дома. Спокойный образ жизни пойдет ребенку на пользу.

— Но я не могу сидеть дома, мне надо себя обеспечивать.

— Вы не замужем? — посочувствовала Светлана Ивановна Дашковой.

— Я замужем, как-то неуверенно проговорила больная. — Дело в том, что мы с мужем в гражданском браке. Мой муж художник, у него заработок не постоянный.

— Хорошо, что вы взяли путевку в наш пансионат. Мы вас обязательно подлечим, авось все пройдет, — улыбнулась Светлана Ивановна. Она как врач старалась обнадежить больную как могла.

— Спасибо вам, доктор, — улыбнулась Дашкова. В глазах ее появилась надежда и какая-то уверенность, что все будет хорошо. Она сумеет преодолеть свой страх. Недуг отступит. Ольга не позволит какому-то новомодному недугу испортить ей жизнь.

* * *

За окном стоял холодный пасмурный февраль. Особенно гулять не хотелось. Ольга после процедур все больше отсиживалась у себя в номере. Она полюбила ходить на вечернюю службу в храм. Небольшая церквушка стояла неподалеку от пансионата. Приход был небогатый, убранство церкви было самым обычным. И колокола не могли состязаться с великолепием своих собратьев — городских соборных колоколов. Но когда окрестности наполнялись малиновым звоном, отдыхающие и деревенские жители торопливо направлялись в церковь, чтобы послушать литургию и проникнуться словом Божиим. Неяркое освещение, тихое мерцание свечей и лампад у икон настраивали прихожан на мирный лад, успокаивали их терзающиеся сомнениями души. Хор радовал своими чудесными песнопениями.

Настоятель храма отец Николай был очень приветлив к прихожанам, к каждому находил доброе слово. Семейная атмосфера располагала к откровенности. Дашкова постилась целую неделю и пришла в субботу на исповедь. Отец Николай внимательно слушал, не перебивая. Тяжело было Ольге соскребать грязь со своей души, которая копилась

годами. На первой исповеди вообще трудно каждому собраться духом и поведать о всех своих неправильных поступках. Ведь человек создание упрямое, он упорно думает, что прав во всем, а во всех неприятностях виноваты другие люди или сама жизнь. И только когда человек начинает испытывать скорби, болезни, его неудержимо тянет в храм.

Дашкова напоминала трепетную загнанную лань. Священнику было жаль прихожанку, ему захотелось поддержать ее добрым словом.

— Как мне жить, батюшка? Столько разочарований мне пришлось пережить, а теперь еще эта болезнь одолела, — спрашивала удрученная Дашкова.

— Человек очень грешен, — не спеша отвечал отец Николай, — грехи обременяют душу человека и мешают ему жить. Отсюда появляются разочарования, немощи, болезни. Ваша работа, Ольга, была связана с людьми. Наверное, не раз вам приходилось за годы работы в редакции выслушивать исповеди различных людей?

— Люди приходят в газету с разными проблемами. Каждого надо выслушать, чем-то помочь. Женщину бросил муж; людям мешают соседи, шумят, делают ремонт сутками; у кого-то болен ребенок, нужны деньги для операции и так без конца.

— Вот видите! К сожалению, в наше время люди с исповедью бегут к врачам и газетчикам, минуя дорогу в храм. А врач и журналист, они же, душу не врачуют. Врач может помочь при лечении телесных заболеваний, журналист — при решении, допустим, коммунальных проблем. Все это от безверия, люди готовы верить кому угодно, только не Богу. Это хорошо, что идут к врачам и газетчикам, некоторые же люди ищут ответа у колдунов, экстрасенсов, бабок.

— Отец Николай, а от несчастной любви есть лекарство? — спросила Дашкова.

— Лучшее лекарство от всех недугов время. Из ваших слов я понял, что вы любили одного, а замуж собирались за другого. Или наоборот? Ваша неопределенность в личных отношениях и спровоцировала вашу болезнь. Вы оказались не готовы к испытаниям. Но ни одной женщине и не удавалось решить проблему любовного треугольника. Связав свою судьбу с двумя мужчинами, вы обрекли себя на мучения.

— Что же мне делать?

— Определиться, с кем вы свяжите свою жизнь, а про другого забыть! Иначе, это повлечет разлад со здоровьем.

— Но есть же женщины, у которых и муж есть, и любовник.

— Есть. Вы думаете, они не страдают? Просто, это дело времени. Подумайте на досуге, кто вам ближе.

По совету священника Ольга начала читать библию. Больше всего ее трогал евангельский текст из Послания апостола Павла коринфянам:

Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует,

Любовь не превозносится, не гордится...

Любовь покрывает множество грехов...

Как ни странно, Ольга начала замечать, что ей становится лучше. Благотворное влияние природы, лечебных процедур и веры стали давать положительный эффект. Больная пошла на поправку. Стал исчезать страх, который неотступно ее преследовал в последнее время, исчезла неуверенность в себе, появилось ощущение радости от каждого дня.

Когда появился этот отдыхающий, Ольга не знала. Но этот мужчина почему-то привлек

ее внимание. Он все время держался на расстоянии. В столовую не ходил вместе со всеми. Видно, он был из элитного корпуса. Еду отдыхающим подавали прямо в номер. Ольга видела этого мужчину только издали, со стороны, когда гуляла по парку. Незнакомец был одет в огромную теплую куртку с капюшоном, спортивные брюки и ботинки. На голове спортивная шапка. Дашкова ощущала, что он ей кого-то напоминает. Она наблюдала за мужчиной из окна. Он катался на лыжах. То ли случайно, то ли задуманно, лыжник все время оказывался в центре внимания Дашковой. У женщины забилося учащенно сердце: «Мишель! Да вот же кого он мне напоминает, Мишеля! Но как он может здесь оказаться? И если это он, то почему не подошел к ней?»

Было от чего ломать голову. Воспоминания мучили ее с новой силой. Покой покинул женщину, она была заинтригована. На следующий день, чтобы поближе рассмотреть незнакомца, Дашкова сама стала на лыжи. Честно говоря, занятие это для нее было трудным и требовало мужества. Дашкова в последний раз каталась на лыжах в десятом классе, на спортивной олимпиаде.

Ее движения были неуклюжими, лыжи разъезжались в разные стороны. Нечего было и думать, что она догонит незнакомца, который был прекрасным лыжником. Дашкова вздохнула и направилась к скамейке. Во всяком случае, наблюдать она могла и отсюда. Она села на скамейку, поплотнее закуталась в короткую шубейку и поглубже на лоб нахлобучила шапку. Десять минут так можно было посидеть, не смотря на двадцатиградусный мороз.

Пока Дашкова усаживалась, лыжник отъехал достаточно далеко. Издали он напоминал маленького человечка. А вскорости, она вообще потеряла его из виду. Дашкова уже начала жалеть, что связалась с лыжами. Причиной тому было неуместное ухаживание бравого майора, который тоже отдыхал в этом пансионате. Военный уже давно положил глаз на понравившуюся ему женщину. Трудности общения были в том, что майор сидел за другим столиком и не имел возможности разговаривать с Дашковой. После приема пищи Дашкова старалась незаметно улизнуть.

И вот майору предоставился удобный случай, военный пошел в наступление. Он подсел на лавочку к Дашковой и стал засыпать ее комплиментами. Застигнутая врасплох, женщина растерялась. До корпуса бежать было далеко, все равно на ходу пришлось бы выслушивать болтовню ухажера. Настроение ухудшилось еще от того, что лыжник, ради которого Дашкова вышла на лыжню, куда-то исчез. Женщина вздохнула и приготовилась выслушивать признания майора.

— Наконец-то, я вас настиг, моя прекрасная незнакомка, — радостно и возбужденно проговорил ухажер.

— Я и не убегала от вас, милостивый сударь, — Дашкова сказала, стараясь, чтобы ее голос не дрожал от недовольствия.

— Давайте познакомимся. Меня зовут Вадим. А вас, сударыня, как зовут?

— Сударыню зовут Ольга.

— О, да вы шутница, — весело проговорил майор. — Что вы делаете вечером?

— Как всегда.

— Не хотите отвечать не надо. Просто, я хотел вас пригласить в ресторан.

— Я занята, — холодно ответила Дашкова и вдруг улыбнулась. Она увидела, как к ним приближается знакомый лыжник. Правда, он был не один. Рядом с ним ехала миниатюрная девушка. Она была молода. Значительно моложе Ольги. По лицу Дашковой пробежала тень. Майор проследил за взглядом собеседницы и язвительно сказал:

— Зря вы засматриваетесь на этого красавца. Англичанин приехал к нам в Россию отдыхать не один, а с женой.

— Он — англичанин? — несказанно удивилась Дашкова. — Мне казалось, я его знаю.

— Вы были в Англии? Именно там вы могли бы видеть Генриха.

— Значит, его зовут Генрих, — разочарованно вздохнула Дашкова. — Вадим, куда вы там меня сегодня приглашали?

— В ресторан «Белая азания». Там чудесная кухня, ужин при свечах, картины на стенах, — торопливо говорил военный, боясь, что его спутница откажется от ранее принятого решения. — На сцене весь вечер играет оркестр. Музыканты в белых смокингах. Песни исполняет известная певица Порошина. Баттерфляй в ее исполнении просто великолепен.

— Честно говоря, я не знаю такой певицы. Но я все равно приду, — машинально говорила Дашкова. Она не отрывала глаз от англичанина. Он дурачился и делал вид, что шутливо догоняет свою спутницу. Подруга, также как и Ольга, плохо стояла на лыжах. Она изо всех сил старалась оторваться от преследователя, от этого англичанка казалась еще смешней. Она нелепо размахивала палками, нервно оглядывалась назад. Вот ноги у нее разъехались, и она упала в снег.

— Вот чудачка, — улыбнулся майор. — Стала на лыжи, а сама и держаться-то совсем не умеет. Дашкова это сама видела, но почему-то ей было не смешно. Она видела, как англичанин достиг свою подругу. Его лыжи зацепились с лыжами девушки. Генрих упал рядом. Мужчина и девушка весело смеялись. А Дашкова чуть не плакала от вида этой семейной идиллии. «Вот дура, — кусала губы Ольга, — я уже готова была подумать, что это Мишель. Он разыскал меня и приехал забрать. Если это и Мишель, то он счастлив со своей женой». Она глянула на волосы англичанина, падая он обронил шапку на снег. Волосы Генриха были с седыми прядями. «Нет, это не Мишель, — успокоилась Дашкова. — У Мишеля волосы черные как ночь».

* * *

Дашкова нервничала как школьница, собираясь вечером в ресторан. Одевалась и скептически оглядела себя в зеркале.

— Да, наверное, я разучилась быть леди, — женщина неодобрительно повела плечами. — Что ни говори, а работа свой отпечаток накладывает. Все время в спешке, в погоне за сенсацией. К тому же приходится много ходить. Вот и привыкла к джинсам и свитерам. Совсем разучилась платья носить. Зря все это затеяла Валерия. Говорит, бери вечерние платья в пансионат. Пригодятся! Может встретишь кого подходящего. — Ольга вспомнила военного и улыбнулась. Подумала, что теперь и у нее будет какое-нибудь любовное приключение. А то бы так и уехала, не дав повода для сплетен.

Женщина еще раз осмотрела свой прикид и вздохнула. Она поняла, что не работа в газете разучила ее одеваться. Шарма у Ольги было, хоть отбавляй. Длинное черное платье было очень элегантным, пошитое на французский манер. Высокий ворот закрывал шею. На руках длинные перчатки в тон платью. На спине небольшой вырез. Дело было в том, что сквозь тонкую ткань выступал живот. Будущий ребенок уже вполне обозначил свои контуры. Тогда женщина решила дополнить туалет шелковым палантином. Ольга свободно накинула на плечи накидку и согнула руки в локтях. Выходило неплохо. Палантин придал ее образу элегантности и романтичности. Легкая ткань изящно облегла женскую фигуру в области

тали и скрывала очертания живота. Концы накидки свободно ниспадали вниз и шевелились от малейшего движения. Женщина накинула норковую шубу и спустилась вниз.

Ольга как всегда опоздала. Она вышла из такси и сразу же увидела своего кавалера. Бедный майор уже замерз на морозе, ожидая у входа свою даму. Но военная выправка и гордость не позволяли Вадиму показать Ольге, что он замерз. Мужчина только поеживался от мороза, уши, выглядывающие из-под фуражки, совсем посинели. Увидев объект вожделения, майор тут же кинулся к нему навстречу. Широко разведя руки в знак приветствия, Вадим сказал:

— Оленька, я уже заждался. Вы так прекрасны. Я готов ждать вас целую вечность.

— Извините, Вадим, я немного опоздала. Вы совсем замерзли. Не надо было меня ждать на улице. Зашли бы в вестибюль погреться, — говорила Ольга виноватым голосом.

— Пустяки! Я на седьмом небе от счастья, что увидел вас, Оленька. Проходите, пожалуйста, — сказал Вадим, галантно открывая двери, и пропуская даму в вестибюль.

В зале ресторана было жарко натоплено. Здесь было настоящее лето. Интерьер, действительно, был шикарный. Вадим оказался прав, расхваливая его. Зеркала, картины, на блестящем французском потолке перевернуто отражались столики. На каждом стояла небольшая лампа с абажуром, создавая интимный свет. Но главным украшением были цветы. Их здесь было великое множество. Они создавали атмосферу сада. Цветы стояли в вазах на столах, свисали с кашпо со стен, украшали подоконники. Огромные пальмы стояли в углах зала, чтобы не мешать посетителям.

— Наверное, хозяйка этого ресторана женщина, — сказала восхищенно Ольга.

— Откуда вы знаете? Это, действительно, так, — подтвердил майор.

— Вокруг столько цветов! Они так прекрасны. Но больше всего мне нравятся азалии. Здесь так много различных сортов. Цветы с малиновыми, белыми, розовыми лепестками. Просто оранжерея!

— Вы восхищаетесь этими цветами, сударыня. А, между прочим, эти цветы необычные. Они были вывезены в 1945 году из Японии русскими в качестве трофея, — тоном знатока говорил майор.

— Вы шутите, Вадим.

— Нисколько! Вы думаете, Ольга, что военные — грубые солдафоны, которым только дай пострелять из пушек. Отнюдь. Европа обязана военным, которые подарили миру азалии. Сейчас этот цветок любимое растение селекционеров всего мира. Выведены десятки различных сортов. Цветки некоторых достигают восемь сантиметров в диаметре. И в цветении азалия рекордсмен, как и орхидея цветет целый месяц. Ну, так вот, а в Японии азалия считалась цветком избранных, ее можно было встретить только в садах вельмож.

— Удивительно, я столько сегодня узнала. А вы необычный человек, Вадим, — сказала Ольга и с интересом посмотрела на майора. В военной форме он был хорош! Парадный сюртук подчеркивал достоинства мускулистой фигуры. Ремень безжалостно впивался в подтянутый живот. Из-под густых черных бровей на собеседницу смотрели живые глаза. Ольга смутилась под натиском его глаз и задала бестактный вопрос:

— Скажите, майор, а почему вы приехали в пансионат отдохнуть один?

Военный не спешил с ответом, видно, говорить ему на эту тему было не приятно:

— Дело в том, что я вдовец. Моя жена умерла недавно. Мы с ней хорошо жили.

— Ой, простите меня, пожалуйста, я не хотела причинить вам боль.

— Пустое. Вы, наверное, думали, что я ловелас, который ищет развлечений на стороне

от семьи.

— Нет, я так не думала.

— Да ладно, вижу, что думали. По глазам вижу. Вы не умеете лгать, Ольга. Вам, наверное, трудно в вашей профессии. Вы не циник.

— Да, откуда вы знаете? — удивилась женщина. — Странно, обычно я как журналист смущаю всех своими вопросами. А сегодня — наоборот.

— Я рад, что корка льда растаяла между нами, — по-доброму, улыбнулся майор. — Я видел, что вас тяготит мое общество.

— Нет, что вы, вам показалась, — услышав правду, Ольга смутилась и поспешила взять бокал в руки, чтобы скрыть смущение.

— Давайте выпьем за вас, Ольга! — майор торжественно произнес тост. — Вы прекрасны! Я никогда не встречал такой женщины.

— Вы очень любезны, Вадим, — сказала Ольга и пригубила вино.

— Почему вы так мало пьете? Это прекрасное вино.

— Что-то не здоровится, — уклонилась от ответа женщина.

Зазвучала медленная музыка. Майор пригласил Ольгу танцевать. Они, не спеша, плавно заскользили среди танцующих пар. Вадим шептал на ухо своей партнерше приятные слова, она улыбалась от смущения, стыдливый румянец заливал ее лицо. Нельзя сказать, что Дашкова была безумно счастлива в этот вечер, но общество бравого майора было ей приятным. Он оказался очень обходительным, деликатным человеком, знакомым с правилами этикета. Вадим ухаживал ненавязчиво, он напрочь был лишен грубых манер, зачастую присущих военным.

— Оленька, я не удивлюсь, если вы сегодня окажетесь королевой бала, — сказал Вадим и заговорщицки подмигнул своей партнерше. — Все мужчины в этом зале смотрят на вас, их взоры обращены в вашу сторону.

— Вы преувеличиваете, Вадим, — сконфузилась Дашкова. — Я вижу только то, что кавалеры уделяют свое внимание своим дамам.

— Нет, я с вами не согласен. Вы просто неискушенная в данном вопросе. Если даже этот англичанин не сводит с вас взгляда, он смотрит на вас весь вечер напролет. Его дама даже заскучала.

— Странно, я не вижу его в зале, — Дашкова замотала головой в поисках незнакомца. При одном упоминании об этом человеке у нее начинало бешено колотиться сердце. Она искала его взглядом, не боясь разочароваться, даже если увидит его с женой.

— Однако Генрих направляется в нашу сторону, — удивился Вадим. — Он что собирается увести вас от меня? Я не позволю никому увести у меня даму! — грозно сказал военный и с неприязнью на лице уставился на подходящего англичанина.

Грозный вид майора не испугал Генриха. Он вежливо поклонился Ольге и спросил:

— Вы разрешите с вами потанцевать?

Ольга опешила, она узнала Мишеля. Естественно, она не могла ему отказать. Она безумно хотела остаться с ним наедине. Ольга сделала уже шаг навстречу и подала руку партнеру.

Вадим наблюдал за этой сценой с безумными глазами.

— Что вы себе позволяете молодой человек? Это несказанная наглость, уводить у меня даму! — вспыхнул военный и залепил пощечину обидчику.

Лицо Мишеля искажилось от гнева. Но он тут же взял себя в руки.

— Я не буду с вами драться. Можете сколько угодно провоцировать меня, — холодно проговорил Мишель и посмотрел на Ольгу: — Пойдем танцевать, дорогая. Мы так с тобой давно не виделись, нам о многом надо поговорить.

— Хорошо, Мишель, — покорно согласилась Ольга.

— Какой Мишель? — не унимался майор. — Где Мишель? Это же Генрих! Или вы знакомы с этим человеком, Ольга? А меня просто водили за нос, — майор ухватил Ольгу за руку и не отпускал.

— Прекратите, Вадим, не сжимайте мне руку. Вы делаете мне больно, — ойкнула женщина.

Тут в разговор снова вмешался Мишель:

— Мы, действительно, знакомы. Это моя невеста, отпустите ее! — приказал Мишель.

— Ничего не понимаю, — развел руками майор. — Чья невеста? Кого? У вас же за столиком сидит ваша жена.

— Это не жена моя, это моя двоюродная сестра Камилла.

— Вообще ни чего не понимаю. Вы же вместе приехали отдыхать в пансионат.

— Это ничего не значит. Мы живем в разных номерах, можете спросить у портье.

Вадим от удивления разинул рот. Мишель поспешил увлечь Ольгу на середину зала, уводя партнершу от надоедливого военного. Несколько минут они танцевали молча, только пожирая глазами друг друга. Мишель ласково обнимал Ольгу за плечи. На лице у нее застыл немой вопрос.

— Ну, здравствуй, родная. Ты, наверное, очень удивлена, откуда я взялся? — спросил мужчина, немного посмеиваясь над ее удивлением.

— Честно говоря, я меньше всего ожидала увидеть тебя здесь, — просто сказала Ольга. — Неужели аристократы сменили свои привычки и приезжают отдыхать в простые пансионаты?

— Не прибедняйся, любимая. В ваш пансионат довольно трудно попасть. Мне с трудом удалось купить себе номер. Не смотря на зимнее время, все номера заняты.

— Но кто эта Камилла? Как она оказалась с тобой? И почему ты назвался англичанином? Ты сменил имя на Генрих?

Мишель громко рассмеялся и поспешил все объяснить своей невесте:

— Дорогая, ты так быстро уехала. Не обманывайся, я сразу же понял, что ты меня бросила. Но я не понимал почему.

— Неужели ты ничего не знал? Доктор тебе ничего не сказал? — Дашкова задала вопрос и замерла. Она ждала реакции Мишеля.

— Доктор все объяснил. Но было слишком поздно, ты уже уехала. Я думал, что у тебя кто-то есть. Я для тебя простое увлечение. Я даже думал, что этот майор твой муж. Он все время крутился возле тебя, поэтому я не подходил слишком близко. Хотел вначале разведать обстановку.

— Вадим — такой же отдыхающий как и все. Сегодня я просто согласилась пойти с ним в ресторан поужинать. Нас ничего не связывает. Значит, ты приехал сюда, чтобы...

— Я приехал в Россию, чтобы разыскать тебя и забрать с собой. Я не знал, где ты будешь жить. Я думал, что, возможно, ты вышла за муж. Я разыскивал тебя и дома, и на работе. Я впал в отчаяние, тебя нигде не было. Я боялся, что ты вообще уехала из столицы. Телефон Валерии я нашел случайно в своем мобильнике. Я перебирал справочную книжку, хотел найти твои московские номера, и нашел Валерин номер. Помнишь, ты звонила ей

несколько раз с моего телефона.

— Да, я помню. Так это Валерия направила тебя сюда? — догадалась Дашкова.

— Да, — махнул головой Мишель. — Это святая женщина. Она наш ангел-хранитель, она помогла нам встретиться. Неизвестно, как на ее месте мог повести себя другой человек.

Музыка давно кончилась. Музыканты ушли со сцены на пятиминутный перерыв. А Мишель с Ольгой продолжали танцевать. Они не видели и не слышали никого. Все взоры в этот вечер были обращены на них. На золотоволосую женщину в черном вечернем платье и красивого брюнета, который нежно обнимал свою даму за талию. Они не заметили, как закончилась музыка, потому что музыка звучала внутри них. Они были несказанно счастливы, что наконец-то обрели друг друга.

Вадим не долго страдал о бросившей его женщине. Майор подсел к Камилле и напропалую ухлестывал за ней. Хорошенькая Камилла улыбалась на его шутки, хотя ничего не понимала по-русски. Она считала военного забавным, впрочем забавными она считала всех русских. Вадим безбожно сорил деньгами. Заказывал дорогие вина, фрукты и закуски, желая произвести на даму приятное впечатление.

Камилла была одета в голубое платье для коктейля. Плечи и руки были полностью открыты. На тоненькой холеной шейке висело жемчужное ожерелье. Вадим не отводил масляных глаз от француженки. Эта женщина пленяла его загадочностью и французским шармом. Майор решил затаиться, не устраивая драки в ресторане. Но обиды обидчику он не простил. Вадим решил подкараулить обидчика и наказать. По армейской привычке, табельное оружие он носил всегда с собой. О будущих последствиях Вадим не думал, хмель и ненависть от нанесенной обиды ударили ему в голову.

* * *

Дорога Мишеля в Россию была нелегкой. Когда граф Строганов решил ехать за своей невестой в Москву, Юна завлекла его в ловушку. Было от чего сойти с ума! Именно в тот момент, когда он узнал истинную причину бегства Ольги, Мишель так глупо угодил в нюжки барышни Нелидовой.

Нелидова торжествовала. Она ходила по дому с гордо поднятой головой как победительница. Чувства Мишеля ее не интересовали. В ее план входило стать графиней Строгановой, она его добилась. Любовь Нелидова считала чушью, которую выдумали бедные поэты. В мире существовал только голый расчет.

Юна была несказанно счастлива. У нее появилось столько обновок, о каких она и мечтать не могла, выйди она замуж за бедного клерка Франсуа. Богатый дом Строгановых, наконец-то, стал реальностью. Будущая графиня бегала по магазинам, скупая одежду, обувь, парфюм и понравившиеся ей аксессуары. В ее комнате некуда было складывать коробки с покупками из бутиков. Отказа ей не было ни в чем. Она любила посещать самые дорогие салоны, где парикмахеры, визажисты работали над совершенством ее красоты.

Лежа в дорогой ароматической ванне в СПА-салоне, женщина блаженствовала. Она мечтала, как после свадьбы поедет с Мишелем отдыхать в Швейцарию. «Впрочем, если Мишель не захочет, я поеду одна, — девушка упрямо ударила ладошкой по воде, брызги тут же полились за край ванны. — Подумаешь, я ему не очень нравлюсь. Многие пары так живут, и ничего. А в Швейцарии с деньгами мужа я легко найду себе любовника, — Юна зажмурилась и представила себя в объятиях молодого и красивого юноши, который страстно

целовал ее. Девушка страстно вздохнула и открыла глаза: — Нет, все-таки хорошо быть замужем за богачом.» Девушка встала из ванны и обвернулась в большое махровое полотенце. По телу пробежала дрожь. Она вспомнила, что сейчас ей надо было идти на массаж к стройному атлету Габриэлю. Его руки были такие нежные и такие шаловливые. От приятных воспоминаний Юна улыбнулась. Она не спешила уходить после массажа. Они с Габриэлем частенько уединялись в его кабинете. Он был страстный любовник. Единственный недостаток массажиста состоял в том, что он был падкий до подарков. «Но ничего, — думала про себя Нелидова, — слава Богу, я теперь могу позволить себе любые расходы. Хоть бы ничего не расстроило моей свадьбы со Строгановым».

Спасителем Мишеля оказался его друг Жан. Они вместе учились в Кембриджском университете. Мишель и Жан встретились как закадычные друзья. Им было что вспомнить. Студенческая молодость, первые ухаживания за девушками, шумные пирушки.

— Это все-таки здорово, что ты навестил меня, дружище. А то мне что-то скучновато в своей берлоге, — Мишель крепко обнял друга.

— Потихе, а то раздавишь в своих лапищах, — пробасил в ответ худощавый Жан. Парень обвел взглядом обстановку дома: — Ничего себе берлога. Я бы в таких апартаментах пожил с удовольствием.

— Так в чем же дело? Оставайся! Места всем хватит.

— А как на это посмотрит молодая жена? Ходят упорные слухи, что ты, брат, женился.

— Я пока холостой, — раздосадовано ответил Мишель. — А что касается моей невесты, так мне наплевать на ее мнение.

— Что-то ты друг не весел. А ну выкладывай, на какой черт тебе эта женитьба.

— Это — длинная история, без бутылки коньяка не обойдись.

— А как на счет водки, приятель?

— Идет! По рукам! Я и забыл, что ты, чертяка, водочку больше любишь, — Мишель толкнул приятеля в бок.

— Да! — Жан сделал строгий вид. — Только я предпочитаю напиток высокого качества.

Мужчины обосновались в кабинете. Беседа длилась час, другой. Водка лилась рекой, табачный дым стоял коромыслом. Под крепкий напиток Мишель рассказал другу, как на духу, как вляпался с женитьбой.

— Вот она стерва, эта ваша Юна! — не выдержал Жан. — Влезла в дом как змея и укусила. Это ж видно как Божий день, что она тебя подставила. Подсыпала какую-то дрянь в стакан. Ты в постель, а она за тобой. Мол, вот, милый, не отвертись, ночь со мной провел — женись! Сама, видно, мужиков поменяла, как пить дать.

— Самое обидное, что я уже собрался ехать за Ольгой, — объяснял другу Мишель.

— А она красивая твоя Ольга? А как она в постели? — Жан насмешливо посмотрел на приятеля.

— Этот вопрос не обсуждается! — строго сказал Мишель.

— Понял, не дурак! Давай, приятель, еще выпьем, чтоб у тебя все было хорошо с Ольгой.

— Нет, теперь это не возможно, на носу женитьба с Нелидовой. И, главное, отвертеться нельзя!

— Не сокрушайся, друг. Я тебе помогу. Возьму твою Нелидову на себя. У меня тут план созрел. Надо обсудить.

Когда Юна заглянула в кабинет, она увидела, как мужчины склонились над столом и о

чем-то шушукались. Она с видом хозяйки зашла в кабинет. Подошла к окну и отдернула шторы:

— Что это вы сидите в темноте? На улице день, а вы тут заперлись. А накурили, хоть топор вешай.

— С чем пожаловала? — Мишель сердито посмотрел на невесту.

— Присаживайся, Юна, посиди с нами, — приветливо проговорил Жан и подобострастно посмотрел на девушку.

Юна осталась довольна. Ей показалось, что она произвела впечатление на приятеля Мишеля. Девушка изучающе посмотрела на мужчину и подумала: «Ах, как он хорош! Эти светлые волосы до плеч, пронзительные серые глаза!»

Жан был любимцем женщин. Он был выше Мишеля на голову, шире в плечах, раскован в манерах. Под его взглядом Юна начала млеть, у нее начала кружиться голова.

— Что вы предпочитаете, мадемуазель? — Жан ворковал возле девицы как галантный кавалер.

— Я выпью... немножко... вина, — под прицелом серых глаз Юна начала заикаться. Она почти потеряла самообладание, так ей нравился гость.

— Давайте выпьем за встречу! — предложил Мишель. Его холодный голос вернул Юну с небес на землю.

— Давайте выпьем за встречу, — тихонько поддержала тост девушка.

... То ли случайно, то ли умышленно, но так случилось, что гостя поселили в комнату, которая располагалась рядом с комнатой Юны. В первую же ночь Жан тайком пробрался в комнату девицы. Увидев непрошеного гостя, Юна вскочила с постели как ошпаренная:

— Что вы себе позволяете? Я буду кричать! — решительно проговорила девушка. Она стояла голая, прикрываясь простыней. Босые ноги упирались в пушистый ковер. — Уходите, или я вызову слуг.

— Кричи, моя богиня, — спокойно сказал Жан. Он улыбнулся и пошел на встречу к Юне: — Я думаю, Юна, что тебе лишняя огласка не нужна. Если кто-то увидит меня в твоей спальне, то ты пропала. Тебе не видать свадьбы с Мишелем, как собственного носа. Кажется, так ты его шантажируешь. Тем, что неизвестно как очутилась в его постели.

— Уходите, я прошу вас, — взмолилась девушка.

Но Жан и не собирался поворачивать к выходу, он неумолимо приближался к девушке. Юна стояла без движения, не в силах оторвать своего взгляда от ночного гостя.

— Поздно, милая, я слишком близко от тебя, — сказал Жан и впился в ее губы страстным поцелуем.

Ночные визиты Жана не остались незамеченными в доме, где работало много прислуги. Строганова молчала до поры до времени, предпочитая наблюдать со стороны за развитием событий. Нелидова сияла от восторга. Жан оказался прекрасным любовником. Все-таки, хорошо, что она его тогда не оттолкнула от себя. Барышня Нелидова тоже делала вид, что ничего не произошло, однако каждую ночь принимала Жана у себя в спальне. Мишель также молчал, не желая торопить событий. В душе он надеялся, что план Жана удастся. Друг пообещал, что обольстит коварную Юну и выведет ее на чистую воду.

Строя ловушку для Нелидовой, Жан непроизвольно очутился в ней сам. Вместо ненависти Юна вызывала расположение и роковую страсть. Жан попался на ее чары как янец. Он уже не мог забыть бурные ночи, проведенные в постели хорошенькой Юны. Заядлый холостяк влюбился как мальчишка. Выход был один — жениться на

скомпрометированной им Нелидовой. Нелидова была не против, она понимала, что партию с Мишелем она проиграла. К тому же ей так нравился светловолосый Жан. Его темперамент сводил девицу с ума. Она чувствовала с ним себя женщиной. Через неделю Жан и Юна благополучно съехали из дома Строгановых. Домочадцы с облегчением вздохнули.

* * *

Мишель не стал подробно распространяться на счет Нелидовой. Он считал неуместным рассказывать Ольге всю историю с барышней Нелидовой и несостоявшейся женитьбе. Он был на седьмом небе от счастья. Жан выручил друга, женившись на Юне. Кажется, Жан даже еще счастлив. Все устроилось как нельзя лучше.

Мишель обнимал Ольгу. Он так давно мечтал об этой встрече. Они стояли у окна в комнате Ольги. Мишель все простил Ольге. Он больше не сердился за ее поспешное бегство. Он пошел дальше, Мишель сказал Ольге, что согласен стать отцом ее ребенка. Они были безумно счастливы. Наконец-то их разлука закончилась, они встретились и теперь не расстанутся никогда. Их путь к счастью был такой трудный, но теперь ничто не помешает их счастью. На утро Мишель и Ольга решили собираться в дорогу. Их ждал дом в Биаррице, где они мечтали прожить всю оставшуюся жизнь.

Выстрел прозвучал в ночи оглушительно. Пуля разбила стекло и попала в Мишеля. Он вскрикнул от боли и стал медленно оседать на пол. Ольга истошно закричала. Она подскочила к окну и увидела, что на улице кто-то убегает по снегу в тень дома.

Женщина не знала, что делать. Она была в панике. Вместо того, чтобы вызвать «Скорую» по телефону, она металась по комнате как загнанный зверь. Она хотела помочь Мишелю, но не знала как. Он был без сознания, рубаха вся была залита кровью.

На женский крик начали собираться соседи. Прибежала испуганная вахтерша. Кто-то вызвал врача. Ольга не отходила от Мишеля ни на секунду, ей казалось, что если она будет рядом, он не умрет. Она поехала с ним в больницу. Ей еще долго пришлось сидеть в коридоре у операционной, когда Мишелю делали операцию. Когда его перевели в палату, она легла рядом на кровать и заснула тревожным сном. Начало действовать успокоительное, которое ей дала медсестра.

Тусклый свет пробивался в окно, начиналось пасмурное зимнее утро. Ольга тяжело приоткрыла веки и осмотрелась вокруг. Увидев больничную обстановку, она попыталась вспомнить события предыдущего дня. Все казалось страшным сном. Женщине не верилось, что Мишель в больнице. Кто-то ночью в него стрелял. Но почему они так близко стояли у окна? Не надо было вообще оставаться ночевать. Надо было сразу отправляться в аэропорт. Но кто мог стрелять в Мишеля? Ольга вспомнила искаженное от гнева лицо майора. Вадим все-таки, отомстил, негодяй! Ольга вскочила с кровати и вышла в коридор, чтобы позвонить в милицию.

Когда Ольга вошла в палату, она услышала стон. Мишель слегка пошевелился, движения причинили боль. Женщина закрыла уши руками, чтобы не слышать стоны любимого, они разрывали ей сердце. В палату вошла медсестра и сделала больному укол. Мишель затих, боль прекратилась. Семь дней Мишель был в беспомощности. Больной постоянно находился в

реанимации, дежурная сестра не отходила от его постели. Врачи беспокоились о его состоянии. При встрече с Ольгой лечащий врач неловко разводил руками:

— Поймите, медицина тут бессильна. Мы сделали, все что могли. Остается только ждать. Ваш муж физически сильный, занятия спортом укрепили организм. Будем надеяться, что больной скоро придет в себя.

От отчаяния Ольга плакала. В больницу приехала Валерия, чтобы поддержать подругу. Валерия обнимала подругу и сокрушенно говорила:

— Как так могло произойти? Кто мог стрелять в Мишеля? Он же никому не причинил зла.

— Это я во всем виновата, — горько плакала Ольга. — Не надо было мне идти с Вадимом в ресторан. Из-за глупой ревности Мишель может погибнуть.

— Не говори глупостей, Ольга, все будет хорошо, — Валерия говорила с напускной строгостью. — Возьми себя в руки. Мишелю ты нужна сейчас сильная. Да и будущему ребенку нужна здоровая мать. Ты просто убиваешь себя.

— Господи, за что ты наказываешь меня, — рыдая, причитала Ольга.

— Ну, я прошу тебя, Оленька, не плачь, — всхлипывала Валерия. — Силы же нет смотреть, как ты страдаешь.

— Что я? Ему сейчас хуже, чем мне. Мишель пострадал из-за меня.

— На то они и мужчина, — резонно заметила Валерия. — Вставай, пойдём покушаем. Ты, наверное, ничего не ешь.

— Я не оставлю Мишеля одного, — истерически закричала Ольга.

— Тебе все равно надо поесть, — успокаивала подругу Валерия. — У постели Мишеля дежурит медсестра. И Камилла побудет пока здесь. А тебе нужно поесть, ты от бессилия совсем с ног валишься, — Валерия обняла Ольгу за плечи и повела в столовую.

Мишель поправился через месяц. Он выписался из больницы и уехал во Францию...

Эпилог

... Двое молодых людей стояли на берегу моря, обнявшись. Они были счастливы. Об этом говорили их лица. С моря дул легкий бриз, волны лениво перекатывались, набегая на песчаный берег. Ветер трепал золотистые кудри женщины. Она жмурилась от солнца, закрывая глаза. Мужчина не отводил счастливого взгляда от своей любимой. Их глаза сияли счастьем. Это были Мишель и Ольга. Они поженились. Черeda неприятностей, которые неотступно преследовали Мишеля, отступила. Мишель и Ольга наслаждались семейным счастьем. Они заслужили его своими страданиями. Их любовь оказалась сильнее трудностей, выпавших на их долю.

Через полгода Ольга родила девочку. Она была прехорошенькая, вылитая мать. Мишель признал дочь своей. Девочку нарекли Еленой в честь матери Мишеля. Госпожа Строганова была на седьмом небе. Она с удовольствием возилась с малышкой, отнимая работу у слуг.

Артур не ревновал, и к появлению нового члена семейства отнесся благосклонно. Артур повзрослел и на многие вещи смотрел как взрослый. Он не злился больше на отца и Ольгу за их связь. Он понимал, что Ольга ни в чем не виновата, что мать Артура умерла так рано. Младший Строганов понял, наконец-то, что прошлым жить нельзя. «Нельзя призывать прошлое в настоящую жизнь. Тени прошлого только сгущаются над домом, не пропуская солнечный свет вовнутрь, — так говорил доктор. Забавный доктор, который служил семейству Строгановых больше тридцати лет. — Надо жить настоящим. И тогда радость и веселье наполнят ваш дом».

Чета Строгановых полюбила гулять на берегу моря вечерами. Они мечтательно глядели на закат, на желтый диск солнца, который медленно скатывался в море. Солнечная дорожка бежала по волнам, постепенно сокращаясь на нет. Над морем начинали сгущаться сумерки. Величие торжества природы неотменно вызывало восторг в душе Ольги. Ее лицо в этот момент становилось прекрасным и загадочным, как будто она знала какую-то великую тайну. Мишель с любовью смотрел на свою жену. Он любил ее всем сердцем, желал и не хотел бы расстаться с ней ни на минуту. Два года супружеской жизни пролетели как единый миг.

Мишель ласково посмотрел на дочурку. Девочка, весело резвясь, копошилась в песке. Она лопаткой строила пирамидки из песка. Малышка глянула на отца зелеными глазками и закапризничала:

— Папочка, помоги мне построить большой город, а то я не могу.

— С удовольствием, — улыбнулся Мишель, — мы построим город из песка. Где будем жить мы вместе.

— Ты, папочка, мама и я, — перечисляла девочка, умилительно шевеля губами при каждом слове. — Леночка совсем недавно научилась правильно выговаривать слова, но все же буква «р» давалась ей с трудом. Она остановилась, набрала побольше воздуха и произнесла: — А еще с нами будут жить бабушка и Алтул. Вот. — Девчушка рассмеялась, она показалась сама себе такой умницей, что она всех вспомнила.

— Умница моя, — Мишель поцеловал дочку в щечку. — Такая умница и такая

красавица.

— Как мама, — счастливо проговорила девочка.

— Но с нами будет жить еще один человек, — сказала Ольга и загадочным взглядом обвела лица своих родных.

— Кто? — мордашка девчушки вытянулась от удивления.

— У нас скоро будет малыш, мама ждет сыночка. Леночка, у тебя скоро появится братик, — сказал Мишель и с нежностью посмотрел на беременную жену.

— Ура, у меня скоро появится братик, — громко и счастливо закричала девочка. Она подбежала к матери и уткнулась лицом в ее колени. Мишель нежно обнял Ольгу.

Проходивший мимо мужчина, оглянулся. Он засмотрелся на Строгановых.

— Счастливые, — проговорил незнакомец, улыбнулся и пошел прочь...

Больше книг на сайте - Knigolub.net